

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

№ 1
КРАСАВІК

ПСІХАЛОГІЯ

Фундаментальная
бібліятэка БГУ

01239092

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛАРУСЬСЬКАГА
Дзяржаўнага
універсітэта
імя У. І. Леніна

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказны сакратар*), В. С. ГРЫГОР'-
ЕЎ, Г. П. ДАВІДЗЮК, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (*нам.*
галоўнага рэдактара), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*),
М. А. БЕРАЗОВІН, Р. В. БУЛАЦКІ, І. К. GERMANOVICH
(*адказны сакратар*), М. З. ЯНОЎСКІ, В. В. КАЗЛОВА,
Ф. І. КУЛЯШОЎ, М. Р. ЛАРЧАНКА, В. П. МІЦКЕВІЧ,
Б. В. СТРАЛЬЦОЎ, П. І. ТКАЧОЎ, М. Я. ЦІКОЦКІ,
Л. М. ШАКУН (*нам. адказнага рэдактара*), П. П. ШУБА

Да 110-годдзя з дня нараджэння У. І. Леніна

ПА ЛЕНІНСКАМУ ШЛЯХУ

Імя Уладзіміра Ільча Леніна стала сімвалам нашай эпохі. Справа яго стала справай мільёнаў людзей, якія змагаюцца за светлую будучыню чалавецтва. Шлях, вызначаны Леніным, асветлены пражэктарам яго неўміручых ідэй, стаў шляхам пабудовы камунізму.

Тытан навуковай думкі, Ленін усебакова развіў рэвалюцыйнае вучэнне Маркса і Энгельса, адкрыў новы этап марксізму. «Ленінізм — гэта марксізм сучаснай эпохі, адзінае, цэласнае вучэнне міжнароднага рабочага класа, якое няспынна развіваецца» (Пастанова ЦК КПСС аб 110-й гадавіне з дня нараджэння Уладзіміра Ільча Леніна). Ідэйная спадчына Леніна, рэвалюцыйны дух ленінізму служыць невычэрпнай крыніцай рэвалюцыйнай думкі і дзеяння савецкага народа, міжнароднага камуністычнага руху. Створаная Леніным партыя новага тыпу, у якой увасоблена непарыўнае адзінства навуковай тэорыі і практыкі, вядзе наш народ па Ленінскаму шляху пад сцягам рэвалюцыйнай барацьбы, камуністычнага будаўніцтва і міру.

Цесна згуртаваны вакол партыі, савецкі народ пабудаваў новае грамадства развітога сацыялізму. Паспяхова праводзіцца ў жыццё праграма эканамічнага будаўніцтва, стварэння матэрыяльна-тэхнічнай базы камунізму, удасканалення грамадскіх адносін, выхавання савецкіх людзей у духу камуністычнай ідэйнасці. Вынікам ажыццяўлення Ленінскай нацыянальнай палітыкі нашай партыі стала развіццё нашай шматнацыянальнай савецкай дзяржавы, згуртаванне больш чым ста нацый і народнасцей краіны ў новую гістарычную супольнасць — савецкі народ, які высока нясе сцяг пралетарскага інтэрнацыяналізму. Ва ўсёй сваёй рабоце партыя апіраецца на магутны навуковы патэнцыял Краіны Саветаў, пастаянна клапаціцца аб росце адукацыі народа, духоўнага багацця нашага грамадства, аб прымнажэнні каштоўнасцей шматнацыянальнай савецкай культуры, якая развіваецца па ленінскаму прынцыпу партыйнасці.

Развіццё нашай рэспублікі — яркі ўзор дасягненняў Ленінскай палітыкі Камуністычнай партыі Савецкага Саюза. Ажыццяўляючы Ленінскія заветы, працоўныя Беларусі пад кіраўніцтвам Камуністычнай партыі ператварылі свой край з адсталлага і беднага кутка Расійскай імперыі ў квітнеючую індустрыяльна-аграрную, багатую і культурную сацыялістычную дзяржаву. Беларуская ССР, адна з роўных рэспублік Савецкай Радзімы, справядліва ганарыцца поспехамі прамысловасці і сельскай гаспадаркі. Магутныя МАЗы і надзейныя трактары, мінскія гадзіннікі і электронныя вылічальныя машыны, нашы «Гарызонты» і «Акіяны» вядомы ў самых розных кутках зямлі. Беларускую бульбу ведаюць і далёка па-за межамі нашай рэспублікі. Традыцыйны лён у спалучэнні з сучасным лаўсанам любяць модніцы паўсюдна. У зорным небе некалькі сот разоў акружылі нашу Зямлю касмічныя караблі, камандзірамі якіх былі ўраджэнцы нашай рэспублікі. Электрычныя цягнікі ўжо курсіруюць па многіх магістралях Беларусі, а неўзабаве яны будуць хадзіць праз усю рэспубліку. На падвояных крылах імчацца па беларускіх рэках хуткаходныя «ракеты». У Мінску будуюцца метро... Калі б усё гэта сказаць яшчэ ў той час, калі жыў Ле-

нін, многія б не паверылі. Пасля сустрэчы з Леніным вялікі англійскі фантаст Герберт Уэлс назваў яго крамлёўскім летуценнікам. Фантазіі не хапіла выдатнаму фантасту, каб паверыць у бальшавіцкую мару пра лепшую будучыню, каб зразумець самае галоўнае ў гэтай мары — рэальнасць яе ажыццяўлення. «Слова Леніна не забудзецца, — гавораць у Беларусі, — што сказаў ён, тое збудзецца». Беларускі народ разам з усімі народамі нашай Айчыны добра разумее, што ключ поспехаў яго — у непарыўнай дружбе народаў Савецкага Саюза, у мудрым кіраўніцтве Камуністычнай партыі, у закладзеных Леніным асновах пабудовы нашага грамадства.

Выдатных поспехаў дасягнула беларуская культура. Слова Янкі Купалы і Якуба Коласа ўвайшло ў скарбніцу сусветнай літаратуры як слова выдатных сыноў беларускага народа. Далёка за межамі рэспублікі сталі вядомымі творы многіх лепшых беларускіх пісьменнікаў — нашых сучаснікаў. Харавая капэла Рыгора Шырмы і дыскі з запісамі «Песняроў», выступленні беларускіх гімнастак і перамогі нашых фехтавальшчыкаў, карціны М. Савіцкага і манументы Ю. Градава, В. Занковіча, Л. Левіна, С. Селіханова даносяць да людзей усёй планеты здабыткі культуры вольнага беларускага народа, які ў час Вялікай Айчыннай вайны разам з усімі народамі Савецкага Саюза адстаяў сваю свабоду, заваяваную Вялікім Кастрычнікам. Нядаўна беларуская навука адзначыла пяцідзсяцігоддзе сваёй Акадэміі, якая за выдатныя поспехі ўзнагароджана ордэнам Леніна. Беларусь па праву ганарыцца дасягненнямі сваёй вышэйшай школы. Ленінскі прынцып дэмакратызму вышэйшай адукацыі адкрыў шлях у інстытуты і ўніверсітэты тысячам і тысячам дзяцей рабочых і сялян. У краі, дзе да рэвалюцыі па сутнасці не было вышэйшых навучальных устаноў, цяпер функцыянуе 31 ВНУ, у тым ліку ўжо тры ўніверсітэты. У іх навучаецца звыш 170 тысяч студэнтаў, якія атрымліваюць больш чым дзвесце спецыяльнасцей.

Заснаваны па Ленінскаму дэкрэту Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, з якога пачыналася навука і вышэйшая асвета ў рэспубліцы, які стаў флагманам беларускай вышэйшай школы, носіць імя вялікага Правадыра. Наш ўніверсітэт сумленнай працай па выхаванню будучых спецыялістаў, па падрыхтоўцы іх гатовымі для вырашэння ўсіх тых задач, якія стаяць перад краінай, сваім укладам у распрацоўку фундаментальных і прыкладных навуковых праблем, сваёй сувяззю з працоўнымі заводаў і ніў, з творчай інтэлігенцыяй, з сваімі выпускнікамі імкнецца апраўдаць тое вялікае імя, якое яму прысвоіў урад.

Сустрэкаючы 110-годдзе з дня нараджэння У. І. Леніна, вучоныя БДУ узялі на сябе павышаны абавязачальствы. Калектыў ўніверсітэта ў выніку сацыялістычнага саборніцтва дасягнуў значных поспехаў у навуковай і вучэбнай дзейнасці. Так, толькі супрацоўнікі філалагічнага факультэта за 1979 год апублікавалі 213 навуковых прац агульным аб'ёмам каля чатырохсот пяцідзсяці друкаваных аркушаў. Сярод гэтых прац — першы том падручніка па сучаснай рускай мове, падрыхтаванага пад кіраўніцтвам П. П. Шубы, падручнікі і дапаможнікі па беларускай вуснай паэтычнай творчасці, старажытнарускай літаратуры, літаратуры еўрапейскіх сацыялістычных краін, беларускай дыялекталогіі, у падрыхтоўцы якіх прынялі ўдзел М. Р. Ларчанка, Е. С. Мяцельская, Е. М. Камароўскі, Л. Л. Кароткая, Л. М. Гусева, В. М. Цімафеева, «Паэтычны слоўнік» В. П. Рагойшы і другі выпуск «Частотнага слоўніка беларускай мовы» Н. С. Мажэйка і А. Я. Супруна, манаграфіі Ф. І. Куляшова, В. П. Рагойшы, І. П. Кахно, Б. А. Плотнікава, Н. В. Галаўко, К. Р. Хромчанкі, Д. Я. Бугаёва; Н. С. Гілевіч надрукаваў цацвёрты том сабраных пад яго кіраўніцтвам і падрыхтаваных ім сучасных запісаў беларускага фальклору; П. П. Шуба прыняў удзел у падрыхтоўцы чарговага тома беларускага тлумачальнага слоўніка; апублікаваны перавыданні школьных падручнікаў супрацоўнікаў факультэта, надрукаваны падрыхтаваныя на факультэце 5 праграм для ўніверсітэтаў. М. А. Паўленка і Л. А. Бурак абаранілі доктарскія дысертацыі, а некалькі былых аспірантаў абаранілі свае кандыдацкія работы. У Сафіі адбыўся Другі сімпозіум па балгарска-беларускіх моўных сувязях, на якім прагучала сем дакладаў дэлегацыі нашага ўніверсітэта. Гэтаму сімпозіуму прысвечаны спецыяльны нумар часопіса «Сьпоставително езиковознание». Філолагі БДУ выступілі і на іншых адказных навуковых форумах міжнароднага і агульнасаюзнага значэння, у тым ліку на навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Руская мова — мова дружбы і супрацоўніцтва народаў СССР», на IV кангрэсе, арганізаваным у Берліне, Міжнароднай асацыяцыяй выкладчыкаў рускай мовы і літаратуры (МАПРЯЛ). Лекцыі вучоных-

філолагаў БДУ слухалі ў мінулым годзе не толькі нашы студэнты, але і студэнты іншых ВНУ краіны, а таксама Югаславіі, Балгарыі, ГДР. Тут названы некаторыя вынікі навуковай працы толькі філалагічнага факультэта. Аналагічных поспехаў дабіліся таксама вучоныя іншых факультэтаў БДУ, у тым ліку факультэту журналістыкі, а таксама агульнаўніверсітэцкіх кафедраў, сядоў якіх выкладчыкі замежных моў, рускай мовы, педагогікі і псіхалогіі. Сваю працу яны прысвячаюць росвіту культуры роднага народа, яго камуністычнаму выхаванню, далейшаму ўздыму яго матэрыяльнага і духоўнага жыцця.

Разам з тым, абавіраючыся на ленінскі ўзор прынцыповага і крытычнага стаўлення да недахопаў, мы добра разумеем, што яшчэ далёка не вычарпаны рэзервы палепшэння арганізацыі і правядзення навуковай работы, а асабліва работы па навучанню і выхаванню студэнцтва. Змест некаторых курсаў, у тым ліку прафіліруючых, не заўсёды адказвае патрэбам сённяшняга дня. Узровень лекцый і асабліва ўзровень практычных і лабараторных заняткаў нярэдка зводзіцца да працы па запамінанню дробных фактаў замест усваення навуковых абгульненняў і метадаў аналізу. Творчы падыход да кіравання працэсам авалодання ведамі і ўсебаковага выхавання студэнтаў часам замяняецца паперамі і «птушкамі» ў спісах мерапрыемстваў, асобныя выкладчыкі не заўсёды з поўнай адказнасцю адносяцца да выканання сваіх асноўных абавязкаў, фактычна хаваюцца за спінамі тых, хто забяспечвае вялікія сумарныя паказчыкі. Узровень асобных навуковых прац, нават тых, якія атрымліваюць станоўчую ацэнку кафедраў, не заўсёды адпавядае сучаснаму стану навуковых даследаванняў.

Кіруючыся Пастановай ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР «Аб далейшым развіцці вышэйшай школы і павышэнні якасці падрыхтоўкі спецыялістаў», а таксама матэрыяламі Пленума ЦК КПБ «Аб дзейнасці партыйных арганізацый навуковых і вышэйшых навучальных устаноў рэспублікі па павышэнню ўзроўню даследчай работы, накіраванай на паскарэнне навукова-тэхнічнага прагрэсу ў народнай гаспадарцы», усебакова ўлічваючы ў сваёй працы партыйныя дакументы па пытаннях культуры, адукацыі, навукі, увесь калектыў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна, а ў прыватнасці філолагі і журналісты, псіхологі і педагогі прыкладуць усе свае намаганні да далейшага палепшэння якасці ўсіх аспектаў нашай работы, да павышэння эфектыўнасці навуковай, вучэбнай і выхаваўчай работы. Да гэтага нас абавязвае ўжо зробленае і дасягнутае. Да гэтага нас абавязвае велікая задача, якія стаяць перад нашай партыяй, перад нашай краінай. Да гэтага нас абавязвае вялікае імя Леніна, які ўказаў савецкаму народу слаўны шлях у камунізм.

Г. В. БУЛАЦКИЙ, В. Г. БУЛАЦКИЙ

В. И. ЛЕНИН — РЕДАКТОР

Учение В. И. Ленина о печати, его редакторский и публицистический опыт — величайшая школа воспитания кадров средств массовой информации и пропаганды не только стран социализма, но и всей подлинно революционной и демократической прессы. Вот почему к ленинским трудам, его богатейшему опыту журналиста обращаются как теоретики публицистики, так и практические работники газет, журналов, издательств, радио и телевидения. За последнее время вышел в свет целый ряд крупных работ о редакторской и публицистической деятельности В. И. Ленина. Однако в исследовании этой области еще много «белых пятен».

По образованию юрист, В. И. Ленин на вопросы ряда анкет о профессии отвечал: «редактор», «литератор», «писатель», «сотрудник газет»... Обращаясь к Ленину как редактору, мы прежде всего должны иметь в виду методы его работы, принципы, которыми он руководствовался при редактировании и формировании облика газеты или журнала, его участие во всех процессах издания и распространения партийных органов, борьбу за действенность выступлений, заботу о массовости и оперативности, его взгляды на роль и место редактора в деятельности редакции и т. д.

В. И. Ленин был принципиальным редактором. Он и мысли не допускал, чтобы на страницах руководимого им печатного органа могли появиться оппортунистические, антимарксистские статьи, что снижало бы идейную направленность, марксистскую выдержанность газеты или жур-

нала. Можно привести множество примеров, свидетельствующих об этом. Так, в 4-м номере «Искры» Ленин опубликовал статью «С чего начать?», в которой обосновал план создания партии нового типа при помощи газеты. П. Б. Аксельрод, в то время один из редакторов «Искры», писал В. И. Ленину, что статья доставила ему «несказанное удовольствие», и одновременно предупреждал Владимира Ильича, как бы «экономисты» не возобновили после этого с новой энергией тайный поход против Ленина и его организационных планов. И действительно, вскоре в редакцию «Искры» была прислана статья Ю. М. Стеклова (Невзорова), тогда члена парижской группы «экономистов» «Борьба», под названием «Итак, с чего начать?». В ней автор, будучи сотрудником газеты, отстаивал кустарщину и кружковщину, всячески защищал «Рабочее Дело», проповедовал оппортунизм. Редакция «Искры», которая в «Извещении» провозгласила полемику непререкаемым методом своей работы, казалось бы, должна была опубликовать статью своего сотрудника. Однако Ленин категорически возражал против ее публикации. Владимира Ильича поддержала Вера Засулич; Мартов и Потресов предложили поместить статью не в «Искре», а в журнале «Заря». Почему Ленин как принципиальный редактор выступил против публикации? Да потому, что Ю. М. Стеклов не пытался дискутировать, а начисто отвергал ленинский план создания партии нового типа при помощи газеты, исходя якобы из тогдашних условий российской действительности. В статье Ю. Стеклова проповедовались чуждые партии взгляды. И если бы статья была опубликована, это было бы выступление противника («экономиста»), а не единомышленника, пытающегося выяснить спорные вопросы, высказать свои замечания. Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод говорили, что это «гнусная», «предательская» статья, однако считали нужным опубликовать ее на страницах общерусской марксистской политической газеты. Они считали неудобным отказать своему сотруднику. Только Ленин, как принципиальный редактор, высказался против публикации насквозь оппортунистической статьи. Он писал в письме к П. Б. Аксельроду: «...Я должен сказать, что меня особенно возмущает то, что все (даже Арсеньев!) объявляют статью «гнусной», «предательской» (так выразился о ней и Г. В.) * — и все же толкуют о помещении! По-моему, это худшая тактика попустительства и потворства. Говорят в защиту статьи: «Это письмо сотрудника в редакцию. **Неловко** отказывать». По-моему, раз сотрудник берет такие аллюры, мы именно должны пресечь их. Пусть идет с богом в «Рабочее Дело»...»¹

Ленинская идейная непримиримость выражалась также в его отказе сотрудничать в органах печати, публиковавших антимарксистские статьи. Так, весной 1914 года редакция меньшевистско-эсеровского журнала «Современник» объявила себя «органом принципиально-межфракционным» и просила В. И. Ленина «дать свое имя в числе сотрудников». Владимир Ильич отклонил это предложение. 24 марта 1914 года он сообщает из Кракова одному из редакторов журнала В. Б. Станкевичу: «Не разделяя в основном изложенной Вами программы Вашего журнала, я должен отказаться от сотрудничества»². Позднее, 23 мая того же года Ленин пишет В. А. Карпинскому: «Дорогой друг! <...> О ч е н ь рад, что вы не сочувствуете «Современнику»: это поганое предприятие блока двух сволочей, ликвидаторов и народников, мы будем ругать жестоко...»³. В одном из писем Горькому он пишет, что скорее даст четвертовать себя, чем согласится на участие в чуждом ему по направлению органе.

В публикациях антимарксистских материалов в партийной прессе Ленин видит «верх интриганства, верх низости». Издевательством над партийностью считает он использование партийной прессы в групповых целях безответственных литераторов.

Основным методом редакторской деятельности В. И. Ленина было сочетание персональной ответственности перед партией за ведение органа с коллективностью. Соратники Владимира Ильича В. Д. Бонч-Бруевич, В. В. Воровский, К. С. Еремеев, Н. К. Крупская, В. А. Карпинский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и другие оставили яркие воспоминания об основном методе его редакторской деятельности. «Редакторская работа, — вспоминал А. В. Луначарский, — заключалась прежде всего в выработке плана номера... Часто статьи обсуждались заранее. Это бывало и со статьями, которые писал сам Владимир Ильич и мы. Часто Владимир Ильич спрашивал, какие предложения мы имеем относительно тем, мы де-

* Г. В. Плеханов

ляли свои предложения, он делился своими. Каждое заглавие и кратко обозначенная тема подвергались обсуждению. Тот, кто предлагал тему статьи, развивал основные тезисы, свои основные позиции; другие оспаривали, возражали, Владимир Ильич тоже. Происходила оживленная беседа. В известные моменты Владимир Ильич говорил: идите садитесь и пишите.

...Никакая статья, в том числе и Владимира Ильича, никогда не шла в набор без того, чтобы не была прочитана и обсуждена. Не всегда статья коллективно обсуждалась до того, как писалась, но всегда коллективно обсуждалась прежде, чем была напечатана»⁴. Говоря об основном редакторском методе Владимира Ильича, А. В. Луначарский имел в виду работу редакции газет «Вперед» и «Пролетарий», но так же было поставлено дело и в редакциях других органов, которыми руководил Ленин. Когда в состав редакции входили единомышленники Владимира Ильича, здесь всегда царила атмосфера коллективизма, дружеской взаимопомощи, высокой ответственности за порученное дело. Как редактор Ленин выполнял огромную черновую редакционную работу, а также массу других дел. Будучи редактором «Искры», он вникал в малейшие детали при подготовке каждого номера, каждой статьи, занимался версткой, определял шрифты, подсчитывал количество букв и т. д. Так, получив одну из статей П. Б. Аксельрода, он замечал, что статья очень велика для газеты (8 страниц), 64 тыс. букв мелкого шрифта и крупного около 50 тыс. Владимир Ильич писал автору, что при формате «Искры» и верстке в три столбца, из которых каждый «около 6 тысяч букв—значит половина Вашей статьи займет газетную страницу целиком+еще столбец! Это крайне неудобно для газеты...»⁵

Будучи редактором, В. И. Ленин проявлял неустанную заботу об участии широких масс трудящихся в газете. Создавая листовую литературу в период петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», он привлекал к участию в ней передовых рабочих И. В. Бабушкина, В. А. Шелгунова и многих других. «...Без самого активного участия передовых рабочих в составлении и распространении такой литературы, — писал Владимир Ильич позднее, — она существовать бы не могла»⁶. Прежде чем написать листовку, Ленин тщательно изучал условия труда и быта рабочих на тех предприятиях, где она должна была распространяться. Как редактор «Искры» Ленин проявлял постоянную заботу о привлечении рабочих к участию в ее издании и распространении. Такие отделы газеты, как «Рабочее движение и письма с фабрик и заводов», а также «Из деревни», полностью заполнялись корреспонденциями рабочих и крестьян. Через агентов «Искры» Ленин стремился установить тесные контакты с партийными комитетами и отдельными активными социал-демократами. В многочисленных письмах Ленина тех лет выражается постоянная забота редактора о расширении авторского актива. «Мы возлагаем на Ваше сотрудничество большие надежды, — особенно в деле непосредственных связей с рабочими в разных местах», — писал Владимир Ильич В. П. Ногину⁷. А в его письме И. И. Радченко читаем: «Уж очень обрадовало Ваше сообщение о беседе с рабочими <...> Передайте это непременно Вашим рабочим и передайте им нашу просьбу, чтобы они и сами писали нам **не только для печати**, а и так, для обмена мыслей, чтобы не терять связи друг с другом и взаимного понимания»⁸.

Выпуск газеты требовал четкости в деятельности секретариата редакции, особенно в то время, когда отсутствовала слаженность в работе редакторов (в период выхода «Искры», «Пролетария» (1906—1909), «Социал-демократа» (1908—1917)). Современники поражаются тому, как В. И. Ленин смог создавать чрезвычайно дееспособный секретариат. В «Искре» он, например, состоял из одного человека (в первое время И. Г. Смилович, а потом Н. К. Крупская). Малочисленность секретариата компенсировалась хорошей организацией труда и энергичной деятельностью редактора. Ленин-редактор очень внимательно относился к литературному оформлению той или иной статьи, памфлета, фельетона, внутреннего обозрения. Как вспоминает А. В. Луначарский, «Владимир Ильич предоставлял своим сотрудникам довольно широкую свободу выражения и, так сказать, внешнего оформления»⁹. Ленин очень тщательно правил чужой текст, при этом он всегда проявлял исключительную заботу об основных мыслях статьи, внося изменения в текст, чрезвычайно тактично объяснял автору их необходимость. Ленин был тонким стилистом, не терпел языковой безграмотности, небрежности. Вместе с тем, он очень заботился, «чтобы сохранен был дух, стиль, своеобразие корреспонденций, чтобы они не обесцве-

чивались, не обывтелились, чересчур, сохраняли свое лицо»¹⁰. «Ленинская правка, — отмечает М. С. Ольминский, — была такая, что статья неизменно выигрывала в смысле энергии, четкости и революционности»¹¹.

Очень внимательно относился В. И. Ленин к замечаниям по поводу своих статей. В. В. Воровский свидетельствует: «...Никто не может так охотно следовать чужому совету, если совет хорош; никто не позволяет добродушно редактировать свои рукописи и «изменять» их; никто не подчиняет себя так охотно мнению большинства. Но, конечно, все это так, когда он не убежден, что этим наносится вред интересам партии и рабочего класса. В противном случае он тверд в своих требованиях, если даже после этого должен последовать разрыв с лучшими друзьями...»¹²

В. И. Ленин-редактор постоянно напоминал сотрудникам не забывать читателя. «...Не упускать из виду читателя-рабочего, стараться писать просто, без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков «учености», которые так пленяют декадентов и титулованных представительниц официальной науки»¹³.

В. И. Ленин-редактор проявлял постоянную заботу о точности и достоверности фактического материала. Об этом свидетельствует В. Д. Бонч-Бруевич: «Владимир Ильич всегда почти все прочитывал сам, что шло в номер газеты, или доверял это чтение особо ответственным товарищам. Его всегда беспокоило: нет ли чего-либо неверного в статье, в корреспонденции, в хронике. Если автор был недостаточно известен, он обязательно проверял сам или поручал кому-либо проверить цитаты, на выборку — цифры, сам подсчитывал статистические таблицы и пр. и нередко открывал ужасающие ошибки. Щепетильный до мелочей в правильности перевода с иностранных языков, он требовал четкости языка, и если встречалось какое-либо слово или выражение, которое может иметь другое значение или придать другой смысл, он нередко ставил в скобках это слово или выражение на том иностранном языке, с которого делался перевод»¹⁴.

В. И. Ленин учил членов редколлегии, сотрудников газет, которые он редактировал, выступать страстно, гневно, бескомпромиссно против оппортунистов всех мастей. Он учил членов редколлегии, как проводить в газете важнейшие кампании.

Будучи за границей, Ленин внимательно следил за работой редакций газет «Звезда», «Правда» и направлял их деятельность. «У «Правды», — писал он в редакцию, — на деле руководящая позиция. Ее надо с честью отстаивать»¹⁵. Или: «Слово «Правды» — закон, ее молчание сбивает с толку рабочих, ее воздержание сеет недоумение»¹⁶. В книге «Ленин и «Правда» опубликовано большое количество писем Владимира Ильича. В них содержатся конкретные указания редакции газет. В одном из них читаем: «В газете нет литературно-критических обзоров, статей, заметок»¹⁷. Владимир Ильич советует редакции привлечь к работе в газете М. Горького и сам пишет ему: «В «Правде» Вас все нет да нет. Жаль. А надо бы поддержать газету»¹⁸. Ленин резко критиковал редакцию за уклончивый тон («С каких это пор гневный тон вредит газете?»), за неоперативность («Газета, которая отстает, погибла») и т. д.

Зимой 1916 года в письме к Инессе Арманд Владимир Ильич характеризует свой жизненный путь, начиная с 1893 года: «Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей оппортунизма... И ненависть пошляков из-за этого»¹⁹. Несмотря на это, Владимир Ильич заявляет, что никогда не променял бы свою политическую судьбу на «мир» с пошляками-оппортунистами всех мастей. Эти боевые кампании В. И. Ленин-редактор успешно вел при помощи газет, журналов, сплотив вокруг себя боевых соратников. Ленинское учение о печати, его огромный редакторский опыт — величайшая ценность для журналистов нашей страны, стран социалистического содружества, а также развивающихся стран.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 144.

² Там же, т. 48, с. 277.

³ Там же, т. 48, с. 292.

⁴ Ленин — журналист и редактор. Сборник. — М., 1960, с. 325—326.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 61.

⁶ Там же, т. 25, с. 96.

⁷ Там же, т. 46, с. 60.

⁸ Там же, т. 46, с. 201.

⁹ Ленин — журналист и редактор, с. 331.

¹⁰ Крупская Н. К. Сборник статей и выступлений.— М., 1971, с. 168.

¹¹ Старый большевик, № 5 (8), 1933, с. 141.

¹² Ленин — журналист и редактор, с. 340.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 148.

¹⁴ Ленин — журналист и редактор, с. 345.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 77.

¹⁶ Там же, т. 48, с. 273.

¹⁷ Там же, т. 48, с. 74.

¹⁸ Там же, т. 48, с. 97.

¹⁹ Там же, т. 49, с. 340.

В. К. ЗЛОБИНА

ПИСЬМА-ОТЗЫВЫ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В. И. ЛЕНИНА

Владимир Ильич любил жанр письма и умел им пользоваться. Как справедливо замечает исследователь А. Г. Цейтлин в книге «Стиль Ленина-публициста»¹, виды ленинских писем исключительно разнообразны. Однако письма-отзывы В. И. Ленина на различные произведения нашими исследователями не рассматривались.

Что же представляют собой ленинские письма-отзывы? В большинстве случаев это очень лаконичные письма, содержащие краткую оценку произведения. Они включают следующие структурные элементы: указание на то, кому адресована книга или статья; объяснение цели выходящего в свет издания или публикации статьи; определение центральных вопросов, рассматриваемых в той или иной книге, выявление их актуальности. Таким образом, письма-отзывы содержат некоторые элементы критического анализа и тем самым примыкают к жанру рецензии.

Рассмотрим ряд ленинских писем-отзывов, относящихся к различным периодам его творчества.

Получив от А. В. Луначарского в августе 1905 года план брошюры «3 резолюции», Владимир Ильич сразу же отправил ему письмо, в котором одобрил выбор темы, и советовал «популярно рассказать задачи социализма, сущность его и задачи осуществления». Одновременно он предлагает Луначарскому написать литературно-критический очерк под названием «Лубочная литература», в котором, по мнению Владимира Ильича, необходимо было бы разоблачить «пошлость Старовера, Мартова и др. в их полемике с «Пролетарием», а также перепевы в «Большинстве или меньшинстве» и т. д. Несколько советов, содержащихся в письме по поводу того, как подготовить литературно-критическое выступление, наглядно отображают ленинские требования к рецензии: «Пригвоздите их за их мизерный способ войны. Сделайте из них тип. Нарисуйте их портрет во весь рост по цитатам из них же»².

В 1913 году В. Войтинский прислал статью в журнал «Просвещение». Однако редакция отвергла ее из принципиальных соображений, поскольку автор не только оторвался от жизни партии, но и высказывался за примирение с ликвидаторами. Несмотря на свое дружеское расположение к В. Войтинскому, В. И. Ленин писал ему: «Получив статью «За общее знамя», должен по совести сказать, что она решительно никуда не годится. Откровенность и прямота прежде всего — не так ли? Автор абсолютно не понял положения дел в России и дал себя увлечь... как бы это помягче выразиться?... «амикошонству», что-ли, с пошехонскими меньшевиками... Нельзя восстановить партию иначе как против ликвидаторов. Теперь это сами рабочие поняли... Наш журнал не альманах, а боевой орган. Поэтому о напечатании статьи и речи быть не может. Но я был бы очень рад видеть возражение автора на мою критику, как вообще рад бы чрезвычайно всякому обмену мнений с старыми друзьями» (48, 238-240).

Не признавая никаких отступлений от политической линии журнала, В. И. Ленин вместе с тем проявлял поразительную чуткость к авторам, близким «Просвещению» по духу, переписывался со многими из них, помогал советами, дорабатывал статьи. В июне 1913 года он направил письмо В. М. Каспарову, в котором сообщал: «Получил и прочел Вашу статью. Тема, по-моему, взята хорошо и разработана верно, — но недостаточно литературно отделана. Есть много чересчур — как бы это сказать? — «агитации», не подходящей к статье по теоретическому вопросу. Либо Вам самим, по-моему, следует переделать, либо мы попробуем» (48, 197).

Строки этого письма показывают, насколько В. И. Ленин был внимателен и к содержанию, и к форме пропагандистских и историко-теоретических выступлений. Часто в критических отзывах на литературные произведения он делал замечания относительно их формы.

Один из постоянных авторов журнала «Просвещение» прислал как-то статью, которая оказалась интересной по содержанию, по замыслу, однако материал в ней был изложен не вполне ясно. В. И. Ленин дал следующий ответ этому автору: «Мой совет, если позволите дать: напишите еще одну статью, которая пойдет сначала. Введение, краткий очерк вопроса о «централизме» и «сепаратизме» (термины Вы выбрали удачно и верно) среди социал-демократической Украины. Введите читателя в вопрос. Расскажите об общих течениях, что они такое, какова их история (кратко)»³.

В. И. Ленин внимательно следил за выступлениями в печати А. М. Коллонтай. Так, 22 мая 1915 года Владимир Ильич отправляет ей письмо, в котором пишет: «Ваши статьи в «Нашем слове» и для «Коммуниста» о скандинавских делах вызвали во мне такой вопрос: Можно ли хвалить и находить правильной позицию левых скандинавских социал-демократов, отрицающих вооружение народа?.. Как можно допустить, чтобы революционный класс накануне социальной революции был **против** вооружения народа?.. Как можно «признавать» классовую борьбу, не понимая неизбежность ее превращения в известные моменты в гражданскую войну?» (49, 76).

Владимир Ильич требует от автора четкости в выражении идейно-классовых позиций, в постановке и решении социальных проблем. Это главное, по его мнению, чего не достаёт статьям А. М. Коллонтай. Владимир Ильич здесь же предлагает план переделки статьи, советует, как лучше исправить ее слабые места, что необходимо дополнить. В данном случае, как и во многих других, В. И. Ленин-рецензент становится соавтором создания полноценного, яркого публицистического выступления.

А. В. Луначарский в одной из своих статей отметил поразительную способность В. И. Ленина давать четкую оценку различным произведениям, книгам, публикациям: «Часто бывает, что брошенные, казалось бы, вскользь замечания Владимира Ильича содержат на самом деле целую программу действий для литературоведа, намечают веши методологического пути, приобретают директивное значение»⁴.

Приведем несколько примеров таких кратких ленинских откликов. Ознакомившись с новой работой заместителя наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», в письме к автору от 5 декабря 1920 года В. И. Ленин даёт ей следующую оценку: «Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом». Вместе с тем Владимир Ильич советует автору, какие необходимо сделать дополнения, чтобы получился массовый учебник по русской истории. Заканчивая письмо, В. И. Ленин высказывает свои соображения относительно преподавания истории в учебных заведениях, чтобы у учащихся «не было **верхоглядства**, чтобы знали **факты**, чтобы учились сравнивать старую науку и новую» (52, 24).

30 апреля 1921 года в письме к Л. Д. Троцкому по поводу брошюры Шатуновского «Белый уголь и революционный Питер» В. И. Ленин писал: «Очень слабо. **Декламация** и только. Делового **ничегошеньки**» (52, 173). В брошюре был затронут весьма сложный вопрос о восстановлении Петрограда как промышленного центра. В. И. Ленин, ссылаясь на оценку Кржижановского, отмечает, что Шатуновский взялся писать о том, чего не знает.

Записка, направленная В. И. Лениным Бела Куну по поводу брошюры «От революции к революции», изданной в 1920 году в Вене, содержит, с одной стороны, положительный отзыв о книге, а, с другой стороны, — характеристику ее недостатков и предложения по их устранению. Рецензент считает, что книга ценна в первую очередь тем, что в ней чувствуется «твердость революционных убеждений автора, его непреклонная вера в революцию». Но в то же время В. И. Ленин отмечает как громадный недостаток брошюры «полное отсутствие фактов». Далее излагаются конкретные предложения: «Из 55 страниц надо бы 40 наполнить точными фактами (история с.-д. партии и революции, а равно и контрреволюции в Венгрии) — дать конспект фактов и оставить 15 страниц оценки» (52, 41).

Уничтожающей критике подвергал В. И. Ленин в своих письмах-отзывах книги идейных врагов марксизма-ленинизма. Это были письма, адресованные или непосредственно авторам, или издательствам, выпустившим книгу. Примером такого отзыва может служить письмо В. И. Ленина по

поводу книги С. Маслова «Крестьянское хозяйство». 7 августа 1921 года Владимир Ильич направляет письмо в Наркомзем и в Госиздат в связи с прочитанной им книгой С. Маслова. В. И. Ленин пишет: «Из просмотра видно, что — насквозь буржуазная пакостная книжонка, одурманивающая мужичка показной буржуазной «ученой» ложью... Либо дурак, либо злостный саботажник мог только пропустить эту книгу» (53, 104). В. И. Ленин видит самые существенные недостатки книги С. Маслова в том, что в ней ничего не говорится о советском строе и его политике, о законах и методах перехода к социализму. Так, небольшое по объему письмо В. И. Ленина вместило и убедительную оценку содержания произведения, и определение идейных позиций автора, и характеристику редакторов издательств, выпустивших в свет эту книгу.

Изучение писем В. И. Ленина, вызванных публикацией новых книг, статей, брошюр, партийных документов, позволит расширить представление об отдельных особенностях ленинских рецензий, поскольку письма-отзывы весьма тесно примаыкают к жанру рецензии. В практическом плане письма-отзывы интересны как образец лаконичной формы отклика на вышедшее в свет издание.

¹ См.: Цейтлин А. Г. Стиль Ленина-публициста.— М., 1969.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 63. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

³ Ленинский сборник XIII, с. 219.

⁴ Луначарский А. В. Ленин и литературоведение.— В кн.: Классики русской литературы. Избр. статьи.— М., 1967, с. 69.

А. С. САДОВСКИЙ

ВЛИЯНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ П. Н. ЛЕПЕШИНСКОГО

П. Н. Лепешинский — человек большой, сложной и интересной судьбы. Он принадлежит к старой гвардии большевиков, поколению ленинцев «первого призыва», которые создали революционную марксистскую партию нового типа. Он прошел длительный и тернистый путь от народника до зрелого революционера-марксиста, посвятив жизнь делу революционного переустройства страны.

Именно таких людей называл Ленин героями русской революции. «Это — люди, — писал он, — которые... посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию их сознания, их организации, их революционной самодеятельности»¹.

Родился Пантелеймон Николаевич Лепешинский 12 марта 1868 г. в селе Студенце Климовичского уезда Могилевской губернии в бедной семье священника. Тяжелое материальное положение семьи в значительной степени сближало его с народом. Ужасающая эксплуатация, невыносимо бедственное положение трудящихся рано пробудили в нем чувство внутреннего протеста и мысль о вопиющей несправедливости существующего строя. Большую роль в формировании мировоззрения молодого Лепешинского сыграли сочинения Добролюбова и Писарева, а также чтение политической литературы, с которой он познакомился во время учебы в гимназии. В характеристике, сохранившейся в личном деле Пантелеймона Николаевича, уже в то время отмечается его склонность «к свободомыслию». Первое боевое крещение он получил во время учебы в Петербургском университете. Он активно участвовал в организации подпольных студенческих кружков и являлся членом народовольческой организации.

После окончания университета Лепешинский участвует в кружке народовольцев, которые имели свою типографию и занимались социал-демократической пропагандой среди рабочих². В типографии народовольцев было напечатано три тысячи экземпляров знаменитой брошюры В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых на фабриках и заводах». Однако члены этого кружка хотя и оказывали помощь ленинскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», но были далеки от марксизма. П. Н. Лепешинский так характеризовал свое мировоззрение того периода: «По окончании университета я все-таки столкнулся с Марксом и даже как-

то оказался одним из немногих счастливых обладателей I тома «Капитала» на русском языке, представлявшего большую библиографическую редкость. Эту книгу я с величайшим интересом читал и перечитывал, восторгаясь логикой и стройностью того учения, которое составляло ее содержание. Я решительно ничего не мог бы возразить против основных мыслей этого учения, прекрасно как будто бы усвоил идею всего механизма создания ценностей, а в том числе и прибавочной стоимости, мог бы, по-видимому, и другим «складно» пояснить «хитрую механику» той эксплуатации рабочих капиталом, которая составляет общее правило во всех капиталистических странах, чувствовал универсальный характер этого закона, а в то же время моя мысль, насыщенная народническими предрассудками, упорно отказывалась взглянуть с марксистской точки зрения на окружающую «расейскую» действительность»³.

Под воздействием марксистской литературы Пантелеймон Николаевич стал вести революционную пропаганду среди рабочих механической мастерской: проводил беседы, снабжал рабочих запрещенной литературой, организовывал сходки⁴. Об этом он так писал в дальнейшем: «В первой половине 90-х годов я занялся пропагандистской работой. Кружок из 5—6 рабочих, собиравшийся в каком-нибудь укромном месте (например, в лесочке за Волковым кладбищем), я знакомил с экономическим учением Маркса, пользуясь первоисточником этого учения—I томом «Капитала». Я еще был «колеблющимся» в это время, и наряду с тягой к марксизму как-то мирно уживались в моей голове старые народнические идеи об особой исторической миссии крестьянской России»⁵.

Пантелеймон Николаевич и его товарищи в то время еще не считали себя социал-демократами, но революционная пропаганда, которую они проводили среди рабочих, не прошла бесследно. Отвечая на вопросы рабочих, Лепешинскому поневоле необходимо было становиться на «пролетарски-классовую точку зрения своей аудитории». В таких условиях, конечно же, трудно было оставаться на позициях народника и не проникнуться духом марксизма.

Деятельность молодого революционера среди рабочих не могла быть не замечена. В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. Лепешинский был снова арестован. В эту же ночь была арестована большая группа членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с В. И. Лениным. Хотя Лепешинский и не был убежденным марксистом и не входил в «Союз борьбы», но царская охранка в то время не делала различий между народниками и марксистами.

29 января 1897 г. был опубликован царский указ о высылке В. И. Ленина и других участников «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Среди фамилий социал-демократов значились и фамилии молодых народолюбцев, в том числе и П. Н. Лепешинского, высланного под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на три года.

В ссылке Лепешинский тесно сходится с членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», все более проникаясь идеями марксизма. По просьбе Пантелеймона Николаевича его перевели в село Ермаковское, в 40 км от Шушенского, в котором в это время находился В. И. Ленин.

Находясь вместе с Лениным, Лепешинский оказывает ему помощь в подборе материалов для работы «Развитие капитализма в России», «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» и др. Пантелеймон Николаевич и его жена Ольга Борисовна, последовавшая за ним в ссылку, активно участвуют в обсуждении и принятии «Протеста»—ленинской отповеди «экономистам». Он гласил: «Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшем развитии и претворении в жизнь, оберегая ее в то же время от искажений и опощлений...»⁶

Борясь с оппортунизмом, Ильич оказывал влияние на товарищей, не понимавших всей опасности такой его российской разновидности, как «экономизм». Позднее Пантелеймон Николаевич вспоминал: «Отсюда ясно, какую колоссальную роль для выпрямления нашего мирозерцания сыграл В. И. Ленин... и показал на примере своей борьбы, как нужно усваивать марксизм, какие выводы делать из этого учения для анализа русской экономики, как использовать диалектический метод Маркса и Энгельса, чтобы разобраться в путанице окружающих социальных противоречий. Именно Ленину мы, старые большевики, обязаны своим революционным мировоззрением. Именно он, а не кто-либо другой, научил нас диалектически мыслить, разрешая вопросы нашей революционной практики в данной исто-

рической обстановке»⁷. Тесное общение П. Н. Лепешинского с В. И. Лениным облегчило ему знакомство со всеми новейшими политическими течениями, наполнило богатым содержанием его жизнь. По словам Пантелеймона Николаевича, «Ленин был полон жажды поделиться своими интересными идеями с нами, приобщить нас к облюбованному им источнику интеллектуальных наслаждений и поднять наше сознание до уровня его мысли. В таких случаях он буквально нянчился с нами, как со своими питомцами»⁸. Пребывание в ссылке и общение с В. И. Лениным во многом способствовало тому, что он стал настоящим борцом за ленинские идеи, выработал стойкое марксистское мировоззрение.

Именно в ссылке Пантелеймон Николаевич осознал необходимость создания революционной пролетарской партии, очищенной от плевел ревизионизма, в частности — «экономизма».

Видя в Лепешинском зрелого марксиста, Ленин предлагает ему принять участие в создании «Искры» и стать активным членом коллектива агитаторов и пропагандистов будущей газеты.

П. Н. Лепешинский учился в самой гуще работы, непосредственно и часто общаясь с В. И. Лениным до его отъезда за границу. В Пскове была создана штаб-квартира, из которой осуществлялось руководство всей работой по созданию «Искры». Сюда к Ленину приезжали социал-демократы для переговоров, за советами и указаниями. Здесь было подготовлено и проведено знаменитое псковское совещание, на котором был принят первый официальный документ, наметивший программу будущих периодических органов партии: газеты «Искра» и журнала «Заря».

День выхода в свет первого номера «Искры» — 11(24) декабря 1900 г. в Лейпциге был праздником для всей русской социал-демократии. Пантелеймон Николаевич активно работал как агент «Искры». Он собирал материалы по вопросам сельского хозяйства и общественной жизни страны, анализировал их, отправлял в редакцию «Искры».

Много времени и энергии приходилось тратить на то, чтобы сделать искровским петербургский социал-демократический комитет, вырвать его из под влияния «экономистов», которые под лозунгом «чисто рабочей» политики пытались заставить рабочих отказаться от революционной борьбы против самодержавия и буржуазии. В ходе политической борьбы, постоянно ощущая близость Ильича и его непосредственное влияние, рос как марксист и сам Пантелеймон Николаевич. Он систематически изучает работы В. И. Ленина, которые развивают его марксистский кругозор. Прочитав ленинскую брошюру «Что делать?», он вспоминает, что она словно молния осветила «ярким светом все темные уголки... недоуменных мыслей».

Много лет спустя в статье «Навстречу учению Маркса-Ленина», которая была написана им для советской молодежи, Пантелеймон Николаевич рассказывает о том, какую роль сыграл в формировании его марксистского мировоззрения В. И. Ленин — «в более законченном виде я стал марксистом-ленинцем только благодаря тому счастливому обстоятельству, что в ссылке я жил по соседству с Владимиром Ильичем и частые встречи наши, а также личная переписка с ним оказали чрезвычайно благотворное влияние на склад моих революционных взглядов»⁹.

Всю свою яркую, полную революционного энтузиазма жизнь соратник великого Ленина П. Н. Лепешинский оставался верен коммунистическим идеалам.

И сейчас, когда наша страна идет навстречу 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, поражает титанический труд Владимира Ильича, который вырастил и закалил замечательные кадры революционеров-профессионалов, подлинных мастеров классовой борьбы, людей с широким политическим кругозором. Они первыми встали под красное знамя труда и освобождения, пронесли его сквозь суровые годы борьбы и подполья к победе Великой Октябрьской Социалистической революции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 82.

² См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. — Л., 1958, с. 34.

³ «Юный коммунист», 1934, № 10, с. 56—57.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7, д. 339, л. 4.

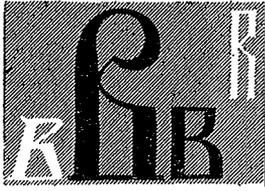
⁵ «Юный коммунист», 1934, № 10, с. 57.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 175.

⁷ «Юный коммунист», 1934, № 10, с. 57.

⁸ Лепешинский П. Н. На повороте. — М., 1955, с. 104.

⁹ «Юный коммунист», 1934, № 10, с. 57—58.

А. А. ШАЛЕМАВА

ПУШКІНСКІЯ ТРАДЫЦЫІ Ў ПАЭЗІІ М. БАГДАНОВІЧА

Класік беларускай літаратуры Максім Багдановіч лічыў рускую культуру магутным фантарам, «які згрунтоўвае разнародныя плямёны расійскай імперыі». Яе «адзнака, — пісаў паэт, — ляжыць на духоўнай творчасці любога народа Расіі, — яна з'яўляецца для іх агульнай глебай, збліжае змест іх культур, іх ідэйных і літаратурных плыняў»¹. Як паэт глыбока дэмакратычны, мастак-рэаліст, барацьбіт за народнасць у літаратуры М. Багдановіч не мог не выкарыстаць у сваёй творчасці эстэтычныя адкрыцці рускай літаратуры, не мог не прыйсці да ўспрыняцця пушкінскіх прынцыпаў народнасці і рэалізму, усёй сваёй творчай спадчынай сцвярджаючы гарманічнасць і арганічнасць пушкінскай паэзіі як узору паэзіі народнай, глыбоканацыянальнай.

Аналізуючы паэзію Т. Р. Шаўчэнкі, М. Багдановіч пісаў, што яго талент «з'яўляўся чулым і паўнагучным рэзанатарам усіх струн украінскай нацыянальнай душы, з'яўляўся выказвальнікам думак, пачуццяў і настрою ўсяго нацыянальнага калектыву. Такім чынам, Шаўчэнка ў украінскай літаратуры з'яўляецца не тым, чым быў Кальцоў у рускай ці Бернс у англійскай. Не, ахоп яго паэзіі шмат шырэй і ставіць яго на тое месца, якое ў Расіі, напрыклад, займае Пушкін...» (II, 152). Такім чынам, на погляд М. Багдановіча, паэзія Шаўчэнкі і, шырэй, — паэзія ўкраінская і беларуская — залежылі не толькі ад народнай творчасці, але і ад класічных традыцый, перш за ўсё пушкінскіх.

Да Пушкіна М. Багдановіч як паэт набліжаўся паступова — з паглыбленнем сацыяльных, народна-этычных, філасофскіх асноў сваёй творчасці. Слушна заўважае А. Лойка, што Багдановіч толькі «з часам... прышоў да пластычнасці, рэалістычнай шматслаёвасці пушкінскага адлюстравання, гарманічнай дакладнасці ў паказе з'яў рэчаіснасці»². Падобныя ж меркаванні выказаны і Р. Бярозкіным: «Багдановіч пачаў не з Пушкіна — на гэта яму яшчэ не ставала той сацыяльна-гістарычнай канкрэтнасці, тых якасцей сапраўды рэалістычнага мыслення, якія прыдуць пасля... Багдановіч пачаў з тых пушкінскіх парасткаў, што параслі ў творчасці рускіх «другародных паэтаў»... І наадварот, усё лепшае ў гэтых паэтаў (Фетава канкрэтнасць прыродных назіранняў, яго пластычнасць) засвойвалася Багдановічам па меры таго, як ён набліжаўся да пушкінскага рэалізму»³. Большасць даследчыкаў творчасці Багдановіча разам з тым зыходзяцца ў сцвярджаннях, што механічна збліжаць мастацкае мысленне М. Багдановіча з пушкінскім нельга. «Гэта паэты рознага маштабу і своеасаблівых па таленту. І усё ж бяспрэчна, што некаторымі асаблівасцямі сваёй творчай індывідуальнасці Пушкін быў блізкім Багдановічу»⁴. Вызначэнне такіх асаблівасцей, несумненна, дазволіць больш выразней акрэсліць тыпалагічныя сувязі паміж некаторымі творами М. Багдановіча і А. С. Пушкіна.

Найбольш збліжаўся М. Багдановіч з Пушкіным у сваім паглыбленні ў тэму «народ і гісторыя», у паказе героікі народнага жыцця. Гэта і тыпалагічная еднасць духу адлюстравання сярэднявековай — водыру, каларыту эпохі, і пластычнасць, канкрэтнасць адлюстравання, высокі, чыста эпічны тон гучання радноў.

Лірыка М. Багдановіча адзначаецца своеасаблівым імкненнем да спачнення рацыянальнага і эмацыянальнага, аналітычнага і пачуццёвага⁵. У яго вершах адлюстраванне рэчаіснасці адбываецца не толькі ў канкрэтна-рэалістычным і эмацыянальным, але і ў філасофскім плане. Яркі прыклад спалучэння, з аднаго боку, пушкінскай «лепкі» гісторыі, пластычнасці паказу, з другога — філасофскага асэнсавання з'явы — верш М. Багдановіча «Слуцкія ткачыхі». Гэты твор — бясспрэчнае сведчанне таго, што беларускі паэт, як і А. С. Пушкін, выразна бачыў сацыяльна-палітычную сутнасць «старыны», у прыватнасці, «старой Беларусі» як феадальна-прыгонніцкай рэчаіснасці. Верш Багдановіча «Слуцкія ткачыхі» тэматычна далучаецца да тыпалагічна акрэсленага цыклу вершаў аб вёсцы і прыгонным ладзе, створанага вядомымі паэтамі класікамі ўсходнеславянскіх літаратур, пачатак якому быў пакладзены вершам А. С. Пушкіна «Вёска». Самі радкі пушкінскай «Вёскі» як бы прадугадваюць сутнасць карціны, намаляванай гэтым беларускім паэтам у вершы «Слуцкія ткачыхі», дзе ўжо не які-небудзь валагодскі «няўмольны ўладар», а слугі феадалы — часткова перафразаючы Пушкіна, скажам: не бачаць слёз, не чуюць стогнаў, без пачуцця, без закону прыўласцілі сабе і працу, і час паланянак, што ткалі ім «залатыя паясы». Разам з тым Багдановіч-мастак, Багдановіч-філосаф уносіў у свой верш своеасаблівы, непаўторны погляд на вырашэнне антытэзі «барство дзікае — рабство тоёе». Сацыяльнае пачуццё паднявольнага селяніна адыходзіць у вершы як бы на другі план, а на першы выступае пакрыўджанасць пачуцця прыгожага, звязаная з усведамленнем нацыянальна-самабытнага і эстэтычнага зместу беларускага народнага жыцця, якое наперакор існаваўшым сацыяльным умовам усё ж імкнулася зберагчы сябе. «Бунт» ткачых, рука якіх «тчэ, забыўшыся... заміж персідскага ўзора цвятком радзімы васілька» (I, 69), — своеасаблівы бунт, звязаны іменна з асэнсаваннем сваёй нацыянальнай годнасці.

Паміж патрыятызмам, палымянымі радкамі К. Рылеева і філасофскім роздумам, паэзіяй думкі Я. Баратынскага стаіць «летуценная і меланхалічная муза Адоеўскага» (II, 338). Паэт-дзекабрыст, паэт-вязень, А. Адоеўскі ўзяў у рукі пяро, каб працягнуць літаратурную справу К. Рылеева. Зразумела, ад Рылеева яго многае адрознівала: у ягонай паэзіі няма высокай патэтыкі, энергіі, «агно натхнення» — у ёй многа цяпла, душэўнасці, інтымнасці, суб'ектыўнай афарбоўкі. Спакойная, эмацыянальна-насычаная лірыка А. Адоеўскага гэтымі якасцямі вельмі блізкая Багдановічу, бо абодва гэтыя паэты ў першую чаргу былі лірыкамі, якія мыслілі аб уласным лёсе, аб лёсе свайго пакалення.

М. Багдановіч, такім чынам, ішоў да Пушкіна, паглыблячы сацыяльна-філасофскія асновы сваёй творчасці, не толькі праз Фета, Блока, Брусава, сімвалістаў — «уніз», але і праз Рылеева, Баратынскага, Адоеўскага — «уверх», і адбывалася гэта адначасова, адбывалася іменна на той ступені ідэйна-мастацкай эвалюцыі М. Багдановіча, калі А. С. Пушкін пачаў прыцягваць увагу М. Багдановіча-творцы непасрэдна.

М. Багдановіч пасляхова працягваў традыцыі вольналюбівасці Пушкіна (вершы «Слуцкія ткачыхі», «Нашых дзедаў душылі абшары лясоў», «Краю мой родны! Як выкліты богам...», «Беларусь, твой народ дачкаецца», санет «Паміж пясцоў Егіпецкай зямлі»). Несумненна, пад іх уплывам пісаліся і радкі сюжэтнага твора «У вёсцы», да якога беларускі паэт узяў эпіграф з Пушкіна. Блізкасць вобразных асацыяцый у вершах пра вёску тлумачыцца, зразумела, агульнасцю жыццёвага прататыпу. З іншых, акрамя «вясковых» пушкінскіх матываў, што так ці інакш развіваліся Багдановічам, адзначым яшчэ матывы «звезды пленительного счастья», мары аб ім, рэха якой ёсць у чатырохрадкоўі «Беларусь, твой народ дачкаецца...»; матывы заповітнага служэння народу — «глаголом жечь сердца людей», развітыя беларускім паэтам у вершы «Песняру». У выніку, «паралелей», пераклічак, рэха пушкінскіх матываў і настораў у М. Багдановіча, як і ва ўсёй беларускай паэзіі пачатку ХХ стагоддзя, нямала. Тым не менш, выяўленне іх — нават і не палавіна праўды аб сутнасці уплыву Пушкіна на славянскія літаратуры пачатку ХХ стагоддзя і беларускую паэзію у прыватнасці.

В. Р. Вяліцкі не аднойчы падкрэсліваў, што зрэдку нараджаецца такі паэт, у якога пачуццё прыгожага займала б такое вялікае месца ў пазнанні і навакольнага свету, і душы чалавека, як у Пушкіна. З поўным правам гэтую характарыстыку можна аднесці і да твораў М. Багдановіча. Пафас мастацкасці, які сцвярджаў Багдановіч, у першую чаргу і паставіў беларускага паэта ў адзін з Пушкіным тыпалагічны рад. Амаль усе вершы бе-

ларускага паэта аб каханні, маладосці, прыродзе з'яўляюцца выражэннем асноўнага, магістральнага ў светаўспрыманні М. Багдановіча — па-пушкінску актыўнага, жыццесцвярджалнага, аптымістычнага. Уздзеянне Пушкіна адчуваецца і на пейзажных вершах беларускага паэта. Захапленне красой прыроды, імкненне зліцца з яе гармоніяй у Багдановіча — ад Пушкіна. Прырода і для Пушкіна, і для Багдановіча — зачараванае царства. Таму яе малюнкi сваёй танальнасцю, вобразна-выяўленчымі сродкамі, нарэшце, арыгінальнасцю ўспрымання і асэнсавання прыгожага ў абодвух паэтаў вельмі блізкія.

Не толькі любоўная лірыка М. Багдановіча і яго пейзажныя вершы выяўлялі завостранасць беларускага паэта на пашырэнне тэм і форм роднай літаратуры, на ўзняцце яе артыстычнасці. Да гэтага М. Багдановіч імкнуўся і як паэт-перакладчык. Ён цікавіўся гісторыяй, жыццём, культурай, паэзіяй не толькі славянскіх народаў, але і народаў іншых кантынентаў — розных краін і розных часоў. У шырыні сваіх творчых інтарэсаў, ва ўменні пераносіцца ў любую сферу народнага жыцця і побыту, пранікаць у культуру іншых народаў беларускі паэт быў таксама вучнем А. С. Пушкіна.

Заставаўся ён ім і ў сваім захапленні антычнасцю, традыцыямі Адраджэння, Асветніцтва. Бо як на ўсім гэтым рос у свой час Пушкін, у беларускай літаратуры на гэтыя агульнаеўрапейскія традыцыі ўпершыню і даволі шырока і цалкам свядома абапіраўся М. Багдановіч. Адсюль відавочны паралелізм стаўлення Пушкіна і Багдановіча да антычнасці, да Адраджэння як да крыніц ідэй, вобразаў, матываў, форм. Гэта выявілася ў выкарыстанні паэтамі вобразаў антычнай міфалогіі, наяўнасці у іх лірыцы анакрэантычных матываў, звароце да Гарацыя, да яго славутага «Помніка». Апошнія сведчыць «аб адзіным культурна-гістарычным працэсе — творчым уплыве лацінскай паэзіі ў яе рэнесансным успрыняцці»⁶.

Уплыў традыцый Адраджэння найбольш ярка праявіўся ў Багдановічавым цыкле «Мадонны». Паэтызацыяй мадонны — сімвалу жаночнасці, мацярынства — паэт сцвердзіў ідэал высокага і прыгожага. Ідэальна-жыццёвыя рысы рафаэлёўскай «Сікцінскай мадонны» Пушкін убачыў у абліччы сваёй каханай («чистойшей прелести чистойший образец»); Багдановіч угледзеў іх у абліччы вясковай дзяўчыны («О, як прыгожы — дзіўны ты, двойной красы аблік ядыны!»). Розную ролю іграла выкарыстанне агульнаеўрапейскіх традыцый у двух паэтаў, на розных ступенях свайго развіцця яны да іх звярталіся, але сам зварот дыктаваўся адзіным — узяццём роднай літаратуры да ўзроўню высокаразвітых літаратур, спалучыць эстэтычныя скарбы чалавецтва з нацыянальнымі традыцыямі.

Асобнай старонкай тыпалагічнай блізкасці М. Багдановіча з А. С. Пушкіным можна лічыць яго фалькларызм. Асаблівае захапленне фальклорам вызначаецца ў той перыяд творчасці паэта, калі быў створаны «Вянок», калі ён шырока прышчапіў ужо нацыянальнай паэзіі тэмы і формы агульнаеўрапейскія — традыцыі перш за ўсё антычнасці і Адраджэння. Іменна з даволі познім пушкінскім захапленнем рускай народнай казкай, з пушкінскім паваротам да народнасці, як ён адбыўся ў трагедыі «Барыс Гадуноў», трэба разглядаць паварот М. Багдановіча пасля «Вянка» да вершаў так званага беларускага складу, да паэм «Мушка-зелянушка і камарык-насаты тварык» і «Максім і Магдалена». Клопат М. Багдановіча пра развіццё народнай культуры, народнага духу ў літаратуры быў тыпалагічна аднасны з пушкінскім сцверджаннем у рускай літаратуры прынцыпаў народнасці, нацыянальнай самабытнасці.

Вершы М. Багдановіча самага позняга перыяду яго творчасці былі творамі новага павароту беларускага паэта да пушкінскай артыстычнасці, гарманічнасці, грацыёзнасці, звязанага са спробамі арганічнага растварэння ў іх народна-песеннага матыву, вобраза, інтанацыі. І гэта сінтэзацыя была ў духу пушкінскіх традыцый, і яна як бы вянчала сабою творчы шлях яднання М. Багдановіча з лірай вялікага Пушкіна. З ёю закладваліся падваліны класічных асноў беларускай паэзіі, прадвызначаліся тыя нацыянальныя традыцыі, якія ў беларускай паэзіі зацвердзяцца як багдановічавыя.

¹ Багдановіч М. Збор твораў у 2 т. — Мінск, 1968, т. 2, с. 439. У далейшым спасылкі на гэтае выданне даюцца ў тэксте.

² Лойко О. А. Его живые ветви. — Нёман, 1974, № 6, с. 167.

³ Бярозкін Р. С. Звенні. — Мінск, 1976, с. 65.

⁴ Барысенка В. В., Гвашин У. В. Роля рускай класічнай літаратуры у развіцці рэалізму беларускай літаратуры XX стагоддзя.— Мінск, 1963, с. 23.

⁵ Гл.: Кабаковіч А. К. Паэзія Максіма Багдановіча. Дыялектыка рацыянальнага і эмацыянальнага.— Мінск, 1978.

⁶ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков.— М., 1963, с. 289.

С. В. КОШКАРЕВА

А. С. ХОМЯКОВ О РОЛИ И МЕСТЕ ПОЭЗИИ В ЖИЗНИ

Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) в истории русской культуры получил признание как поэт, переводчик, публицист, драматург. Поэтическое наследие его невелико. «Поэзия не была главным занятием известного славянофила, — пишет М. Кузьмин, — и, может быть, не совсем несправедливо оставлена в тени, хотя исследователь мог бы найти в ней какую-то ступень от Языкова последнего периода к Тютчеву»¹.

Одной из основных в поэзии А. С. Хомякова является проблема поэзии, искусства вообще. Стремясь показать конечное как гармонию, структуру, завершенность, «стройность», Хомяков требует цельности и от того, кто воспринимает поэтическое произведение: «Для того, чтобы человеку была доступна святыня искусства, надобно, чтобы он был одушевлен чувством любви верующей и не знающей сомнения. Любовь, дробящая душу, есть не любовь, а разврат»².

Хомяков, по сути дела, развивает «философию откровения» Шеллинга. Хотя, отмечает Е. А. Маймин, «шеллингианцем» Хомяков себя не считал, да им и не был... Интересно, что, не принимая философию Шеллинга, Хомяков с явной симпатией говорил о его «поэтическом слого»³. Ход рассуждений Хомякова таков: «Категория логических отношений — область рассудка — крайне скудна и однообразна»⁴. И. Киреевский, единомышленник Хомякова, в письме к нему развивает эту идею: «Есть еще ступень, знание гиперболическое, где свет не свечка, а жизнь»⁵.

Для Хомякова глубочайшие мысли доступны «только разуму, внутри себя устроенному. Полное развитие внутреннего знания и есть вера»⁶. Эта любовь к мысли звучит и в его письме Шевыреву по поводу смерти Киреевского: «Потеря невознаграждаемая, не говорю для нас, а для мысли в России... С Киреевским для нас всех как будто порвалась струна с какими-то особенно-мягкими звуками, и эта струна была в то же время мыслию»⁷.

Тема поэта у Хомякова тесно связана с вопросом об избраннической миссии России. Гордость поэта, по мнению Хомякова, проистекает от его способности испытывать вдохновение, т. е. быть пророком — «вещим голосом мироздания». Вдохновение дает возможность сохранить «погибшее напрасно для земли» время, «годы земного бытия», или, говоря современным языком, информацию о времени, людях, их мыслях. И в этом видит предназначение поэзии не только Хомяков, но и Шевырев.

В стихотворении 1858 года «Счастлива мысль...» та же задача: донести выработанную мысль до будущих веков. Интересно сравнить стихотворение Хомякова со стихотворением Шевырева на ту же тему. Можно легко убедиться в том, что они близки по образному метафорическому строю. Очевидны общие структурные и композиционные моменты: мысль уподобляется зерну; зерно зреет в глубине почвы, т. е. ему не светит «людская молва»; во время накопления силы дерево вырастает корнем вглубь, в почву, в землю (Хомяков) так, что не «подточить червям времен, не смыть корней волнами океана» (Шевырев); дожди напоят дерево и наконец оно вырастет — необычайной мощи: до небес, увенчанное звездами, как цветами или плодами; это дерево суть возросшая мысль — краса земле и будущим векам (Хомяков), и прошлым (Шевырев). Оно хранит память человечества, это символ вечно развивающейся жизни. Заключительная мысль у Шевырева звучит так: «зерно» «сокрылось» во главе человека, который давно уже истлел, а дуб (дерево) вечен для потомков. Вывод: вечность мысли — вечность жизни.

У Хомякова нет той философски осмысленной категории времени, как у Тютчева или Вяземского. Поэт связывает категорию времени с назначением поэзии. Без творчества жизнь бесполезна, без него человек стареет:

Я не хочу в степи земной скитаться
Без воли и надежд, безвременный старик⁸.

Безвременный старик не только потому, что рано состарился (это стихотворение написано в 1828 году), а, скорее всего, потому, что если в минуты вдохновения вмещаются годы бытия, то даже немногие минуты бездействия способны преждевременно состарить человека. Поэт наказывается старостью за неисполнение своих творческих функций. Иногда у него намечается тема проникновения былого в настоящее, как и у Тютчева. У Хомякова это не полное «взаимопроникновение времен» — о будущем и речи нет:

Я воскресу твои мечтанья,
Надежды, сердца жар святой
Волшебной силой вспоминая;
Я буду жизнью жить двойной. (с. 75)

Монтаж времени происходит последовательным наложением все укрупняющихся рядов (часы — сутки — годы), которые тяготят носителя жизни, ждущего, когда же «...океан существованья заснет в безбрежной тишине». «Молодость» по контрасту «старости» воспринимает время оптимистически, нерасчлененно:

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна! (с. 51)

Звезды для Хомякова — это нечто извне, то, что глядит на землю, гармоническое и божественное в своей сущности. В стихотворении 1856 года звезды отождествляются с мыслью: и то, и другое «пробуждает дух»:

Узришь — звезды мысли водят
Тайный хор вокруг земли...
Звезды мысли, тьмы за тьмами,
Всходят, всходят без числа, —
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла. (с. 139)

Однако эти хомяковские «дисгармонические прорывы» чувства», по определению Б. Ф. Егорова⁹, несравненно спокойнее тютчевского **постоянного** восприятия «пылающей бездны», его растворения в «звездном сонме бездонного неба», слияния с ним. Хомяков же постигает бездну извне, оставаясь по сю сторону, хотя и наблюдает бесконечность Вселенной.

Итак, перед нами хотя и отрывочно запечатленная в стихах, но все-таки судьба личности поэта, ищущего оправдания своего бытия, пытающегося уразуметь ход вещей, постигнуть и выполнить свое предназначение. И, видимо, в Хомякове было что-то такое, что позволило, например, К. И. Бестужеву-Рюмину назвать его чуть ли не одним из «начинателей нового течения мысли» и написать такие строки: «Вы можете не соглашаться с человеком, у которого есть самобытная мысль в голове, но эта мысль невольно заставляет работать вашу собственную мысль, понуждает взглянуть на предмет с той стороны, с которой вам еще не случалось взглянуть»¹⁰. Не случайно Л. Н. Толстой, знавший и любивший поэзию Тютчева (его стихи он включил даже в свой «Круг чтения»), знал и ценил Хомякова: «Он был очень приятный человек. Я очень уважал его деятельность и его славянофильские взгляды и как поэта»¹¹.

А. И. Герцен заявляет: «С них (т. е. с Киреевских, Хомякова и Аксакова — С. К.) начинается перелом русской мысли»¹². Роль их А. И. Герцен видит в том, что «они остановили увлеченное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей»¹³.

Ведь еще в 1861 году М. Лонгинов писал о Хомякове: «Странна была судьба поэта! В пору первой юности, когда он только пробовал силы своего таланта, лишь изредка напоминая о себе читателям, Хомяков был вскоре причислен к последним по времени поэтам пушкинской плеяды, в которой назывались имена Баратынского, Веневитинова, Дельвига, Языкова. Вслед за этой раннею славой, когда дарование стало мужать, мысли его начинали становиться глубже и своебытнее. стих выработался до удивительной силы и красоты, настал в нашей литературе период реакции против господства стихотворной формы, и Хомякову так же, как и некоторым другим лучшим поэтам, пришлось видеть себя ценными только в небольшом кружке избранных»¹⁴.

Хомяков во многом следует за Тютчевым, но он — самостоятельный поэт. Поэтому и рассматривать его надо как самобытное явление.

- ¹ Аполлон, 1914, № 6—7, с. 82.
² Хомяков А. С. Полн. собр. соч.— М., 1900, т. 3, с. 95.
³ Маймин Е. А. Русская философская поэзия.— М., 1976, с. 55.
⁴ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. 1, с. 280.
⁵ Там же, с. 67.
⁶ Уч. записки Свердловского пед. ин-та, 1939, вып. 2, с. 206.
⁷ Русский архив, 1878, № 5, с. 62—63.
⁸ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы.— Л., 1968, с. 80. Далее ссылки на это издание даются в тексте.
⁹ Татаевский сборник.— СПб, 1899, с. 133.
¹⁰ Русский вестник, 1904, № 5, с. 640.
¹¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.— М., 1937, т. 47, с. 328.
¹² Герцен А. И. Собр. соч.— М., 1958, т. 15, с. 9.
¹³ Цит. по кн.: Маймин Е. А. Русская философская поэзия, с. 68.
¹⁴ Русский вестник, 1861, № 3, с. 61.

Т. Д. КИРИЛЛОВА

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В РОМАНЕ С. МОЭМА «ЛУНА И ГРОШ»

Известный английский писатель Сомерсет Моэм провел большую часть своей жизни в странствиях. Он побывал в Азии, Америке, на островах Океании. Эти путешествия нашли отражение в его творчестве (сборник рассказов «На китайском экране», 1922; романы «Раскрашенная вуаль», 1925; «Тесный угол», 1932; «Острие бритвы», 1944).

Любителя путешествий, искателя всего необычного, красочного, не соответствующего общепринятым канонам буржуазного существования, естественно, не могла не заинтересовать трагическая судьба великого голландского живописца Поля Гогена (1848—1903), долгое время жившего на острове Таити.

«Служители муз» — любимые образы Моэма. Свой роман «Луна и грош» (1919) он посвящает художнику, жизненная и творческая судьба которого сходна с судьбой Гогена. «Мне думается, — писал Моэм, — что самое интересное в искусстве — личность художника, и если она оригинальна, то я готов простить ему тысячи ошибок»¹.

О Гогене написано множество мемуаров, очерков, романов, где он представлен своеобразным ницшеанцем. В начале века вообще было модно писать романы о гениях. Обращает на себя внимание, однако, то, что почти от всех авторов подобных сочинений ускользала главная идея жизни Гогена, тот идеал, который заставил обеспеченного буржуа порвать со своим обществом и, несмотря на нищету, вечные лишения и тяжелую болезнь, стать самоотверженным жрецом искусства.

Когда говоришь об этом художнике, такие слова, как «алтарь искусства», не кажутся гиперболой. Стремление Гогена к творчеству было неудержимо, оно помогало в последние годы жизни бороться с недугом, когда, корчась от боли, он тянулся к мольберту. Вся его жизнь «состояла из мечты и титанического труда» (155).

Некоторые исследователи несправедливо упрекают Моэма в одностороннем отборе фактического материала. Романист не скрывал, что прототипом образа Стрикленда послужил Поль Гоген, и отвечал критикам так: «Писатель не копирует свои оригиналы, он берет от них то, что ему нужно, отдельную черту, привлечшую его внимание, и из этого строит характер»². Было бы, конечно, неверно сводить обобщающий образ Стрикленда к одному прототипу. Художественный образ — не фотография, он представляет собой творческое отражение действительности, основанное на единстве объективного и субъективного. Искусство не повторяет, не копирует жизнь, оно воссоздает действительность осмысленно. А поскольку Моэм не задавался целью написать биографию французского постимпрессиониста, нельзя предъявлять ему обвинения в искажении фактов. Автор не пытался проиллюстрировать жизнь Гогена — великого художника или же создать романизированную биографию в духе Цвейга или Морюа. Убедительно мнение советского литературоведа В. Скороденко о том, что Моэм писал романы вымысла, «fiction»³. Подтверждение этой мысли мы находим и в монографии Р. Корделла о С. Моэме: «...Роман нужно рассматривать как вымысел, в основу которого легла фантасгическая карьера великого живописца. Хотя Гоген и послужил прототипом Чарльза Стрикленда, этот характер

имеет черты Сезанна, Рембрандта и Ван Гога, а его художественные убеждения не чужды и Эль Греко»⁴.

Нас же прежде всего интересует, насколько мастерски автор воплотил образ живописца Стрикленда, а не то, насколько точно воспроизведены факты биографии Поля Гогена. Важно, как Моэм трактует в романе «Луна и грош» проблемы творчества.

Роман С. Моэма — произведение социально-психологическое. В нем есть социальный конфликт, сюжетный стержень, стройная композиция, объединяющая эпизоды и подчиняющая их линии главного героя — Чарльза Стрикленда. Повествование ведется от лица профессионального литератора. Образ рассказчика является своеобразным формообразующим (жанровым) стимулятором, который постоянно «обнажает прием», указывает на источник и меру достоверности фактов и свидетельств. Он — «воплощение того сознания, той точки зрения, которая определяет весь состав изображенного в произведении, т. е. отбор явлений действительности, попадающих в поле зрения читателей и образующих и образную силу, и идейную направленность произведения, поскольку отбор и сочетание явлений действительности в искусстве играет решающую роль в формировании идейного, а также художественного содержания...»⁵.

В первой главе романа повествователь подробно описывает псевдотруды о Стрикленде, придавая им документальность даже ссылками на вымышленные издания. Он сатирически анализирует монографию доктора Вейтбрехта-Ротгольца (в нем угадывается З. Фрейд), принадлежащего к «школе историков, которая не только принимает на веру, что человеческая натура истязана порочна, но старается еще больше очернить ее» (17). Книгу преподобного Роберта Стрикленда об отце рассказчик находит настолько лживой, что «интерпретация» фактов в ней вызывает изумление у всех, кто знал художника. Так повествователь оговаривает свое намерение написать роман о Чарльзе Стрикленде, чтобы пролить свет на некоторые детали его биографии, неверно истолкованные в прежних работах.

Композиция произведения свободна и пластична. Личное знакомство рассказчика с живописцем позволяет писателю, с одной стороны, воспользоваться его впечатлениями. А с другой, познакомить читателя с воспоминаниями людей, знавших художника и поведавших свои наблюдения повествователю, который едет на Таити, чтобы разузнать о последних годах жизни Чарльза Стрикленда. От капитана Никольса рассказчик узнает, что художник был вынужден зарабатывать деньги на проезд до Папеэте. Владелица отеля на Таити мадам Джонсон рассказывает о женитьбе Стрикленда на туземке Ате. Другие персонажи помогают прояснить детали последних дней живописца, когда, ослепший и умирающий от проказы, он приказал Ате после его смерти поджечь дом и тем самым разрушить великолепные фрески.

Образ художника обрисован во всех деталях и подробностях. Автор уделяет особое внимание портретной характеристике, которая меняется по мере того, как Стрикленд постигает тайны искусства (в Лондоне читатель видит мужчину заурядной внешности, широкоплечего, грузного, с большими руками и ногами, а после бегства в Париж Стрикленд выглядит значительно крупнее и «внутри его клокочет могучая жизненная сила» (55). Моэм описывает условия его мещанского существования в Лондоне, мучительные поиски смысла жизни в Париже и, наконец, торжество искусства в крошечной туземной хижине, стены которой украшают шедевры живописи. Писатель старается истолковать привычки художника, его вкусы, отношение к окружающим, неукротимое желание творить и гневный протест против банальности, мещанства.

Но Моэм не солидаризуется со своим героем: Стрикленд-творец является предметом авторского восхищения, а Стрикленд-человек — авторской неприязни. Так выводится порочный тезис о том, что гений в творчестве может быть злодеем в жизни, попирающим законы общечеловеческой нравственности и морали, доказывается несовместимость этики и эстетики художника, хотя бездушие, жестокость и аморализм Стрикленда-человека вызывают у Моэма осуждение. Чарльз Стрикленд одинок, озлоблен, но и сам «виновен» в своем одиночестве. Полностью поглощенный живописью, он не обращает внимания на происходящее рядом, а это способствует развитию у него черт эгоцентризма.

Стрикленд равнодушен к жизненным благам и свободен от власти денег. Его не волнует реакция публики и критиков, так как Моэм считает, что «художник должен быть равнодушным и к похвалам, и к брани, поскольку

его творение интересно ему лишь применительно к самому себе, а как отнесется к нему публика — в этом он может быть заинтересован материально, но не духовно. Художник творит, чтобы освободить свою душу»⁶. Моэм показывает, как пробуждаются и приходят в противоречие с враждебным окружением лучшие качества Стрикленда. Художник бунтует против мещанско-буржуазной атмосферы, которая окружала его в Лондоне, против лжи и фальши, всего показного, ненастоящего в человеческих чувствах, отношениях и искусстве. Живопись для Стрикленда — не путь к славе и богатству. Верный призванию, он ищет красоту для своих полотен с дьявольским рвением и самоотдачей. Он готов продать душу, чтобы постигнуть истинно прекрасное в искусстве. Порвав с буржуа, Стрикленд до беспощадности требователен к себе. По мнению Моэма, его живопись поэтически возвышается над жизнью, выражает, а не копирует ее, давая простор порывам и мечтам.

Трагический разрыв между гением, мечущимся в поисках выхода из противоречий окружающей его среды, бегство в природу от жестокой цивилизации, протест против «прозаизма» буржуазной жизни, погоня за неуловимым мистическим идеалом, культ воображения — все это находит отражение в романе «Луна и грош». В Стрикленде есть то, что необходимо иметь настоящему творцу, способность жить в мире высоких идеалов, стойкость духа, но он не может достичь своей мечты — стать подлинно свободным художником, потому что окружающее общество сковывает его потенциальные возможности, калечит его внутренний мир. Буржуазное общество — главное препятствие на пути к свободе, и искусство вступает в единоборство с ним. Романист довольно отчетливо подводит читателя к мысли, что несчастья творца порождены не злым умыслом отдельных лиц, а совокупностью современных ему общественных порядков.

Моэм рассматривает тему одиночества художника в капиталистическом мире, где равнодушие, ханжество и предрассудки возведены в закон. Описание жизни Стрикленда в Лондоне, его знакомства с Дирком Стревом, олицетворяющим бюргерское «искусство», все главы, посвященные этому этапу жизни художника, несут в себе большой заряд социальной критики. Несмотря на то, что миссис Стрикленд, Дирк Стрев и им подобные искренне считают себя эталоном порядочности и хорошего тона, фактически они насквозь порочны. Романист строит образы по принципу противопоставления внешнего благообразия внутренней низости. Смех Моэма не нейтрален, он может быть и саркастическим, когда писатель поднимается до отрицания объектов изображения. Отношение автора к мещанам и обывателям четко выражается и в описании «светских обедов» у миссис Стрикленд, после которых расходятся «со вздохом облегчения» (30), ее литературных завтраков, где новая шляпа «придавала речам необыкновенную резвость» (25). В «Луне и гроше» используется и прием контрастного противопоставления искусства Стрикленда буржуазной подделке под него. Вскрывая низменность устоев буржуазной среды, Моэм воспекает красоту искусства.

Описание полотен Стрикленда в романе дано во всем многообразии тонов и красок, его картины полны солнца, в них живут гармония и радость познания. Искусство Стрикленда, по Моэму, есть результат человеческого раскрепощения. Ни смертельная болезнь, ни нищета, ни лишения не смогли унизить свободолобивого художника в главном — в его творчестве. Писатель постоянно подчеркивает господство идеи в искусстве Стрикленда, его способность видеть «духовную сущность» материальных вещей, живописать то видения Римской империи времен Галиогабала, то рождество в Англии, или же напоминать человеку о прозрачной воде горного источника, помогать ему вдохнуть аромат тропиков. Живопись гения «была неопишимо чудесна и таинственна... Это было нечто великое, чувственное и страстное; и в то же время это было страшно... Казалось, это сделано руками человека, который проник в скрытые глубины природы и открыл тайны прекрасные и пугающие. Руками человека, познавшего то, что человеку познать недозволено. Это было нечто первобытное и ужасное. Более того, нечеловеческое... Это было прекрасно...» (205). По мнению Моэма, Стрикленд бессмертен именно потому, что его искусство принесло человечеству нечто новое, необычное, эстетически ценное. Но смерть живописца, уничтожение шедевров «освобожденной» души, в свою очередь, символизируют отказ писателя от дальнейшего обсуждения трудной проблемы творческой свободы. Вокруг Стрикленда вакуум, ледяная пустота, он разорвал все связи с миром, обрек себя на подвижничество одиночки. Все, чего

достиг художник, гибнет вместе с ним. «Он сотворил мир и увидел, что он прекрасен. Затем из гордости и высокомерия он уничтожил его» (208).

Творческий путь живописца, по мнению автора, есть «бунт романтики против заурядности жизни» (14). В этом характере прослеживаются балладоподобные традиции: художническая страсть к искусству противоречит устоям буржуазной среды, тиски которой и заставляют Стрикленда бежать в Полинезию.

И все же «беспощадное» отношение писателя к гению, разделение этики и эстетики творца заставляют его преувеличивать влияние субъективных факторов на жизнь живописца. Отдельные черты этого, безусловно, ограниченного взгляда нашли отражение и в публицистике Моэма («Десять лучших романов мира», 1948), и в его романах («Радости жизни», 1930; «Театр», 1937). Слабость писателя проявилась и в том, что он не сумел противопоставить критике буржуазной действительности свой положительный идеал. Смешивая творческую индивидуальность художника с творческим индивидуализмом, он преувеличивал роль интуиции. Именно поэтому романист утверждал, что «картины пишут только потому, что не могут не писать...», их «пишут для себя; в противном случае надо кончать самоубийством»⁷. Искусство во всей его красоте воспринимается Моэмом как «заколдованный плод», и отведавший его — «значило бы прикоснуться бог весть к каким тайнам человеческой души, проникнуть в неприступные воздушные замки» (209), но именно в творчестве и живописи он видит наивысшую притягательную силу: «подобно плоду от древа познания добра и зла, они были чреватые всеми возможностями неведомого» (210).

В 1899 году, в самом начале своей литературной карьеры, С. Моэм так определил назначение творца: «Госпожа Искусство не взяла себе в возлюбленные ни императора, ни одного из сильных мира сего. Она медленно бродит по свету; иногда молодой мечтатель видит ее во сне и посвящает всю жизнь ее поискам; но эта дорога тяжела, очень тяжела, и часто он начинает боготворить ее сестру Богатство, которая сторицей отплачивает ему за непризнанность, осыпая золотом и делая одним из своих рыцарей. Но иногда юноша остается верным ей и проводит всю жизнь в бесконечном поиске; наконец, когда жизненный путь закончен, она спускается к его гробу, в котором лежит мертвое тело, и, наклонившись, нежно целует его, и вот он бессмертен!»⁸

Восславляя величие искусства, С. Моэм вместе с тем не питал иллюзий о его процветании в условиях буржуазной культуры. Его взглядам созвучны рассуждения Поля Гогена о том, что художники, искатели, мыслители обречены гибнуть под ударами, которые обрушивает на них «внешний мир, но гибнуть лишь в качестве плотских существ»⁹.

Гуманистическое осуждение эгоизма, мещанства, как принципа отношений между людьми в буржуазном обществе, проходит через всю книгу Моэма. Писатель нашел в Стрикленде трагизм сомнения, отрицания, одиночества и, конечно, обреченность. «Луна и грош» — произведение, в котором вскрыты причины трагического обособления художника при капитализме. Моэм противопоставил радость общения с природой и бездушный автоматизм буржуазного существования, величие гения и ничтожность живых марионеток, прекрасное, что приносит в жизнь искусство, и фальшь эстетических ценностей мещан, увидел в пороках буржуазного общества главную причину разлада художника с окружающим миром.

¹ Сомерсет Моэм. Луна и грош.— М., 1960, с. 13—14. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

² Сомерсет Моэм. Подводя итоги.— М., 1957, с. 159.

³ Скороденко В. Предисловие к книге: Somerset Maugham W. The Moon and Sixpence.— М., 1969.

⁴ Cordell R. A. Somerset Maugham W.— London, 1937, p. 107.

⁵ Гуковский Г. Д. Реализм Гоголя.— М.— Л., 1959, с. 200.

⁶ Сомерсет Моэм. Подводя итоги.— М., 1957, с. 140.

⁷ Сомерсет Моэм Уильям. Время страстей человеческих.— М., 1959, с. 273.

⁸ Somerset Maugham W. Seventeen Lost Stories. The Choice of Amyntas.— New York, 1969, p. 104.

⁹ Гоген Поль. Письма. Ноа-Ноа.— Л., 1972, с. 56.

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ РОМАНА «ЕВРЕЙСКИЙ АВТОМОБИЛЬ» ФРАНЦА ФЮМАНА

Перу Ф. Фюмана принадлежат стихи и рассказы, очерки и репортажи, переводы зарубежной лирики, интерпретации творчества древних авторов, путевые заметки. Но при обращении писателя к временам гитлеровского мракобесия предпочтение он отдает жанру новеллы. Свой тематический и жанровый выбор Ф. Фюман аргументировал следующим образом: «Я полагаю, каждый писатель должен снова и снова размышлять над тем, какие темы, материал и жанры наиболее соответствуют его способностям, его таланту, его происхождению и жизненному пути и где он с помощью только ему присущих изобразительных средств сможет принести наибольшую пользу и достичь художественного мастерства»¹ (перевод наш — Е. Л.).

Жанр произведения Ф. Фюмана «Еврейский автомобиль» (1962) многие литературоведы определяют как «роман в 14 новеллах». На наш взгляд, это наиболее правильное определение.

Относительную самостоятельность главам романа придает тот факт, что каждая из них охватывает довольно большой временной отрезок, характеризующийся важными событиями, как историческими, так и событиями повседневной жизни героя. При этом события предыдущей главы отстоят от времени действия очередной не только на несколько месяцев, но иногда и на несколько лет, что объясняется самим подходом писателя к материалу — из 27 лет жизни героя показаны лишь 14 дней.

Самостоятельность, законченность глав «Еврейского автомобиля» подтверждается и их внутренней художественной организацией. Каждая глава располагается собственным сюжетом, включающим все его организующие моменты.

Действие у Ф. Фюмана концентрируется вокруг одного-единственного персонажа, а внутри главы — и вокруг одного определенного события. Но события эти развиваются как бы в двух сферах: одна из них — широкая, историческая — обуславливает события сферы более узкой, которая включает в себя повседневную жизнь героя. Обе сферы представлены в каждой главе своими событиями. В этом отношении весьма значительную роль играют заглавия и подзаголовки отдельных частей книги: первые содержат в себе указания на те или иные события в жизни героя, вторыми обозначены события исторические. Например, глава «Сражение за спортзал в Рейхенберге» снабжена подзаголовком «Сентябрь 1938 года. Канун конференции в Мюнхене», глава «В зарослях ежевики» имеет подзаголовок «8 мая 1945 года. Капитуляция гитлеровского вермахта» и т. д. Такой способ повествования избран писателем совершенно сознательно и рассчитан на то, чтобы побудить нашу мысль к активной работе, заставить читателя сопоставить повседневную жизнь героя с важнейшими историческими событиями, обнаружить тесную связь между ними.

Если в начале произведения исторические события остаются где-то за пределами представлений героя о мире, хотя и начинают просачиваться в его детское сознание, то с течением времени герой все больше втягивается в их сферу. Обе событийные сферы как бы сближаются, что нередко получает отражение и в сближении содержания заглавия и подзаголовка: «Мировая война начинается» — «1 сентября 1939 года. Начало второй мировой войны»; «Каждому свой Сталинград» — «Февраль 1943 года. Битва под Сталинградом» и т. п. Изображение двух сфер — исторической и повседневной — создает впечатление насыщенности каждой главы событиями, а это, в свою очередь, является одним из признаков новеллистического жанра.

Художественную достоверность образу героя придает использование

автором психологического метода изображения, диалектики внутренней жизни. Мастерство Фюмана-психолога проявилось прежде всего в раскрытии антагонистических по своей природе противоречий в характере героя. Собственно говоря, в одном человеке сосуществуют две противоположные натуры. Такое изображение героя исторически правдиво.

Герой — мечтательный, тонко чувствующий природу, наделенный живым воображением юноша. Ему претит спартанская дисциплина монастыря с ее рабским послушанием, подчинением «одинаковому ритму серых дней»². Но, с другой стороны, он ненавидит евреев, которых даже не видел никогда в жизни, и «красных», которых, по его мнению, «давно следовало бы повесить вниз головой» (135). Он не способен разобратся в происходящем, доверчив до слепой наивности. Нацисты направляют и используют даже его сентиментальность так хитро, что герой глубоко убежден в своей «освободительной миссии».

Ф. Фюман фиксирует малейшие движения чувств героя, подчеркивает его горячий, порывистый характер, достигая этого тщательным отбором наиболее выразительных лексических средств (существительных, глаголов и прилагательных): «Ein Schauer übergrän mich; ich stand gelähmt» («Ужас смял меня; я стоял, как парализованный»); «Es war Todesangst; das Herz schlug nicht mehr...» («Это был смертельный ужас; сердце перестало биться...»); «...plötzlich rauschte eine wilde rote Welle durch mein Blut» («...вдруг кровь во мне зашумела дикой красной волной»); «...Rebellion und Ratlosigkeit, Gärund und Aufschei und quälende Fragen...» («...мятежность и беспомощность, смятение и вопли сердца и мучительные размышления...»)³.

Применительно к «Еврейскому автомобилю» есть смысл говорить также о таком качестве новеллистического жанра, как его близость к драматическому искусству. Уже первые главы произведения Ф. Фюмана захватывают читателя напряженным внутренним драматизмом и побуждают его с неослабевающим вниманием следить за развитием героя, постоянно задумываться над вопросом, что же ждет юношу — окончательное падение или «прозрение»? Близость к драме кроется, на наш взгляд, и в повествовании от первого лица, когда герой характеризуется «самосильно» (М. Горький), обнаруживает свое истинное «я» путем «саморазоблачения».

Во многих главах «Еврейского автомобиля» возникают неожиданные повороты действия, происходят резкие (однако вполне объяснимые) изменения в поступках и настроении героя. Подобные переходы мы наблюдаем, например, в главе «Молитва Михаилу-архангелу»: беспрекословное подчинение неумолимой дисциплине монастыря — «бунт» мальчика — мгновенно вслед за этим последовавшее покаяние — опять безропотная покорность на целых два года — неожиданный побег из монастыря — вступление в юношескую фашистскую организацию.

Таким образом, концентрация действия вокруг одного персонажа, насыщенность событиями, глубокий психологизм в изображении героя, близость к драме, наличие неожиданных поворотов действия позволяют говорить о новеллистическом жанре каждой главы «Еврейского автомобиля». Тщетно было бы искать «Еврейский автомобиль» в «Указателе романов писателей ГДР», да и сам Ф. Фюман заявлял, что относит себя к писателям «малых жанров». И все же, создав «Еврейский автомобиль», автор вышел далеко за рамки традиционного цикла новелл.

Все новеллы произведения объединяются одной общей темой — воспитание человека историей. Исчерпывающему раскрытию этого процесса соответствует изображение всей человеческой жизни или наиболее значительной, решающей ее части, в течение которой происходит формирование характера и мировоззрения человека. Именно такой период жизни отражен в «Еврейском автомобиле». Таким образом, уже общность темы и героя превращает новеллы, несмотря на композиционную законченность каждой, в единое художественное произведение. На это указывает и общий для всех новелл подзаголовок «Четырнадцать дней

одного двадцатилетия», выполняющий роль своего рода «связки» между главами, напоминая, что эти 14 дней — звенья одной цепи.

Основной конфликт «Еврейского автомобиля», как и других произведений о фашизме и войне, — это борьба двух полярных сил — разрушающей и созидающей, зла и добра. Корни этой борьбы Ф. Фюман усматривает в историческом столкновении фашизма и гуманизма, отразившем противоположность двух систем — империализма и социализма. В «Еврейском автомобиле» конфликт между добром и злом движет не столько сюжетом произведения, не столько внешней, видимой глазу стороной событий, сколько внутренним, нравственным развитием героя.

Логике внутреннего движения подчинена и композиция «Еврейского автомобиля» в целом. Как события повседневной жизни героя, так и исторические события излагаются хронологически последовательно, что подтверждается и подзаголовками новелл, в которых в большинстве случаев указаны не только год, но даже месяц и день события: «12 февраля 1934 года. Восстание рабочих в Вене»; «1 сентября 1939 года. Начало второй мировой войны»; «22 июня 1941 года. Нападение на Советский Союз». Логической последовательности повествования не противоречит используемый автором прием ретроспекции, позволяющий в определенных целях сместить временные пласты. Впечатление логической последовательности, полноты и глубины изображения несколько не нарушается и тем, что в произведении из двадцати семи лет жизни героя повествуется о событиях лишь четырнадцати дней. Дело в том, что эти дни — решающие, а ситуации, описанные автором, исторически и социальными типичны. Да и пробелов в изображении жизни героя, в сущности, нет, настолько обстоятельно повествует Ф. Фюман обо всем — или, по крайней мере, о самом главном, — что происходило в «промежутках» между четырнадцатью днями.

Новеллы расположены в строгом хронологическом порядке, их нельзя менять местами. Каждая новелла — это, в сущности, очередной этап «тяжкого пути познания», все значение которого может быть понято только в контексте целого произведения, в причинно-следственной связи с другими вехами жизни героя. Достаточно веским аргументом для отнесения «Еврейского автомобиля» к жанру романа можно считать и прием кольцевого обрамления, использованный Ф. Фюманом в несколько измененном виде.

Итак, каждая из 14 частей книги является главой цельного художественного произведения — романа, хотя не теряет при этом своего новеллистического характера. Такая сложная жанровая структура произведения лишний раз свидетельствует о неисчерпаемых возможностях литературы социалистического реализма и, в частности, жанра романа.

В одном из своих интервью Ф. Фюман рассказывал о том, как трудны для него поиски героев и ситуаций, как долго и настойчиво работает он над сюжетами своих произведений⁴. Тем более трудны были эти поиски, когда писатель стремился показать, как его поколение и он сам высвобождались из тисков фашистской гарроты. В «Еврейском автомобиле» Ф. Фюман избирает путь подчеркнуто автобиографического повествования. Биография писателя и героя совпадают не только в своих главных коллизиях, но и в деталях, вплоть до даты рожденья — 15 января 1922 года. Однажды даже называется фамилия героя — «военнопленный Фюман» (236). Не будь этих деталей, роман все равно остался бы автобиографичным. Однако они придают рассказу героя исключительную достоверность, усиливают впечатление бескомпромиссного суда автора над собственным прошлым. Биографические подробности, включенные в ткань повествования, — отнюдь не зыбкие мостки, переброшенные от одной судьбы к судьбе целого поколения. Это прежде всего доказательство прочной связи человека со своей страной, с историей. Изображая собственный жизненный путь, автор — через частное, конкретное — идет к изображению типичного, общего, еще раз подтверждая слова Л. Толсто-

го о том, что «искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям»⁵.

В советском и немецком литературоведении насчитывается довольно много определений разновидности романов, посвященных описанию жизненного пути героя, процесса формирования его сознания. Сам Ф. Фюман, обращаясь к советским читателям, писал: «Отнеситесь... к моей книге как к исповеди немца, который принадлежит к поколению родившихся в 1922 году, как к исповеди немца, который некогда, исполненный ложных представлений и обманутый, вторгся как враг в страну и родину социализма, чтобы впоследствии, пройдя через годы размышлений, возмужания, внутренней перестройки в лагере для военнопленных, покинуть ее пределы, став ее искренним другом»⁶. Очевидно, Ф. Фюман не вкладывал в свое высказывание литературоведческий смысл, однако слово «исповедь» действительно как нельзя более подходит к роману «Еврейский автомобиль». Можно было бы, используя терминологию известного советского литературоведа Т. Л. Мотылевой, назвать его и «романом о «муках» истории», и «романом нравственной самопроверки»⁷.

Здесь необходимо заметить, что если большинство произведений советских авторов о Великой Отечественной войне повествует о военной «судьбе человека», то для большинства писателей ГДР, в том числе и Ф. Фюмана, война — лишь отправная точка, исходный пункт формирования характера и пробуждения сознания человека. Изображение героя на войне у них, как правило, заканчивается крахом его прежних убеждений и зачастую переходит в изображение героя в условиях послевоенной мирной жизни. Поэтому «Еврейский автомобиль», как и многие другие произведения писателей ГДР о второй мировой войне, правильнее назвать романом изменения, преобразования человека, «романом воспитания» («Erziehungsroman»), или еще точнее — «романом перевоспитания». Т. Л. Мотылева писала об этом: «...В ГДР роман о второй мировой войне нередко становится новым типом «романа воспитания», или даже, если можно так выразиться, «романом перевоспитания» — и не только в силу немецких литературных традиций, но и в силу причин более серьезного, исторического порядка»⁸.

Определение «Еврейского автомобиля» как «романа воспитания» соответствует и его цели, которую писатель видит в воспитании современной молодежи, от которой в большой степени зависит будущее мира, с помощью поучительных уроков истории.

¹ Fühmann Franz. Vielfalt, Weite, Weltniveau.—Neues Deutschland, 1964, 24 März, S. 4.

² Фюман Ф. Еврейский автомобиль.— В кн.: Франц Фюман. Избранное.— М., 1973, с. 135. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

³ Fühmann F. Das Judenauto. Vierzehn Tage aus zwei Jahrzehnten.— Berlin, 1962, S. 11, 26, 76. (Перевод наш — Е. Л.)

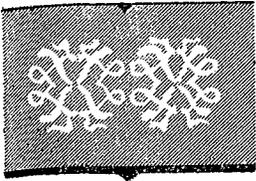
⁴ См.: Sauter J.-H. Interview mit Franz Fühmann.— Weimarer Beiträge, 1971, № 1, S. 46.

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., юбилейное издание.— М., 1953, т. 53, с. 94.

⁶ Фюман Ф. Суд божий.— М., 1966, с. 2.

⁷ Мотылева Т. Л. Всматриваясь в новое.— В кн.: Мотылева Т. Л. Достояние современного реализма.— М., 1973, с. 410, 419.

⁸ Там же, с. 402.

Мовазнаўства

Л. І. БУРАК

СІНТАКСІЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ СКЛАДАНАГА СКАЗА

Складаны сказ — камунікатыўная адзінка вышэйшага, у параўнанні з простым сказам, сінтаксічнага ўзроўню. Гэта адзінка ўтвараецца ў выніку аб'яднання дзвюх і большай колькасці прэдыкатыўных частак, якія знаходзяцца ў розных семантыка-сінтаксічных адносінах паміж сабой. Складаны сказ мае «сваю ўласную будову», ад чаго яго прэдыкатыўныя часткі «могуць уключаць звязаныя сродкі або мець іншыя структурныя асаблівасці, якія дыктуюцца будовай складанага сказа як адзінага цэлага»; ён «мае значэнне, якое не зводзіцца да сумы значэнняў частак, валодае сэнсавай цэласнасцю і, такім чынам, складае структурнае і семантычнае адзінства»¹. Структурна-граматычнае адзінства ўтвараецца пры дапамозе такіх сродкаў, як злучнікі і іх аналагі, суадносныя словы, парадак размяшчэння прэдыкатыўных частак, трывальна-часавыя і мадальныя суадносіны дзеясловаў-выказнікаў у складзе гэтых частак; семантычнае ж адзінства дасягаецца не толькі лексічным напаўненнем прэдыкатыўных частак, іх сэнсавай несамастойнасцю, але і тымі ўзаемаадносінамі, у якія яны ўступаюць у складаным сказе.

Узаемасувязь паміж прэдыкатыўнымі часткамі ў структуры складанага сказа часта мае далучальны характар. У такім разе кожная прэдыкатыўная частка абавязкова мае далучаючае або далучальнае значэнні. Ва ўсякім складаным сказе (складаназлучаным, складаназалежным ці бяззлучнікавым) далучаючая частка, як правіла, аўтасемантычная — лексічнага напаўнення такой часткі зусім дастаткова для самастойнага функцыяніравання яе ў якасці асобнага (простага) сказа. Яна служыць асновай структурнай арганізацыі складанага сказа і заўсёды будзе як самастойны сказ, у якім няма фармальна-граматычных паказчыкаў, якія сведчылі б пра неабходнасць прымацавання далучальнай часткі (у складаназалежным сказе далучальнай можа быць толькі даданая частка). Таму натуральна, што далучальная частка змяшчае не абавязковае, а дадатковае паведамленне адносна таго, пра што гаворыцца ў далучаючай частцы складанага сказа. Будова далучальнай часткі паказвае, што гэта частка ў адпаведнасці з яе лексічным напаўненнем самастойна функцыяніраваць не можа, а прыстасоўвае сваю структуру да далучаючай часткі, каб прымацавацца да яе і сумесна з ёй выразіць спецыфічную семантыку ўсяго складанага сказа. Падобнае дастасаванне знаходзіць сваё адлюстраванне ў парадку слоў далучальнай часткі, анафарычных элементах, лексічных паўторах асобных словаформ і іншых сродках. Напрыклад: *Шчокі дзяўчыны паружавелі ад хвалявання, і гэта прыдала ёй асаблівую прываблівасць* (Я. Колас); *Ён ужо набліжаўся да моста, як раптам з акова высунулася каска з наведзеным аўтаматам* (А. Якімовіч); *З лесу дзяўчына ідзе — да паясніцы косы* (М. Хведаровіч). З прыкладаў відаць, што далучальная частка па сваёй пры-

родзе сінсемантычная, паколькі ў ёй ёсць адпаведныя ўказанні на прамую сувязь яе ў структуры складанага сказа з далучаючай часткай.

Сінтаксічная сувязь паміж далучальнай і далучаючай часткамі складанага сказа вызначаецца камунікатыўнымі задачамі выказвання, атрымліваючы непасрэднае выражэнне ў разнастайных злучнікавых і бяззлучнікавых сродках. Гэтыя сродкі з'яўляюцца «стандартызаванымі элементамі структуры»² складанага сказа; яны не толькі маркіруюць далучальную частку, але і служаць выразнікам тых семантыка-сінтаксічных адносін, якія ўзнікаюць паміж ёй і далучаючай часткай ў структуры складанага сказа. Устаноўлена, што семантыка-сінтаксічныя адносіны паміж такімі прэдыкатыўнымі часткамі могуць мець паратаксічны або гіпатаксічны характар. Пры паратаксічным характары далучальных адносін аб'ядноўваюцца прэдыкатыўныя часткі, з якіх канструіруюцца складаназлучаныя і бяззлучнікавыя складаныя сказы. У гэтых сказах выражаюцца наступныя адносіны: далучальна-пералічальныя: *Банадыся трэба жаніць, ды і дачка на выданні* (М. Лынькоў); *У полі вецер свішча, у полі вецер дзьме...* (М. Чарот); далучальна-азначальныя: *Праца спорылася, і гэта радавала бацьку* (Я. Колас); *Успомню сад і гуд пчаліны, той гуд яшчэ ў вушах стаіць* (П. Броўка); далучальна-дапаўняльныя: *Блізка да дуба, а ў дубе дупло* (А. Вялюгін); *Жанчына несла на плячы пілу, ад пілы люстрам адсвечвала сонца* (Б. Сачанка); далучальна-паясняльныя: *Прыватная ўласнасць на зямлю наогул павінна быць знішчана, гэта значыць права ўласнасці на ўсю зямлю павінна належаць толькі ўсяму народу* (У. І. Ленін); *Загараюцца зоры-агні новых фабрык, заводаў, палацаў, — гэта крочыць па нашай зямлі пляцігодкаю новаю праца* (М. Машара); далучальна-вылучальныя: *Дрэвы майкліва стаялі ля будынкаў, і нават старая асіна не трапятала сваім лісцем* (А. Стаховіч); *Сейбіты ў брыгадах былі вызначаны на ўвесь час сяўбы, у іх ліку быў і дзед Яўхім* (Т. Хадкевіч); далучальна-выясняльныя: *Прачнуўся Віктар — а на дварэ ўжо бела* (М. Лобан); *Глянула маці — паляна чырвоная ад ягад* (В. Каваль); далучальна-заклучальныя: *Руць кусцістая на гонях, — значыць, будзе ўраджай* (П. Глебکا); *Доўгія жытнія снапы слаба звязаны перавясламі — відаць, жаў нехта нядужымі рукамі* (І. Пташнікаў). Апрача таго, у складаназлучаных сказах могуць выражацца далучальна-абмежавальныя адносіны: *На турніку Грыша падцягваўся толькі два разы, ды і то яго туды падсаджвалі* (І. Навуменка) і далучальна-прычынна-выніковыя адносіны: *Вугор крыху нагадвае гадзюку, а таму некаторы час яго не лічылі рыбай і не ўжывалі ў страву* (І. Гурскі), якія немагчымыя ў бяззлучнікавых складаных сказах.

Пры гіпатаксічным характары далучальных адносін аб'ядноўваюцца прэдыкатыўныя часткі, з якіх канструіруюцца складаназалежныя сказы. У гэтых сказах выражаюцца наступныя адносіны: далучальна-адносныя: *Дождж перашкаджаў нарыштоўцы сена, што непакоіла старшыню* (У. Краўчанка); далучальна-атрыбутыўныя: *Гэта быў бегемот, якіх і цяпер досыць у Афрыцы* (Я. Маўр); далучальна-часавыя: *Усю траву выцягнулі з вады, пасля чаго быў зроблены перапынак* (М. Зарэцкі); далучальна-прасторавыя: *Я быў на стромкім перавале, куды і хмары не дайшлі* (М. Танк); далучальна-прычынныя: *На дварэ холадна, таму ўсе сядзяць дома* (П. Галавач); далучальна-выніковыя: *Хаты стаялі на ўзлеску, так што дроў хапала* (Б. Мікуліч); далучальна-мэтавыя: *У разведку паехалі на веласіпедах — каб шуму не нарабіць* (А. Якімовіч); далучальна-ўмоўныя: *У брызентавым мяшкі панясём рыбу, калі, вядома, будзе што несці* (В. Вольскі); далучальна-ўступальныя: *Ладынін даволі стрымана хваліў калгас, хоць пахваліць было за што* (І. Шамякін) і далучальна-параўнальныя: *З выгляду гэта быў прыгажун-мужчына, як часам любяць гаварыць між сабой жанкі* (А. Кулакоўскі).

Складаназлучаныя, складаназалежныя і бяззлучнікавыя складаныя сказы з далучальнымі адносінамі маюць разнародны састаў, які знахо-

дзіць сваё адлюстраванне ў структурнай разнаатыпнасці прэдыкатыўных частак і парадку слоў у іх. Кожная прэдыкатыўная частка выконвае сваю функцыю і не можа перадаць яе другой частцы, бо адносіны адной часткі да другой не такія, як адносіны другой часткі да першай. Апрача таго, структура гэтых сказаў вызначаецца рознай ступенню перарывістасці. Найбольшую перарывістасць маюць бяззлучнікавыя складаныя сказы, паколькі адсутнасць злучнікаў і злучальных слоў прадвызначае самую працяглую інтанацыйную паўзу на стыку прэдыкатыўных частак і сведчыць аб мінімальнай цеснаце счуплення паміж імі. Найменшая перарывістасць уласціва складаназалежным сказам, бо гіпатаксічныя злучнікі і злучальныя словы ў значнай меры скарачаюць інтанацыйную паўзу на стыку прэдыкатыўных частак і сведчаць аб максімальнай (разумеецца, для далучэння) цеснаце счуплення паміж імі. Некалькі большай перарывістасцю характарызуюцца складаназлучаныя сказы, таму што паратаксічныя злучнікі і злучальныя словы ў адрозненне ад гіпатаксічных сведчаць аб меншай залежнасці далучальнай часткі ад далучаючай. Атрымліваецца, што далучальныя адносіны ў складаназлучаных і асабліва ў бяззлучнікавых складаных сказах праяўляюцца больш чотка і выразна, чым у складаназалежных сказах.

З канкрэтнымі разнавіднасцямі далучальных адносін неразрыўна звязана адкрытасць-закрытасць структуры складанага сказа. Усе складаназалежныя сказы і абсалютная большасць складаназлучаных і бяззлучнікавых складаных сказаў маюць закрытую структуру. Пры такой структуры ў складаным сказе часцей за ўсё змяшчаюцца дзве прэдыкатыўныя часткі (далучальная і далучаючая). Аднак не выключаны і такія выпадкі, калі закрытую структуру складаюць тры і больш прэдыкатыўных частак. Праўда, у гэтым разе далучальнае значэнне звычайна мае апошняя прэдыкатыўная частка, якая закрывае сабой структуру складанага сказа: *Я хлеба ў багатых прасіў і маліў — яны ж мне каменні далі; і тыя каменні між імі і мной сцяною вялізнаю ўсталі* (М. Багдановіч). І толькі ў камбінаваных складаных сказах можа быць некалькі далучальных частак, якія аб'яднаны разнастайнымі злучнікавымі і бяззлучнікавымі сродкамі сувязі: *Яны зноў маўчаць, але маўчанне гэта радаснае, чыстае, ад яго вясёласць у грудзях шырыцца* (І. Мележ). Далучальныя і далучаючыя часткі складаных сказаў закрытай структуры, як правіла, разнаатыпныя; яны маюць рознае сінтаксічнае афармленне і па-рознаму суадносяцца з тым семантычным цэлым, якое ўтварае ўвесь складаны сказ.

Інакшымі ўласцівасцямі характарызуюцца складаныя сказы, якія маюць адкрытую структуру: яны змяшчаюць дзве, тры і больш прэдыкатыўных частак, сярод якіх адна далучаючая, астатнія — далучальныя. Колькасць прэдыкатыўных частак у такіх сказах «вызначаецца не патрабаваннямі моўнай формы, а нямоўнымі фактарамі — аб'ёмам інфармацыі, якую нясе сказ»³, гэта значыць патэнцыяльна неабмежаваная. Далучальныя і далучаючыя часткі складаных сказаў адкрытай структуры больш-менш аднаатыпныя; яны маюць адносна аднолькавае сінтаксічнае афармленне і больш-менш аднолькава суадносяцца з тым семантычным цэлым, якое ўяўляе сабой увесь складаны сказ. Усё гэта супраджаецца абавязковым паўтарэннем злучніка, а пры бяззлучнікавай сувязі — абавязковым паўтарэннем і сіметрычным размяшчэннем у кожнай далучальнай частцы асобных кампанентаў далучаючай часткі: *Мы сядзелі каля хаты, а воз стаяў у гумне, а бацька на рабоце, а маці дома* (К. Чорны). *Смачна бульба з кілбасою, смачна бульба з агурком, смачна бульба з саланінай, смачна бульба з селядцом* (А. Русак). Аднастайнасць граматычнай будовы прэдыкатыўных частак дае магчымасць выражаць толькі далучальна-пералічальныя адносіны паміж імі, што істотна абмяжоўвае сферу распаўсюджвання складаных сказаў адкрытай структуры ў сучаснай беларускай мове. Апрача таго, аднастайнасць будовы далучальных і далучаючых частак складанага сказа свед-

чыць аб мінімальнай перарывістасці яго структуры, а гэта ў сваю чаргу збліжае далучальныя адзінкі са злучальнымі.

Адкрытасць-закрытасць структуры аказвае вялікі ўплыў на характар многіх канструкцыйных адзнак складанага сказа. Прэдыкатыўныя часткі складаных сказаў адкрытай структуры суправаджаюцца развівальна-пералічальнай інтанацыяй, яны аднолькавыя па мэце паведамлення, функцыяніруюць у аднолькавай (поўнай ці няпоўнай) форме, маюць аднолькавыя мадальна-часавыя планы: *Там задорна смелыя сосны параслі, там бярозы белыя нікнуць да зямлі* (П. Г л е б к а); *А ў мяне дом, а ў мяне дача, а ў мяне машына...* (Л і М). У складаных сказах закрытай структуры прэдыкатыўныя часткі суправаджаюцца развівальна-ўдакладняльнай інтанацыяй, яны могуць быць аднолькавымі па мэце паведамлення, функцыяніруюць у аднолькавай і неаднолькавай форме, маюць аднолькавыя і неаднолькавыя мадальна-часавыя планы: *Чутна рэха ў бары — то іграе баян* (А. К у л я ш о ў); *Была адна задумка, калі можна яе так назваць* (У. К р а ў ч а н к а); *Людзі бусла пусцілі чысціць свет з брыды ўсякай, дык ці ж птушынай сіле ўсіх знішчыць вужакаў?* (Я. К у п а л а). Варта падкрэсліць, што адкрытасць-закрытасць структуры не накладвае строгіх абмежаванняў на аднасастаўнасць і двухсастаўнасць далучальных і далучаючых частак — такія часткі магчымыя ў складаных сказах любога тыпу. Але тым не менш пры адкрытай структуры перавага аддаецца аб'яднанню прэдыкатыўных частак, якія аднолькавыя па свайму саставу (галоўным чынам двухсастаўныя). Закрытая ж структура дапускае свабоднае аб'яднанне розных прэдыкатыўных частак (аднасастаўных і двухсастаўных). Для далучальных і далучаючых частак не характэрна намінатыўная форма, бо яна да мінімуму сціслая структурна і лаканічная інфарматыўна, а гэта мала спрыяе разнароднасці саставу і перарывістасці будовы такіх сказаў.

Апрача статычнай, складаным сказам з далучальнымі адносінамі ўласціва таксама дынамічная структура. Разуменне складанага сказа як дынамічнай структуры вымагае прызнання ў ім асобай функцыянальнай перспектывы — значэння дадзенага і новага, якое накладваецца на структурна-грамматычны характарыстыкі яго прэдыкатыўных частак. Асноўнымі сродкамі выражэння дынамічнай структуры ў складаным сказе з'яўляюцца інтанацыя і парадак размяшчэння прэдыкатыўных частак. Інтанацыя не толькі афармляе аб'яднанне далучальнай і далучаючай частак як цэласную камунікатыўную адзінку, але і ажыццяўляе «кантрастнае проціпастаўленне першай (сінтаксічна асноўнай) і другой (семантычна асноўнай) частак складанага сказа»⁴. Што да парадку далучальных і далучаючых частак у структуры складанага сказа, дык ён, як правіла, фіксіраваны: далучаючая частка, якая актуальна менш важная (змяшчае ў сабе інфармацыю вядомую, прама ці ўскосна дадзеную), размяшчаецца ў прэпазіцыі; далучальная частка, якая актуальна больш важная (змяшчае ў сабе новую інфармацыю), размяшчаецца ў постпазіцыі. І толькі асобныя даданыя далучальныя часткі, пры ўмове пэўнай фразеалагізацыі або асаблівай актуалізацыі змешчанай у іх інфармацыі, інверсіруюцца і спарадычна ставяцца перад галоўнай (далучаючай) часткай ці, атрымаўшы спецыфічнае адценне пабочнага або ўстаўнога сказаў, уключаюцца ў сярэдзіну галоўнай часткі складаназалежнага сказа: *Як і трэба было чакаць, прапанова выклікала шмат спрэчак* (Х. Ш ы н к л е р); *Піліпчык абяцаў яшчэ паказаць яму — калі адыдуць фашысты далей — рэшткі спаленых ім машын* (М. Л ы н ь к о ў). Страціўшы значэнне дадатковага паведамлення (значэнне далучальнасці), такія прэдыкатыўныя часткі лёгка ператвараюцца ў пабочныя або ўстаўныя сказы.

Форма і значэнні складаных сказаў з далучальнымі адносінамі, розныя сродкі сувязі (полісіндэтычныя і асіндэтычныя) прэдыкатыўных частак садзейнічаюць актыўнаму выкарыстанню названых адзінак у якасці асобных стылістычных фігур для адлюстравання шматлікіх з'яў і падзей аб'ектыўнай рэчаіснасці. Вялікія магчымасці выбару той або

іншай фігуры, звязаныя з разнастайнасцю структурных тыпаў складанага сказа, рэалізуюцца ва ўмовах канкрэтнага кантэксту і вызначаюцца яго семантыка-сінтаксічнымі і функцыянальна-стылістычнымі асаблівасцямі.

¹ Белошанкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис.— М., 1977, с. 158.

² Ильенко С. Г. Сложное предложение в современном русском языке.— Л., 1976, с. 21.

³ Белошанкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, с. 62.

⁴ Милюк В. Ф. Присоединение — вид синтаксической связи.— Вестник ЛГУ, № 20, вып. 4, 1966, с. 150.

И. С. РОВДО

ТИПЫ РАЗЛИЧИЙ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ОМОНИМИЯ

Употребляя термин «межъязыковые омонимы», мы имеем в виду слова, различные по значению, но совпадающие в плане выражения (если различия в их форме мотивируются наличием закономерных соответствий) ¹.

В плане содержания каждая межъязыковая омонимическая пара может находиться лишь в одном отношении: в семантическом отношении исключения. Однако в зависимости от того, какими внутриязыковыми и межъязыковыми лексико-семантическими процессами обуславливается наличие межъязыковых омонимов, можно выделить несколько их типов.

I. Межъязыковые омонимы, обусловленные омонимией в русском языке: рус. **вешать** ² (I А. 'Помещать в висячем положении', бел. *вешаць*. Б. 'Подвергать смертельной казни на виселице', бел. *вешаць*. II 'определять на весах вес кого-чего-н.', бел. *важыць*) — бел. **вешаць** (А. Знач. 'А' рус. **вешать** I. Б. Знач. 'Б' рус. **вешать** I); рус. **покупать** (I А. 'Приобретать за деньги', бел. *купляць*. Б. 'Привлекать на свою сторону посредством подкупа, взятки', бел. *купляць*. II А. 'Искупать, выкупать', бел. *пакупаць*. Б. 'Купать некоторое время', бел. *пакупаць*) — бел. **пакупаць** (А. Знач. 'А' рус. **покупать** II. Б. Знач. 'Б' рус. **покупать** II) и т. д.

II. Межъязыковые омонимы, обусловленные омонимией в белорусском языке: бел. **раўнаваць** (I А. 'Делать ровным, гладким', рус. *ровнять*. Б. 'Делать равным, одинаковым', рус. *равнять*. II 'сомневаться в чьей-н. верности в любви', рус. *ревновать*) — рус. **ревновать** (знач. бел. **раўнаваць** II); бел. **пралазіць** (I А. 'Влезая, продвигаясь, с трудом проникать куда-н.', рус. *пролезать*. Б. перен. 'Обманом и хитростью проникать куда-н., добиваться хорошего, выгодного положения', рус. *пролезать*. В. 'Пропускаться сквозь узкое отверстие', рус. *продеваться*. II 'провести какое-н. время в лазанье', рус. *пролазить*) — рус. **пролазить** (знач. бел. **пралазіць** II) и др.

Источником межъязыковых омонимов первого и второго типов являются слова, находящиеся в семантических отношениях исключения.

III. Межъязыковые омонимы, обусловленные полисемией в русском языке: рус. **гусеница** (А. 'Личинка бабочки, обычно червеобразная с несколькими парами ног', бел. *вусень*. Б. 'Широкое полотно, состоящее из отдельных звеньев, служащее вместо колес у тракторов, танков, самоходных кранов и т. п.', бел. *гусеница*) — бел. **гусеница** (знач. 'Б' рус. **гусеница**); рус. **журнал** (А. 'Периодическое издание в виде книжки, содержащей статьи или художественные произведения разных авторов, а также отдельная книга такого издания', бел. *часопіс*. Б. 'Книга или тетрадь

для периодической записи событий, решений, постановлений, операций и т. п.', бел. *журнал*) — бел. *журнал* (знач. 'Б' рус. *журнал*) и т. д.

IV. Межъязыковые омонимы, обусловленные полисемией в белорусском языке: бел. *гонар* (А. 'Достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности', рус. *честь*. Б. 'Самомнение, заносчивость', рус. *гонор*) — рус. *гонор* (знач. 'Б' бел. *гонар*); бел. *бераг* (А. 'Край земли около воды', рус. *берег*. Б. 'Край какого-н. материала или изделия из него', рус. *край*. В. 'Верхняя предельная часть какого-н. предмета посуды', рус. *край*) — рус. *бераг* (знач. 'А' бел. *бераг*) и т. д.

Источником межъязыковых омонимов третьего и четвертого типов являются слова, находящиеся в семантических отношениях включения.

V. Межъязыковые омонимы, обусловленные и омонимией, и полисемией в русском языке: рус. *борец* (I А. 'Тот, кто борется во имя защиты осуществления чего-н.', бел. *барацьбіт*. Б. 'Спортсмен, специалист по борьбе', бел. *барэц*. II 'травянистое растение с желтыми, синими и фиолетовыми цветками', бел. *мардоўнік*) — бел. *барэц* (знач. 'Б' рус. *борец* I); рус. *выжать* (I А. 'Сжав, сдавив, удалить, выпустить жидкость, влагу', бел. *выкруціць*. Б. 'Сжав, извлечь жидкость', бел. *выціснуць*. В. 'Медленно поднять штангу, гирию и т. п. от груди вверх до полного распрямления рук', бел. *выжаць*. Г. перен. 'Извлечь, получив какую-н. пользу, результат', бел. *выціснуць*. II 'произвести жатву на каком-н. пространстве', бел. *выжаць*) — бел. *выжаць* (I знач. 'В' рус. *выжать* I. II знач. рус. *выжать* II) и др.

VI. Межъязыковые омонимы, обусловленные и омонимией, и полисемией в белорусском языке: бел. *жаба* (I А. 'Земноводное животное с бородавчатой слизистой кожей, сходное с лягушкой', рус. *жаба*. Б. 'Бесхвостое земноводное с длинными задними ногами, приспособленными для прыганья', рус. *лягушка*. II в сочетании *грудная жаба* — 'обиходное название болезни сердца, сопровождающееся удушьем', рус. *жаба*) — рус. *жаба* (I знач. 'А' рус. *жаба* I. II знач. рус. *жаба* II); бел. *даслаць* (I А. 'Выслать, послать дополнительно', рус. *дослать*. Б. воен. 'Продвинуть до определенного места (снаряд, патрон и т. п.)', рус. *дослать*. В. 'Доставить через посредство кого-н. или почтой', рус. *прислать*. II 'окончить стлать', рус. *дослать*) — рус. *дослать* (А. Знач. 'А' бел. *даслаць* I. Б. Знач. 'Б' бел. *даслаць* I) и др.

Источником межъязыковых омонимов пятого и шестого типов являются слова, находящиеся в семантических отношениях 1) исключения и 2) включения.

VII. Межъязыковые омонимы, обусловленные 1) полисемией в русском языке, 2) полисемией в белорусском и 3) случайно совпавшие по форме: рус. *бороться* (А. 'Добиваться чего-н., преодолевая препятствия', бел. *змагацца*. Б. спорт. 'Схватившись друг с другом, стараться осилить', бел. *бароцца*) — бел. *бароцца* (А. Знач. 'Б' рус. *бороться*. Б. 'Иметь свойство бодать', рус. *бодаться*); рус. *вилочный* (А. Прил. к сущ. *вилка* — 'приспособление для еды в виде нескольких зубьев на ручке', бел. *відэлучны*. Б. Прил. к сущ. *вилка* — 'название различных устройств, приспособлений с деталью в виде двух зубьев, выступов', бел. *вілачны*) — бел. *вілачны* (А. Знач. 'Б' рус. *вилочный*. Б. Прил. к сущ. *вілкі* — 'надетая на палку металлическая рогатка для подхватывания горшков, чугунов, которые ставятся в печь', рус. *ухватный*). Как видим, кроме общего значения такие слова в каждом из языков имеют и свои, отличные друг от друга значения. А это значит, что по отношению к одной и той же в плане выражения лексической единице (с учетом закономерных соответствий) обоих языков мы можем говорить о межъязыковых омонимах, 1) обусловленных полисемией в русском языке, 2) обусловленных полисемией в белорусском языке и 3) о межъязыковых омонимах, не зависящих от каких-либо лексико-семантических отношений в пределах одного из языков, т. е. последние мы можем рассматривать как случайно совпавшие по форме (с точки зрения синхронного анали-

за). Источником межъязыковых омонимов данного типа являются слова, находящиеся в семантических отношениях пересечения.

VIII. Межъязыковые омонимы, обусловленные 1) полисемией в русском языке, 2) омонимией в белорусском и 3) случайно совпавшие по форме: рус. **заслон** (А. 'Войска, составляющие прикрытие, обороняющие фланги, обеспечивающие своими действиями главную операцию и т. п.', бел. *заслон*. Б. 'Печная дверца в виде железного листа с ручкой, а также вообще приспособление для закрывания отверстий', бел. *засланка*) — бел. **заслон** (I знач. 'А' рус. **заслон**. II обл. 'Переносная скамейка', рус. *скамья*); рус. **качалка** (А. 'Кресло на качающейся подставке', бел. *качалка*. Б. обл. 'Род качающейся кровати, в которой укачивают ребенка', бел. *калыска*) — бел. **качалка** (I знач. 'А' рус. **качалка**. II 'деревянный валик для раскатывания, катания теста или белья', рус. *скалка*).

IX. Межъязыковые омонимы, обусловленные 1) омонимией в русском языке, 2) полисемией в белорусском и 3) случайно совпавшие по форме: рус. **погодный** (I 'отмечаемый год за годом', бел. *пагадовы*. II прил. к сущ. *погода* — 'состояние атмосферы в данном месте, в данное время', бел. *пагодны*) — бел. **пагодны** (А. Знач. рус. **погодный** II. Б. 'Хороший, благоприятный в отношении погоды', рус. *погожий*); рус. **поносить** (I 'порочить, оскорблять бранью', бел. *лаяць*. II А. 'Ходя в течение некоторого времени, поддерживать на руках кого-что-н.', бел. *панасіць*. Б. 'Походить в чем-н., в какой-н. одежде', бел. *панасіць*). — бел. **панасіць** (А. Знач. 'А' **поносить** II. Б. Знач. 'Б' рус. **поносить** II. В. 'Продолжительной ноской сделать негодным', рус. *износить*).

Источником межъязыковых омонимов восьмого и девятого типов служат слова, находящиеся в семантических отношениях 1) включения и 2) исключения.

X. Межъязыковые омонимы, обусловленные 1) омонимией в русском языке, 2) омонимией в белорусском и 3) случайно совпавшие по форме: рус. **диван** (I 'мягкая мебель для сидения и лежания, со спинкой и ручками или валиками', бел. *канапа*. II А. 'Совет высших сановников при султানে в старой Турции', бел. *дыван*. Б. Лит. 'Название сборника лирических стихотворений в восточных литературах', бел. *дыван*) — бел. **дыван** (I 'изделие из тяжелой ворсистой узорчатой ткани, употр. для покрытия пола, украшения стен', рус. *ковер*. II А. 'Знач. 'А' рус. **диван** II. Б. знач. 'Б' рус. **диван** II); рус. **лик** (I устар. 'лицо', бел. *твар*. II устар. 'собрание, сонм святых духов и т. п.', бел. *лік*) — бел. **лік** (I знач. рус. **лик** II. II А. 'Понятие количества, величина, при помощи которой производится счет', рус. *число*. Б. 'Состав, ряд, совокупность кого-чего-н.', рус. *число*. В. 'Грамматическая категория имени и глагола, выражающая единичность или множественность', рус. *число*. Г. 'Результат игры, выраженный в числах', рус. *счет*). Источником межъязыковых омонимов этого типа служат слова, находящиеся в семантических отношениях исключения.

Четыре последних типа рассмотренных лексических единиц объединяет то, что все эти слова порождают межъязыковую омонимию, обусловленную внутриязыковыми процессами как в русском, так и в белорусском языках.

XI. Межъязыковые омонимы, случайно совпавшие по форме. Характерной особенностью этого типа межъязыковых омонимов является то, что омонимические пары образуются в результате случайного совпадения по форме слов безотносительно к каким-либо внутриязыковым лексико-семантическим процессам. Например, рус. **бескорыстный** ('чуждый корыстных интересов', бел. *бескарыслівы*) — бел. **бескарысны** ('не приносящий пользы, напрасный', рус. *бесполезный*); рус. **боронить** ('разрыхлять бороной', бел. *баранаваць*) — бел. **бараніць** (А. 'Охраняя, ограждать от посягательств, от враждебных действий, от опасности', рус. *защищать*. Б. 'Отстаивать мнение, взгляды перед чьей-н. критикой, возражениями', рус. *защищать*) и др. Среди лексических пар данного типа можно выделить небольшое количество слов, которые по своему

предметно-логическому содержанию не просто различны, а диаметрально противоположны: рус. *благой* (устар. 'хороший', бел. *добры*) — бел. *благі* ('лишенный положительных качеств, неудовлетворительный, не удовлетворяющий каким-н. требованиям', рус. *плохой*); рус. *уехать* ('покинув какое-н. место, отправиться куда-н. на каких-н. транспортных средствах', бел. *паехаць*) — бел. *уехаць* ('едуци, попасть, проникнуть внутрь', рус. *въехать*); рус. *уползть* ('удаляться, направляться, куда-н. ползком, ползая', бел. *выпаўзаць*) — бел. *упаўзаць* ('входить, забираться куда-н. ползком', рус. *вползть*) и др. Основу таких межъязыковых омонимов составляют слова с префиксом *у-*, который и может придавать противоположные значения однокоренным словам русского и белорусского языков. Источником межъязыковых омонимов данного типа являются слова, находящиеся в семантических отношениях исключения.

Такое разнообразие типов межъязыковых омонимов свидетельствует в первую очередь о том, что, несмотря на близость, в своей денотативной функции лексика русского и белорусского языков имеет и довольно-таки значительные расхождения.

Основную массу межъязыковых омонимов составляют слова первых четырех типов. Их сопоставление показывает, что лексических пар, обусловленных омонимией или полисемией в белорусском языке (II и IV типы), значительно больше, чем межъязыковых омонимов, обусловленных омонимией или полисемией в русском (I и III типы). Причем объем значений полисемичных слов белорусского языка шире объема значений одинаковых с ними по форме слов русского языка. А это значит, что лексика русского языка более дифференцирована и конкретна в сравнении с лексикой белорусского.

Количество межъязыковых омонимических образований для одной и той же по форме лексической пары зависит от количества лексико-семантических вариантов полисемичного слова и от количества лексем, омонимичных друг другу в пределах одного из языков. Речь идет, безусловно, о словах, связанных с межъязыковой омонимией. Так, чем более многозначно слово, тем больше образуется слов, находящихся в межъязыковых омонимических отношениях; чем больше лексем, омонимичных между собой, тем больше межъязыковых лексических пар. В этом плане лексико-семантические процессы белорусского языка обуславливают большее количество слов двух лексических систем, совпадающих по форме и разных по значению.

Значительное количество полисемичных слов обоих языков употребляется в прямом и переносном значениях. Причем это в большей мере относится к русскому языку. Наиболее интересными представляются случаи типа рус. *гроза* (А. 'Атмосферное явление — бурное ненастье с громом и молнией', бел. *навальніца*. Б. перен. 'О ком-чем-н., навещающем ужас, внушающем сильный страх', бел. *граза*) — бел. *граза* (знач. 'Б' (без пометы) рус. *гроза*); рус. *дурман* (А. 'Ядовитое травянистое высокое растение с крупными листьями и большими белыми пахучими цветками', бел. *дурман'ян*. Б. перен. 'То, что опьяняет, опьяняющее, отупляющее средство', бел. *дурман*) — бел. *дурман* (знач. 'Б' (без пометы) рус. *дурман*). Эти примеры указывают на заимствование белорусским языком лексико-семантического варианта, употребленного в переносном значении, из русского языка, поскольку в основном значении слова рассматриваемых лексических систем имеют разное материальное оформление. Поэтому в белорусском языке слово, соответствующее формально и по смыслу лексеме русского языка в переносном значении, рассматривается как самостоятельное, не зависящее семантически (в отличие от своего эквивалента в русском языке) от другого слова (лексико-семантического варианта) своей лексической системы. Отсюда — в составе межъязыковой омонимической пары находятся слова, имеющие основное значение по отношению к тем языковым системам, которым они принадлежат. Но поскольку лексема белорусского языка из омонимической пары заимствована из русского, в котором она имеет мотивирован-

ное значение, то и белорусское слово сохраняет образность, абстрактность и мотивируется словом русского языка в основном значении.

Распределение межъязыковых омонимов по рассмотренным нами типам позволяет делать выводы не только относительно лексических систем русского и белорусского языков, но и относительно их функционирования в речи билингов, для которых существует целый ряд факторов (в том числе и тип омонимов), стимулирующих и нейтрализующих нежелательные столкновения межъязыковых омонимов в процессе коммуникации.

¹ См.: Ровдо И. С. Межъязыковая омонимия в системе русской и белорусской лексики.— *Вестник БДУ імя У. І. Леніна*, сер. IV, 1979, № 2, с. 29.

² Римские цифры указывают на омонимию слов, прописные буквы русского алфавита — на полисемию.

С. М. ПРОХОРОВА

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ В ГОВОРАХ СМОЛЕНЩИНЫ

В говорах, как и в литературных языках, синтаксические конструкции группируются в синтаксические поля «на основании близости выражаемых ими синтаксических значений, которые представляют собой обобщенное отражение отношений объективной реальности»¹. В синтаксические поля объединяются не только предложения и словосочетания, но и аналоги словосочетаний, детерминанты (ситуанты) и другие синтаксемы (термин Г. А. Золотовой)². В силу этого многие синтаксические поля исключительно сложны в структурном отношении, в них выделяются микрополя, в свою очередь поля объединяются в макрополя и т. п.

В статье рассматриваются фрагменты трех синтаксических полей в говорах Смоленщины, а именно группировка синтаксических моделей на так называемом докоммуникативном уровне (словосочетаний, аналогов словосочетаний, детерминантов).

Синтаксическое поле, выражающее целевые отношения. Целевое значение здесь осложнено оттенком значения времени, причины, пространства и др. Это синтаксическое поле сложно и в структурном отношении. Сюда входят и сложноподчиненные предложения, и словосочетания, и аналоги словосочетаний и т. п. Мы рассмотрим только фрагмент поля, которым говоры Смоленщины отличаются от русского литературного языка. В русском литературном языке в данном случае всегда выступает словосочетание, организованное по модели «глагол + за + имя в творит. п.»: *пойти за ягодами, за грибами, за дровами, за водой, за бригадиром*. В говорах выбор конструкции зависит от существительного. При существительных *дрова, грибы, ягоды* (и отдельные названия ягод) ядром синтаксического поля в смоленских говорах можно считать конструкцию «предлог *у* + винительный падеж имени»: *И ў дрэвы сьма́ йэз'ула; Мужы́к хад'іў у гр'убы́; Пó'йд'иш у балóта у йáўды*. Наряду с этой конструкцией встречается (реже) конструкция «предлог *по* + винительный падеж имени»: *Йэз'ула па дрóвы; Хад'іў пэ-йáўды*.

Что касается конструкций с существительным *вода*, то здесь ядром поля можно считать для смоленских говоров (как и для белорусских) конструкцию «предлог *по* + винительный падеж имени»: *пэшилá пу вадў*. Очень редко (и, как правило, параллельно с предыдущей конструкцией) встречается модель «предлог *за* + творительный падеж»: *пэшилá зэ-вадбй*. На периферии поля находится конструкция *пэшилá вадбй*. Эта конструкция, как правило, в микросистемах употребляется параллельно с целевыми предложными конструкциями. Конструкция привлекла наше внимание тем, что она является общей для смоленских говоров и литовского языка. Целевые отношения в литовском языке в большинстве случаев выражаются беспредложным дательным и родительным падежа-

ми. К. Мустейкис отмечает: «Особенностью литовского языка является явное преобладание беспредложных словосочетаний, выражающих целевые отношения»³.

К дательному цели может восходить и адвербиализированная форма *двору́* в широко встречающейся в говорах конструкции *пойти двору*. Что касается конструкций с существительными, называющими лицо (типа *бригадир, председатель, соседка* и т. п.), то здесь ядром поля можно считать для многих микросистем параллельные конструкции «предлог по + винительный падеж имени» // «предлог за + творительный падеж имени»: *з'б'е'у́зй за дб́хтэ́рэм* // *з'б'е'у́зй на дб́хтэ́ра*. В отдельных системах употребляется только конструкция «предлог за + родительный падеж имени».

Следовательно, в рассмотренном фрагменте поля в смоленских говорах можно выделить три микрополя с разным соотношением ядерных и периферийных конструкций (причем, в разных микросистемах возможно разное соотношение): а) микрополе, в состав конструкций которого входят существительные *дрова, грибы, ягоды* (и их отдельные названия); б) микрополе со словом *вода*; в) микрополе, в состав конструкций которого входят существительные, называющие лицо.

Для всех микрополей характерна общая модель «предлог по + винительный падеж имени», которая встречается не во всех микросистемах и является ядерной только для микрополя б. Такое выделение микрополей является для русского языка диалектной чертой, так как в русском литературном языке здесь выступает только одна модель (микрополя отсутствуют). Но этот фрагмент поля сближает смоленские говоры с белорусскими, являясь продолжением белорусского ареала (см. карты 215 и 216 ДАБМ).

Синтаксическое поле, выражающее временные отношения. Это поле тоже сложно в структурном отношении, так как отражает средствами языка сложную философскую категорию времени. Здесь выделяются следующие микрополя: а) простой констатации (указания) времени; б) протекания действия в какой-то нечетко выраженный отрезок времени; в) протекания действия в четко ограниченный (от и до) отрезок времени; г) предшествования; д) следования; е) повторяемости во времени.

Возможно выделение и других микрополей. Микрополе в полностью совпадает с русским литературным языком (на докоммуникативном уровне). В микрополе д диалектные различия касаются лишь лексического наполнения конструкции «предлог по + предложный падеж», которая свойственна и русскому литературному языку: *П'яйшлá м'я́я жыс'т' т'ым -жа ва́уым, йак па-с'м'э́рт'и П'я́ўл'учкá*. В микрополе а нами отмечено употребление винительного падежа слова *год* в сочетании с определением *прошлый*: *Прб́шлы чот мал'ыны н'ь-былб*⁴. Возможно в таком значении употребление конструкции «предлог на + винительный падеж имени»: *Вот на сáмый на Хр'истóў д'ен'* кто у цэркыў, хто куды; *З'эп'айэм л'эс'н'у нэ-расхóт* (=когда надо расходиться). Констатация времени может быть выражена и творительным беспредложным (что встречалось и в древнерусском языке): *Пайшоў мой сын Ивáн нэ-з'эрабóтк'и в'ал'йк'им настóм*. (В древнерусском языке во временном значении часто употреблялись беспредложные родительный, винительный, творительный, местный. В современном литовском языке во временном значении значительно чаще, чем в русском, употребляется творительный беспредложный наряду с местным (всегда беспредложным) падежом.)

Отмеченные диалектные конструкции имеют разное распространение в микросистемах, но чаще находятся на периферии поля. В микрополе б шире, чем в литературном русском языке, употребляется творительный беспредложный: *Бывáла ф'ил'ип'ыўцэм'и у нас пэс'ид'елк'и* (ср. с литературным *целыми днями, ночами*). В микрополе г фиксируются характерные и белорусскому языку (не только русским говорам) конструкции: *В'ач'эр'ийут' вáр'ива пат-с'эр'иду; Штó прат'и нач'и нас*

б'испако́йт'а? В микрополе *e* ядерной можно считать общую с белорусским языком конструкцию «предлог *по* + предложный падеж имени»: *Ход'им тудá пэ-нэца́х*.

В заключение обзора этого фрагмента синтаксического поля следует отметить, что для отдельных микрополей ядерными являются конструкции, общие с белорусским языком (микрополе *e*); встречаются конструкции, общие для смоленских говоров и белорусских, и в других микрополях (микрополе *г*). Вместе с тем есть микрополя, в которых отличия от русского литературного языка минимальны (микрополя *в, д*). А в общем поле представляет собою довольно пеструю картину. Например, в значении продолжительности протекания действия (с оттенком ограничения во времени) нами зафиксирована в одной микросистеме конструкция: *Тр'и го́да мы бы́л'и атв'эз'эны у л'уд'бх*.

Синтаксическое поле, выражающее причинные отношения. В этом поле можно выделить два микрополя — внутренней причины и внешней. Структура микрополя внутренней причины очень близка к структуре этого микрополя в русском литературном языке.

В микрополе внешней причины в смоленских говорах на докоммуникативном уровне отмечена общая для описываемых и белорусских говоров конструкция «предлог *по* + дательный падеж имени»: *З'јел'и мы во́с'им кул'ей хл'эба пу б'иднат'э; Пла'кэла йá и зэ'ливáльс' на йéтых го́р'ушкэ́х ча́р'уч'им'и с'л'аз'м'и*. Описанные фрагменты синтаксических полей обнаруживают много общего с белорусскими говорами, хотя и в разной степени.

Таким образом, западные смоленские говоры и на синтаксическом уровне проявляют свой переходный характер. На периферии синтаксического поля, выражающего целевые отношения, есть модель, общая для смоленских говоров и литовского языка. На периферии временного поля отмечены архаические конструкции, которые были свойственны древнерусскому языку.

¹ Филичева Н. И. Синтаксические поля.— М., 1977, с. 15.

² См. определение синтаксического поля у Л. Вайсгербера, Д. Н. Шмелева, Г. А. Золотовой, Н. И. Филичевой и др. исследователей.

³ Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков.— Вильнюс, 1972, с. 261.

⁴ В литовском языке винительный времени употребляется чаще, чем в русском, особенно со словами, обозначающими отрезки времени.

Л. Н. ЧУМАК

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ, ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ПРЯМОМУ ОБЪЕКТУ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ)

В современном языкознании традиционным является отнесение к прямому объекту, кроме Вин. беспредложного при переходных глаголах, некоторых форм Род. беспредложного. Употребление Род. связано с количественной характеристикой объекта, а также со значением объекта, подтверждаемого воздействием в неполном объеме.

Однако далеко не все формы Род. беспредложного при переходных глаголах можно безоговорочно считать прямым объектом. Не раз высказывалось мнение, что при отрицании Род. прямым объектом не является¹. Род. части и временного пользования в роли прямого объекта имеют собственные оттенки значения; возвратные глаголы со значением полноты действия, при которых Вин. прямого объекта невозможен, часто широко используют Род. части, соотносительный с Тв.: *напиться, обзаться чего-либо (чем-либо)*.

С другой стороны, некоторые другие синтаксические формы, как беспредложные, так и предложные, также реализуют значение полного охвата глагольным признаком. На субстанции-объекте данный актив-

ный признак обнаруживается, направляется на нее, подвергая ее своему воздействию, нередко вызывая в ней изменения состояния. Такие синтаксические формы функционально и семантически адекватны прямому объекту. Например: *торговать рыбой, кидаться камнями, выкурить по сигарете, расправиться с кем-либо*.

Анализ объектных словосочетаний различной структуры свидетельствует, что лексико-семантический фактор также играет определенную роль при констатации объектных отношений. Так, словосочетания *отойти от кого-чего-н., сбежать с чего-н., выйти из чего-н.* выражают объектно-пространственные отношения, несмотря на то, что с точки зрения грамматической зависимость форма выступает как форма с прямым объектным значением. Наличие непосредственной пространственной семантики главного компонента содействует развитию обстоятельственных отношений. Очевидно, что в словосочетаниях с прямым объектным значением в роли организующего центра должны выступать лишь глаголы с семантикой действия или состояния, которое охватывает объект сферой своего проявления. Следовательно, только семантика глагола или наличие при нем Вин. падежа имени (например: *читал книгу* и *читал целый вечер*) не являются единственными показателями прямого объектного значения. Все это приводит к необходимости установления определенных критериев для включения некоторых синтаксических форм в сферу прямого объекта.

Зависимая форма, выступая в функции прямого объекта при переходных глаголах определенной семантики, должна, по нашему мнению, обладать, подобно наиболее грамматикализованной форме объекта — Вин. имени, следующими свойствами: а) быть сильно управляемой; б) выступать первым, ближайшим объектным определителем в цепочке управляемых падежей; в) являться единственно возможной и не допускающей, как правило, синонимических замен; г) иметь значение предмета, лица или отвлеченного понятия, полностью вовлеченного в сферу глагольного признака; д) служить лишь для реализации синтаксического отношения субстантива к подчиняющему глаголу (прилагательному или субстантиву), т. е. должна быть лишена конкретной семантики и являться чистым знаком синтаксической зависимости.

В подобных словосочетаниях зависимые падежные формы употребляются при тех или иных глаголах по традиции, т. е. относятся к числу связанных форм, которые предсказываются господствующим членом конструкции. Связь между компонентами словосочетания основана на потребности выполнения значения управляющего слова. Это приводит к тому, что круг существительных, способных функционировать в роли прямого объекта, лексически не ограничен.

Исследуемые словосочетания можно разделить на две группы: 1) словосочетания, выражающие чисто грамматическое объектное значение, и 2) словосочетания, которые, при сохранении общей функции прямого воздействия на объект, имеют ряд частных семантических оттенков значения, что обусловлено или влиянием употребляемого в конструкции предлога, или (в словосочетаниях с Род.) лексико-грамматическим значением имен существительных (вещественно-собираательные, отвлеченные), или же семантикой глагола. К словосочетаниям 1 группы относятся, безусловно, конструкции с Вин. беспредложным, а также с некоторыми формами Род., Дат., Тв. без предлога.

Гл. + Род. Зависимое слово в подобных словосочетаниях обозначает объект, к которому направлено действие, но который на самом деле не охвачен действием. Род., обусловленный семантикой управляющего слова, обозначает предмет желания, стремления субъекта. Круг глаголов, образующих беспредложные словосочетания с Род., лексически ограничен. Это глаголы со значением желания, стремления, просьбы, оценки: *хотеть, желать, жаждасть; добиваться, домогаться, достигать; просить, требовать; стоить, удостоить(ся), заслужить* и глагол *касаться*. Например: *Я желал только справедливости* (Я. Голованов. Королев).

Он никогда не добьется богатства (В. Каверин. Перед зеркалом). Конструкции с этими модальными глаголами и Род. малоупотребительны, так как глаголы волеизъявления реализуют в основном свое лексико-семантическое значение в сочетании с инфинитивом, эквивалентным прямому объекту.

Гл. + Дат. В этой группе объектных переходных глаголов, которые в силу своего лексического значения требуют только одного существительного в Дат., выделяется несколько семантических подгрупп: а) глаголы со значением предоставления: *помогать, покровительствовать, содействовать, присягать*; б) глаголы со значением подчинения: *повиноваться, поддаваться, покоряться*; в) глаголы со значением уподобления, соответствия: *соответствовать, уподобляться, отвечать*; г) глаголы «отрицательного» воздействия, антонимичные по значению глаголам с семой предоставления, пользы: *возражать, вредить, изменять, противоречить*; д) глаголы, обозначающие чувства, эмоциональное состояние, которое проявляется по отношению к лицу, обозначенному формой Дат.: *верить, доверять, завидовать, сочувствовать*. Субъект посредством действия, названного глаголом, стремится изменить состояние объекта. *Он глазами просил меня помочь Рите (Г. Бакланов. Пядь земли). Он лег в телеге, на сене, и я теперь завидовал ему (К. Паустовский. Золотая роза).*

Гл. + Тв. «В сравнительно немногих случаях,— отмечает А. А. Шахматов,— творительный выражает название лица или предмета, охваченного действием глагольного признака»². Форма Тв. в этих словосочетаниях обусловлена лексическим содержанием глагола и является неотъемлемым компонентом данных словосочетаний. Тв. объекта закрепился в русском языке за глаголами следующих тематических групп: а) со значением управления: *командовать, распоряжаться, заведовать, руководить*; б) со значением обладания: *пользоваться, владеть, располагать*; в) со значением занятий: *промышлять, торговать, заниматься*, при которых форма Тв. имеет значение объекта воздействия; г) со значением изменения принадлежности: *обмениваться, делиться, поступиться, рисковать*; д) со значением наполнения, насыщения: *наполняться, кормиться, лакомиться, объедаться, обедать, проникаться, заражаться, заводиться, запасаться*. Возвратные глаголы двух последних семантических групп могут выступать в составе конструкций, синонимичных конструкциям с невозвратными глаголами, выражая направленность действия на один и тот же объект, который при возвратном глаголе передается формой Тв., при невозвратном — Вин. без предлога. Ср.: *запасать дрова — запасаться дровами. Георгий собирает промышлять рыбной ловлей (В. Каверин. Перед зеркалом). Всю войну командует взводом (Г. Бакланов. Пядь земли).*

Зависимый компонент при глаголах со значением внутреннего эмоционального состояния, определенного «психического движения»: *восхищаться, наслаждаться, тяготиться, пренебрегать, интересоваться* называет объекты этих состояний. Форма объекта определяется лексическим значением глагола и является формой сильно управляемой. *Никто не помещал ему наслаждаться жизнью (В. Каверин. Перед зеркалом). Любуется своей работой (Г. Бакланов. Пядь земли).*

Тв. при глаголах *бросаться, кидаться, швыряться* обозначает объект действия (движения). Словосочетания представляют Тв. как объектный определитель возвратного глагола, параллельный Вин. при невозвратном глаголе: *кидать камни — кидаться камнями*. Различия носят грамматический характер, разницы же в характере выражаемых ими реальных отношений нет. При возвратных глаголах на первый план выдвигается само действие, а не его объект. Оба падежа выступают как стилистические синонимы. Ср. также: *повернуться лицом — повернуть лицо; трясти рукой — трясти руку*.

К словосочетаниям I группы относятся также разнообразные типы предложных конструкций, в которых сильноуправляемые формы связа-

ны с определенными глаголами и образуют с последними нерасторжимые единства. Используемые предлоги оказываются по существу аффиксом управляющего глагола, «простыми грамматическими знаками объектных отношений» (В. В. Виноградов).

Гл.+к+Дат. Опорным компонентом словосочетаний данной модели выступают глаголы со значением стремления: *стремиться, сводиться, готовиться, склоняться, тяготеть* и также глаголы со значением внутреннего состояния: *ревновать, придираться, относиться, привыкать, приспособиться*. Она *привыкла к неожиданностям с моей стороны* (В. Каверин. Перед зеркалом). *Васин относится к Панченко со сдержанным юмором* (Г. Бакланов. Пядь земли).

Гл.+на+Вин. Дистрибутивным свойством глаголов *решиться, склониться, отважиться, претендовать, рассчитывать, надеяться, сердиться, жаловаться, реагировать, влиять* является сочетаемость их с формой *на+Вин.*, которая становится носителем значения направленности действия на объект с непосредственным и полным его овладением. *Но подобие наводнения, видимо, воздействовало на его инстинкты* (В. Солоухин. Капля росы). Формированию устойчивого прямого объектного значения в данной синтаксической модели способствует сочетание двух грамматических средств — формы *Вин.* и предлога *на*.

Гл.+на+Пр. Данной формой зависимого субстантива управляют глаголы *основываться, сосредоточиваться, настаивать, отражаться, жемиться*. *Отец пытался настаивать на своем* (В. Зорин. Владыка без масок). Предлог *на* подчеркивает наличие направленности действия на объект. Форма *Пр.* с предлогом *на* имеет значение объекта проявления действия или состояния.

Гл.+в+Пр. Семантически узкой, с конструктивно закрепленной формой объектного распространителя выступает группа глаголов внутреннего состояния: *нуждаться, каяться, сомневаться, убеждаться, признаваться* и глаголы *выражаться, участвовать, проявляться, воплощаться, заключаться*. Существительное в *Пр.* с предлогом *в* обозначает предмет, составляющий содержание действия. *Иные цифры нуждаются в комментариях* (В. Зорин. Владыки без масок). *В Ваших дружеских чувствах я никогда не сомневалась* (В. Каверин. Перед зеркалом). Словосочетания с *Пр.*, семантически опустошенным, отнесены В. В. Виноградовым к «непродуктивным и лексически связанным».

К словосочетаниям II группы относятся как беспредложные, так и предложные конструкции. В анализируемых ниже предложных объектных конструкциях значение направленности действия на предмет имеет несколько опосредствованный характер, что создается значением предлога, употребляемого в зависимости от коммуникативных целей. В эту группу включаем также словосочетания с *Род.* беспредложным с различными семантическими оттенками.

Прямой дистрибутивный объект. Ближе всего к конструкциям с прямопереходным значением стоит конструкция *Гл+по+Дат.* При переходных глаголах форма *по+Дат.* идентична *Вин.* прямого объекта. Зависимое слово обозначает конкретный или (редко) отвлеченный предмет, который распределяют поровну, т. е. имеет значение прямого дистрибутивного объекта. *Они выкурили с Богачевым по сигарете; Командиры рот, дать по пять человек на орудие!* (Г. Бакланов. Пядь земли). В словосочетаниях этого структурно-функционального типа, в отличие от соответствующих конструкций с *Вин.*, связь действия с объектом многократна (*дать яблоко — дать по яблоку*).

Прямой объект с социативным оттенком. Выражение предмета, на который направлено действие, формой *с+Тв.* является довольно распространенным явлением в современном русском языке. Прямое объектное значение с оттенком социативности, поддерживаемым значением предложно-падежной формы, имеют следующие группы словосочетаний. 1. Управление формой *с+Тв.* является постоянным свойством глаголов *свыкнуться, смириться, возиться, считаться*, которые передают идею

однонаправленного воздействия на объект и без объектного определителя не употребляются. *С большим интересом ознакомились с воспоминаниями своего хозяина* (В. Зорин. Владыки без масок). 2. Значение практической направленности действия на объект имеют словосочетания с глаголами *сладить, справиться, расправиться, разделаться. Он не должен был расправляться с этой попыткой* (В. Каверин. Перед зеркалом). 3. Форма *с+Тв.* вступает в конкуренцию с формой Вин. без предлога при возвратных глаголах *нянчиться, таскаться, носиться, навязываться*. В образующих синонимических конструкциях разными падежными формами представлен один и тот же реальный объект действия. Ср.: *навязываться с настроениями — навязывать настроения. ...Пешком не идти, с сумками не таскаться!* (В. Солоухин. Капля росы). Эти глаголы выражают обязательную направленность действия на объект с полным его овладением и без объектного определителя не употребляются.

Прямой объект с аблятивным (отложительным) оттенком. Форма Род. после переходных глаголов с отрицанием идентична форме Вин. без предлога: *не вызывать отклика, не разорять гнезд*. Однако частица *не* при глаголах в сочетании с аблятивным значением Род. зависимого субстантива способствует возникновению функционального значения отсутствия, отдаления. Тесная связь переходного глагола с объектом содействует распространению отрицания и на сам объект. *Неровен час, так и умрет она, не повидав дочери, не приласкав ее, не погладив ее русые волосы* (К. Паустовский. Золотая роза).

Аналогичное значение имеют и конструкции, организованные глаголами с общим семантическим значением удаления, отстранения, изъятия: *Он дичится меня вначале* (Г. Бакланов. Пядь земли). Род. имени указывает на лицо, предмет, подвергающийся воздействию со стороны субъекта с целью отторжения, отдаления, освобождения от него.

В предложных конструкциях аблятивное значение в большинстве случаев усиливается глагольным префиксом, дублирующим предлог: *отрываться от жизни, заслониться от удара*. Управляемая форма предопределена словообразовательной структурой управляющего слова и имеет значение прямого объекта с семантическим оттенком аблятивности. Главным компонентом анализируемых предложных словосочетаний могут выступать лишь возвратные глаголы с соответствующей семантикой, при которых непосредственный объект действия выражается не формой Вин. без предлога, а другими косвенными падежами. Ср.: *очистить что-л. от чего-л. и очиститься от чего-л. Это значило бы отказать от себя*. (В. Каверин. Перед зеркалом).

Прямой объект со значением соприкосновения. Функциональное значение столкновения, соприкосновения, присоединения, приближения полностью обуславливается лексическим значением главного компонента конструкции. В качестве опорного слова выступают глаголы различного морфологического состава, лексическое значение и словообразовательная структура которых определяет построение словосочетания. *Омоется с косы прилипшая к ней травяная мелочь...* (В. Солоухин. Капля росы). *Ведь вы до сих пор как-то не взгляделись друг в друга* (В. Каверин. Перед зеркалом). Между приставкой управляющего глагола и предлогом наблюдается известное соответствие (или по звуковому облику и значению, или только по значению): *вмешаться в разговор, налететь на хату, присоединять к ревности*.

Прямой объект с инструментальным оттенком. Значение объекта действия (движения) имеют словосочетания, в которых зависимое имя обозначает предмет, при помощи которого становится возможным обнаружение действия (движения). Эти словосочетания организуются глаголами со значением конкретного двигательного действия (*вертеть, кивать, махать, шевелить, двигать*) и существительными в Тв. Абсолютно, без Вин. или Тв., эти глаголы не употребляются. *Юрка Семенов пошевелил палкой под оставшимися дровами* (В. Солоухин. Капля росы). Ср., например: *повернуть голову — кивнуть головой, поднять плечи —*

пожать плечами. Параллелизм употребления форм Тв. и Вин. падежа при возвратном и невозвратном глаголе представляет Тв. как объектный определитель возвратного глагола, параллельный Вин. и функционально.

Таким образом, прямой объект следует рассматривать не как чисто грамматическую, а прежде всего как семантико-синтаксическую категорию, где наряду с основным, наиболее распространенным грамматическим средством выражения прямого объекта (Вин. беспредложным, составляющим ядро, центр) в современном русском языке сложился слой падежных и предложно-падежных форм, выступающих как аналоги, комбинаторные варианты Вин. прямого объекта и относящихся к периферии этой системы. Особое место в анализируемых словосочетаниях занимают конструкции с возвратными глаголами. Они не выступают как принципиально отличные от словосочетаний с Вин., так как различия в форме выражения (Тв. вместо Вин., например, при некоторых глаголах) в данном случае не отражают различий в содержании, а свидетельствуют лишь о многообразии форм данного класса. Неодинаковое оформление прямого объекта действия при перечисленных глаголах определяется сильным управлением глаголов. Носителями такового данные глаголы являются либо как представители определенных семантических групп, либо как индивидуальные явления. В связи с этим деление глаголов на переходные и непереходные по принципу сочетаемости с Вин. прямого дополнения, т. е. синтаксическому, является формальным, не отражающим сущности языковых явлений. Считаем целесообразным, вслед за Н. А. Лобановой, выделять три группы глаголов: прямопереходные, переходные и непереходные³.

¹ Гвоздиков Б. Опыт классификации залогов русского глагола.— Русский филологический вестник, 1904, т. 51, с. 185.

² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка.— М.— Л., 1941, с. 341.

³ Лобанова Н. А. Синтаксическая сочетаемость возвратных глаголов в современном русском языке.— М., 1966.

Л. И. ПОЛОНСКАЯ

К ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ СИГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ СЛОВА

Компонентный анализ является одним из наиболее эффективных способов изучения значения слова. Он возник в связи с необходимостью поиска путей формализации семантического описания, выработки научно обоснованных методов семантического исследования и раскрытия системного характера лексики языка. Выделяя компоненты значения слов-синонимов, с помощью компонентного анализа мы можем установить те элементы значения, которыми эти близкие слова отличаются друг от друга. Нами проведен сигматический компонентный анализ значений группы слов с общим компонентом «шуметь».

Поскольку явления, обозначенные данными словами, можно определить только заданными физическими характеристиками (например, частота, амплитуда колебаний, тембровая окраска, продолжительность звука) и можно представить все обозначаемые словами данной семантической группы звуки и их варианты, то представляется целесообразным путь от предмета к слову, его обозначающему. Естественно, что, начиная проводить компонентный анализ, исследователь имеет приблизительное представление о возможных компонентах значения слова. Но, во-первых, весь набор компонентов неизвестен, а, во-вторых, даже те, которые можно предсказать, очень расплывчаты и не определены достаточно четко.

В глаголах шума эта неопределенность в большой степени ликвидируется тем, что заранее задана главная составная часть всего набора

компонентов значений слов этой семантической группы: физические параметры шумов, обозначенных словами данной группы, хотя отсутствуют такие компоненты, как источник шума и его цель.

Если рассматривать физические параметры как признаки значения слова, то можно предположить, что значение отдельного слова определяется, во-первых, наличием того или иного признака, во-вторых, степенью проявления этого признака. А следовательно, измерив параметры исходного звука, мы можем, меняя состав его физических характеристик или степень проявления каждой из них, узнать, какова их весомость в значении того или иного слова. Если при изменении параметра информант называет звук другим словом, то этот признак (параметр) является значимым, т. е. входит как компонент в значение слова, обозначающего предшествующий звук. Так достигается объективность исследования.

Каждый набор производных друг от друга звуков информанты прослушивают. Работа ведется индивидуально с каждым человеком. Эта методика позволяет описать фрагмент семантической системы словаря. Выделяя же компоненты значения слова, можно определить те его семантические признаки, по которым происходит эвристический поиск нужного слова в словаре при отборе текста.

Для данной семантической группы слов наиболее целесообразным оказался путь от явления действительности к слову, его обозначающему. Это связано и с особенностями глаголов шума, перечисленными выше, и с тем, что прямой опрос информантов оказывается безрезультатным. На вопрос, каково значение того или иного слова данной группы, испытуемый или не может ответить, или перечисляет 3—4 близких по значению слова, причем, как правило, указывает на производителя звука, обозначенного данным словом. Такой способ определения многих слов этой группы свойственен и толковым словарям.

При определении сигматического значения слова путь от явления к слову целесообразнее и потому, что прямым источником информации, заключенной в значении слова, является сам предмет.

Если же мы идем от слова к явлению, то получаем, фактически, не определение значения слова, отражающего явление само по себе, а определение нашего представления о явлении. Возникает проблема денотации. Отвлекаясь от явления и обращаясь только к информации, заключенной в слове, не всегда можно сказать, какие объекты являются его истинными денотатами; часто денотаты в речи разных говорящих не совпадают. «Только идя от конкретных явлений, мы можем выявить отличительные признаки, служащие для разграничения близких по значению слов»¹, и выявить ведущий и дополнительные компоненты значения, т. е. путем изменения признаков явления и последующего сопоставления слов-реакций можно изучить значения исследуемых слов.

Проведенный эксперимент и основывается на гипотезе о том, что значение слова в основном складывается из различительных признаков. Первая часть эксперимента состоит из трех этапов, интервалы между которыми не меньше 10 дней. На каждом этапе было прослушано значительное число (51) разных шумов, записанных на магнитофонную ленту, опрошено 18 человек, получено 2754 ответа. На первом этапе опыт проводился со всей группой одновременно. Каждый из информантов прослушивал звук и записывал его название. На обдумывание уходило не более двух минут. Здесь исследовалось обозначение звука при первоначальном восприятии. На втором этапе прослушивались те же звуки. Из предложенных для обозначения каждого звука 5—6 близких по значению слов информанты выбирали одно. Опыт помогает установить разницу в восприятии значений близких слов. На третьем этапе опыт проводился с каждым информантом в отдельности. Информант называл звук после прослушивания, давал его словесное описание и характеристику по специальной шкале. Все ответы письменно фиксировались.

Особенность же прослушиваемых звуков заключалась в том, что звук, который, по утверждению информантов, можно было обозначить

данным словом, «...изменялся по одному параметру таким образом, чтобы потерять свойство, соответствующее проверяемой информации. Если после такого изменения употребление языковой единицы признавалось неправильным, то считалось, что данная информация действительно входит в значение этой единицы или, во всяком случае, является частным проявлением некоторого общего признака»².

Для иллюстрации метода рассмотрим процесс исследования значения слова «звенеть». При этом необходимо учитывать двоякое понимание термина «частота колебаний». Когда речь идет о восприятии звука информантами, то под частотой колебаний понимается осязаемое на слух изменение высоты или громкости звука в единицу времени.

Чтобы выявить компоненты слова «звенеть», исследовалось 12 звуков, различающихся по высоте, наличию ударов и отзвуков, изменению силы ударов по отношению друг к другу, по разности высот между отзвуками и интервалами и только отзвуками, по длительности отзвуков, наличию интервалов между ударами, по длительности интервалов между сериями ударов и отзвуков и их наличию, по общему размаху и амплитуде колебаний звуков.

Первоначально предполагалось, что словом «звенеть» обозначен высокий звук, в котором есть колебания интенсивности и частоты звучания, субъективно воспринимающиеся как удары и их отзвуки. Чтобы проверить первое предположение, была предложена серия низких глухих ударов с осязаемыми отзвуками, которые сливались в сплошной звук. Схема «звенеть» сохранялась, но информанты называли звук иначе. Так было доказано, что «звенеть» — высокий звук. Выявление компонентов и изучение значения слова проводилось в такой последовательности:

1) Удар громкий, звук интенсивный + отзвук (4 с), длительный, снижающийся по громкости, впечатление расширяющегося звука создается из-за увеличения частоты колебаний (f) от 700 до 3200 Гц и дополнительных колебаний. Реакция: «звон+удар», реже — «звенеть». Звонком называют только отзвук. Реакция на достаточно высокий отзвук — также «звенеть» (частота колебаний отзвука ($f_{от}$) от 1200 до 3200 Гц);

2) $f=1200-1400$ Гц. Звук чистый, длительный, высокий, дополнительные колебания минимальны. Реакция «звенеть». При $f=400-900$ Гц и сохранении остальных параметров реакция изменяется: «рокотать». Следовательно, признак высоты является существенным для слова «звенеть»;

3) Звук=2 по высоте, но без осязаемых на слух колебаний. Реакция: «звенеть». Значит, «звенеть» либо состоит из ударов и отзвуков, либо является непрерывным, но обязательно однообразным высоким звуком;

4) $f_{уд}$ (частота колебаний удара) = 2800—3200 Гц. Удары очень частые, высокие, ярко выражены, резкие: отзвуки столь же высокие и сливаются в один сплошной звук. Сила ударов и их отзвуков больше, чем в звуке 2. Разница между силой удара и отзвука \approx в 2 раза больше, чем в звуке 2. Реакция: «звенеть», поскольку звук высокий, «стучать», так как удар очень ярко выражен ($\gamma=10$ уд/с);

5) Изменилась только ν от 50 уд/10 с до 5 уд/с. Отзвук звучит и тогда, когда производится следующая удар. Реакция: «звенеть», реже — «стучать», так как хотя удары и очень сильные для «звенеть», но слышится явный отзвук. Следовательно, для определения значения слова «звенеть» важно не только наличие удара и отзвука, но и степень различия их интенсивности. Очевидно, есть средняя величина разности их интенсивности, при уменьшении которой до 0 значение слова не изменяется, а при увеличении — мы наблюдаем явление, отличное от «звенеть»;

6) Величина отзвука меньше интервалов между ударами: $\gamma=10$ уд/12 с=0,83 уд/с, $f=700-90$ Гц. Реакция: преобладает — «стучать»;

7) $\nu=1$ уд/с, высота и сила удара сохраняется, уменьшается длительность отзвука, увеличиваются интервалы. Реакция — «стучать». Разность между ударом и отзвуком по интенсивности незначительна.

Отзвук от каждого удара сливается с последующим, если это не однократный удар или не серии таких ударов и отзвуков, повторяющихся через определенные интервалы.

8) Звучат низкие колокола. Звук ниже, интервалы между ударами больше, чем во всех предыдущих звуках. Низкий отзвук информанты называют «гулом» или «звоном». Удар начинается прежде, чем оканчивается отзвук предыдущего удара. Реакция: «звонить». Слово «звонить» в значении «звучать» употребляется только для обозначения низкого звука;

9—11) Звуки музыкального звонка (9), телефона (10) и будильника (11). По качеству 10, 11=2,4 соответственно. В 9 амплитуда и размах колебаний больше, чем в звуке 2, но колебания плавные, нет резких ударов и присутствует сплошной отзвук. $v=35$ уд/5 с= 7 уд/с. 9 менее резкий, чем звук 2. $f_{уд}=900-1000$ Гц, f сильного отзвука = $3200-3500$ Гц. Рекции на звуки 9, 10, 11: «звенеть».

На вопрос: «Что делает телефон, будильник, дверной звонок?» — информанты отвечают: «Звонит». Причина противоречия в реакциях заключается в том, что сами по себе звуки, издаваемые этими предметами, относятся к группе «звенеть»; именно так они были названы, когда после записи на магнитную ленту их как бы «оторвали» от предмета, их производящего, хотя в обыденной жизни они всегда связаны с этими предметами. В данном случае в слове «звонить» содержится не характеристика звукового явления, а косвенное указание на соотношенность с предметом, производящим звук, и на то, что этот звук производится с целью воздействовать на кого-то.

Следовательно, слово «звенеть» обозначает производство следующих звуков: I — высокий, пронзительный, непрерывный и однообразный; II — высокий, состоящий из очень частых ударов с отзвуками, на слух воспринимающийся как непрерывный с частыми и минимальными по амплитуде колебаниями. Отзвук сливается в один сплошной звук, по качеству равный I. Может быть однократный удар + отзвук при сохранении остальных характеристик; III — слово «звонить» обозначает низкий звук с редкими ярко выраженными ударами и длительным низким отзвуком, напоминающим гул, который, как правило, длится вплоть до второго отзвука, сливаясь с ним.

При характеристике значения слова не ставится цель определить точные физические параметры звука, обозначенного им, тем более, что этого не может сделать даже современная физика. Выявляются лишь свойства звука, входящие как компоненты в значение данного слова. Несмотря на трудоемкость, эта работа наиболее эффективна для исследования слов данной группы, так как здесь выделяются компоненты значения, которые информантами могут быть названы только через употребление слов, обозначающих данные звуки. Анализ подтвердил, что хотя значения слов не сводятся к различительным признакам, эти признаки играют ведущую роль в их знаковой информации.

¹ Селиверстова О. Н. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом значения «излучать свет». — В кн.: Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. — М., 1970, с. 98.

² Там же.

Л. Ф. КАХОВСКАЯ

ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ АББРЕВИАЦИИ

Аббревиатуры функционируют в языке в качестве отдельных полных лексем. Однако оригинальная внешняя форма (и звуковая, и графическая), некоторая ненормированность использования сокращений и т. п. делают правомерными ряд вопросов и замечаний по поводу ис-

пользования в речи подобного рода слов. Намечается ли процесс затемнения производной основы аббревиатур (а ею, как известно, является словосочетание) или, наоборот, существует постоянная тенденция к «внутреннему скандированию» зашифрованной в аббревиатуре синтагмы? Видимо, подойти к этим вопросам можно, лишь определив тем или иным способом степень идиоматизации аббревиатур. В этом смысле небезынтересным оказывается формально-смысловой анализ отношений, существующих как между аббревиатурами и их прототипами — соотносительными словосочетаниями с той же или иной предметной отнесенностью, так и между самими сокращениями (включая функциональные варианты, а иногда и слова, образованные от аббревиатур).

Именно взаимосвязи в среде аббревиатур и явились поводом данного сообщения. Фактический материал для анализа взят из газет «Известия ВЦИК» (1919—1926), «Экономическая жизнь» (январь 1923). Для сопоставления используется лексика современной периодической печати (на русском, белорусском, польском языках), а также словарь «Словаря сокращений русского языка» (М., 1977).

Остановившись на четырех основных отношениях, существующих между аббревиатурными знаками в плане выражения и в плане содержания: совпадение ($=$), вложение (\subset), пересечение (\cap) и отсутствие общей части (\cup); приходим к выводу, что не все типы теоретически мыслимых формально-смысловых отношений между языковыми знаками приложимы к аббревиатурным парам. Отсутствие отношений контрадикторности (антонимии) при аббревиации обусловлено целым рядом причин, в том числе чисто номинативным характером образований, отсутствием отвлеченных понятий в этом разряде существительных. Интерпретируя полученные отношения аббревиатурными примерами, приходим к выводу, что есть продуктивные модели сочетаний и малоупотребительные. Иные же соотношения не имеют аббревиатурного выражения.

Необходимо заметить, что при вложении и пересечении встает вопрос о сложности формы и смысла. Если правила сравнения смысла обычных слов могут быть почти целиком перенесены на значение слов-аббревиатур, то формальное их (аббревиатур) различие требует особой оговорки. Как известно, если x включает y , есть какой-то элемент a , когда $y = x + a$. В обычных лексемах такой добавочный элемент может равняться, к примеру, аффиксу. В аббревиатурах же их может быть больше в силу лишь двух причин: а) большее количество значимых элементов компонентов аббревиатуры (В-Ц-И-К — Ц-И-К; Глав-уголь — Глав-бум-сбыт) и б) полнее представлены в аббревиатуре компоненты словосочетания, т. е. больше одной звуковой единицы (ОК — окружком, НКЮ — Наркомюст).

В плане формы, таким образом, добавочным элементом является только слово (служебное или знаменательное), т. е. в аббревиатуре представлен какой-то его компонент-символ. Следует оговориться, однако, что замечание это считается правомерным, если основываться на том, что формально инициалы первых аббревиатур имеются в слоговых сокращениях. Поэтому ВЦИК \subset ЦИК (включает) и ОК \cap окружком (имеют общую часть).

Отметим еще и следующее. Если в обычных словах учитывается наличие общего корня, то в сложносокращенных, в силу специфики их образования, имеется в виду «корень-аффикс», то есть каждый значимый элемент аббревиатуры. Поэтому $\Phi(A) \subset \Phi(B)$, $C(A) \subset C(B)$, где Φ — форма, C — семантика, не имеет аббревиатурного соответствия. Действительно, при таких отношениях $\Phi(B) = \Phi(A) + \Phi(X)$, а $C(B) = C(A) + C(X)$, что соответствует, например, стол-столик («столик» = «стол» + «маленький»). Отсутствие в среде аббревиатур таких отношений может быть объяснено лишь единственным: аббревиатуры никогда не приобретают суффиксов эмоциональной оценки, никогда не встречаются с формально выраженным субъективным добавлением. Иное же изменение формального соответствия — не за счет суффиксов эмоциональной оцен-

ки — ведет не к прямой связанной перемене смысла (то есть изменение означающего соответствует параллельному однонаправленному изменению означаемого в пределах отношений включения), а к обратной. Ср: $\Phi(A) \subset \Phi(B)$, $C(A) \supset C(B)$. Однако это уже новая схема отношений, речь о которой ниже.

Наиболее продуктивными оказались три следующие модели:

1) $\Phi(A) = \Phi(B)$, $C(A) \subset C(B)$. Совпадая по форме, одна аббревиатура может включаться в другую (если одна лексема означает «х» и «продукт х», «сотрудник х», «учреждение, основанное на «х» и т. п.). Например, **МАЗ** — Мінскі аўтазавод и машина Мінскага аўтазавода; **ПФС** — продовольственно-фуражное снабжение и продовольственно-фуражный склад; **САМ** — счетно-аналитическая машина и завод счетно-аналитических машин; **продмаш** — продовольственное машиностроение и завод продовольственного машиностроения.

2) $\Phi(A) \subset \Phi(B)$, $C(A) \supset C(B)$ — интерпретируется массой аббревиатурных примеров, что говорит о распространенности «обратного словообразования» при аббревиации. Например: НИИ — НИИ Алмаз; экос — Уралэкос; ПО — МПО; Совнарком — предсовнарком; WPG (Wzajemna Pomoc Gospodarcza) — RWPG (Rada Wzajemnej Pomocy Gospodarczej). Отношения названной схемы реализуются в основном в результате уточнения, конкретизации названий учреждений, организаций, обозначения главы учреждения и т. п. Абстрактно, это отношения части и целого, или тех многочисленных случаев, когда родовое понятие служит основой для ряда видовых, а также если для определения новой реалии в старое понятие включается однородное новое.

3) $\Phi(A) \cap \Phi(B)$, $C(A) \cap C(B)$ — пересечение и по форме и по смыслу. Например: Цекомпродарм — Цекомжур; ВНИИПРХ — ВНИИ МИО; Гипротракторосельмаш — Гомсельмаш; PAN (Polska Akademia Nauk) — PAU (Polska Akademia Umiejętności); АК (Armia Krajowa) — АЛ (Armia Ludowa) — GL (Gwardia Ludowa) — GRN (Gromadzka Rada Narodowa) — WRN (Wojewódzka Rada Narodowa). Это весьма обширная модель, как правило, однотипных отношений, в аббревиатурах которой чаще всего встречаются формализованные элементы типа Глав-, Рос-, Ц-, ком-, НИИ-, дзярж-, N-, Pol- и т. п.

В иерархии формально-смысловых отношений выделяется второй слой сложносокращенных слов, менее многочисленный по сравнению с предыдущим. Характерно, что этот аббревиатурный ряд определяют омонимия аббревиатур или их компонентов; вариантность сокращений или их компонентов.

А. Эта группа лексики представлена такими моделями (схемами):

1) Совпадение аббревиатур по форме и наличие общей смысловой части — $\Phi(A) = \Phi(B)$, $C(A) \cap C(B)$. Например: НКЗ — Народный комиссариат здравоохранения и Народный комиссариат земледелия; ПДУ — производственно-дорожный участок и производственно-дорожное управление. Соотношения основаны на омонимии компонентов одной и совпадении формы и смысла второй части аббревиатур.

2) $\Phi(A) = \Phi(B)$, $C(A) \cup C(B)$ определяет отношения чистой омонимии. Напр.: ПУРС — 1) переносная установка для резки стали; 2) прибор управления реактивной стрельбой; ТС — танковое соединение (воен.); телесигнализация; телефонная станция; темное стекло (оптика); товарный словарь; топографическая служба; трактор сварочный. Известная формализация позволяет четко выделить аббревиатуры-омонимы, как не имеющие общего отрезка смысла. Чаще всего такие пары сокращений образуются из терминологической лексики разных функциональных сфер.

3) Полное отсутствие смысловой общности при формальном пересечении может быть лишь в одном случае: омонимия компонентов аббревиатур, напр., Наркомзем — Коминтерн (в первом случае — ком- комиссариат, во втором — коммунистический); ВСНХ — МСПО (С — совет;

союз); FWP — JWP (Соответственно: Fundusz Wczasów Pracowniczych — Jaśnie Wielmożny Pan).

4) Можно найти примеры аббревиатур и для иллюстрации отношений $\Phi(A) \subset \Phi(B)$, $C(A) \cup C(B)$, т. е. означающее включает означаемое по форме при отсутствии малейшей части общего смысла, что возможно на основе формализации аббревиатур и, следовательно, омонимии их компонентов. Например: МТЗ-Т (такси); НК — (народный контроль) — к (кулон, по старому ГОСТу).

Б. В результате параллельного использования в языке вариантов аббревиатур возможны следующие отношения:

1) $\Phi(A) \subset \Phi(B)$, $C(A) = C(B)$. Аббревиатуры, определяющие одно понятие, представлены разными классификационными типами. Напр.: СНК — Совнарком; чека — ЧК; ЧК — Чрезвычайком; ЦК — цека; РК — рэуком; WKR — Wukaer и т. п. Формальное вложение одной аббревиатуры в другую происходит и в случае, когда одно явление определено в сокращении один раз шире, второй — с меньшей полнотой, но тем не менее имеется в виду один смысл, например: МИОТ и ВЦНИИОТ (Московский институт охраны труда и Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны труда ВЦСПС (Москва); ВЦИК — ЦИК. Наш материал, впрочем, показывает последнее сокращение не только в этом значении (Всесоюзный ЦИК), но и в значении «ЦИК союзных республик», где отношения соответствуют второй продуктивной модели.

2) Формальное пересечение двух аббревиатурных слов при общности смыслов — $\Phi(A) \cap \Phi(B)$, $C(A) = C(B)$ — также может быть лишь тогда, когда одно явление определено двумя в известной степени разными по форме аббревиатурами. Напр.: ВЛКСМ — комсомол, СНК — Совнарком.

В. Наконец, единичны случаи, когда $\Phi(A) \cap \Phi(B)$, $C(A) \subset C(B)$. Это соотношения, подобные «губсоюз-райсоюз». Кроме того, в аналогичных отношениях находятся слова, производные от аббревиатур, напр.: вуз-овец — вуз-овка; колхоз-ник — колхоз-ница; нэп-ман — нэп-ач; dede-op (из dedeer) — dede-op-owu. Однако, отношения между сложносокращенными словами несколько иные, чем отношения между другими языковыми знаками. В среде аббревиатур **A** и **B** может быть сложнее по форме, но одновременно не бывает проще по смыслу, даже если стоит в отношении вложения или пересечения. При анализе смыслового соотношения аббревиатур присоединяется, если можно так определить, «социальный уровень». В примере «губсоюз-райсоюз» (а также «завроно-завуч», «культторг-культмаг» и т. п.) мы имеем $C(A) \subset C(B)$; хотя понятие «губсоюз» включает понятие «райсоюз», нельзя соотнести приведенный коррелят, например, с «инженерный-инженер», «столярный-столяр», или «марксизм-марксист», где налицо отношение описанной модели. Таким образом, оказывается формально доказанным, что составляющие аббревиатуру элементы не являются морфемами в употребительном смысле. Каждое из них — это слово-морфема. Аббревиатурные примеры можно рассматривать в некотором роде и как отношения смысловых пересечений.

Г. 1). В отношении а) $\Phi(A) \cup \Phi(B)$, $C(A) = C(B)$; б) $\Phi(A) \cup \Phi(B)$, $C(A) \subset C(B)$ аббревиатуры не вступают. Пары сокращений характеризуются тем, что отсутствие хотя бы малейшего формального единства исключает всякое единство смысловое. Иными словами, нет нескольких разных по написанию и звучанию аббревиатур, которые бы значили одно и то же или отличались лишь оттенками значения, т. е. нет сложносокращенных слов-синонимов. Чем объяснить подобное явление в языковой практике? Как известно, в процессе аббревиации существует тенденция уплотнить в единый смысл целую массу сведений о явлении, предмете, не оставляя при этом места для каких-то дополнительных семантических признаков. И поэтому, вероятно, иными словами, не употребленными в образующем аббревиатуру словосочетании, невозможно назвать данное понятие: не осталось места для синонимов. Речь, естественно, не идет о

классификационных вариантах и об исходных словосочетаниях, которые, как и синонимы, в контексте выполняют функцию замещения, однако соответствуют формуле $\Phi(A) \subset \Phi(B)$, $C(A) = C(B)$. При аббревиации нет и словообразовательного супплетивизма, что также способствует отсутствию упомянутых отношений.

2) Исключаются примеры одного слова, т. е. невозможно $\Phi(A) = \Phi(B)$, $C(A) = C(B)$.

3) $\Phi(A) \cup \Phi(B)$, $C(A) \cup C(B)$ соответствует примеру двух совершенно разных слов (эсэр — общепит, РКМ—ГУМ, Моссовет—Главуголь).

Сложносокращенные слова всегда являются в полном смысле омонимами, если $C(A) \cup C(B)$, т. е. означаемые не имеют общей смысловой части. Это отношения, моделируемые формулами А1, А2, А3. Всякое другое формальное совпадение, таким образом, не может быть названо омонимией. Характерными в этом отношении являются примеры смыслового пересечения. В отличие от смыслового совпадения (синонимия) и отсутствия общей части смысла (омонимия) они моделируют, как правило, отношения полисемии. Напр.: $\Phi(A) = \Phi(B)$, $C(A) \cap C(B)$ — НКП (Народный комиссариат просвещения, Народный комиссариат путей (сообщения)); МЕ (Международная единица, Массовая единица).

Анализ взаимосвязей между аббревиатурами позволяет намного углубить познание относительно оригинального разряда лексики — сложносокращенных слов. Не меньший интерес представляют собой отношения аббревиатур как со всем исходным словосочетанием, так и с каждым его компонентом. Любопытно, например, что, совпадая со словосочетанием по смыслу, сокращение всегда находится с ним в отношениях вложения или пересечения. Со словом же (элементом производящего словосочетания) эти отношения ограничены единственно пересечением.

Аббревиатуры — специфические образования, сочетающие в себе признаки и отдельных слов, и словосочетаний. Это положение относится как к фактам их двуформленности, так и к далеко не полной их идиоматизации. Хотим мы того или не хотим, произнося аббревиатуру, чаще всего мысленно апеллируем почти ко всему сочетанию слов, на основе которого образовано сокращение. Характерными в этом отношении являются примеры сокращений с непрочно усвоенным родом, определяемым и по смыслу, и по структуре сокращения (то есть по стержневому слову расшифровки) одновременно. В «Словаре сокращений русского языка» (М., 1977) как раз отмечается большое количество аббревиатур, для определения рода которых требуется полное исходное словосочетание. Но не менее обширна группа аббревиатур, которые очень близки к полной идиоматизации. Они лексически и фонетически оформлены, от них образуются новые слова, именно они чаще образуют продуктивные модели формально-смысловых отношений.

Следовательно, аббревиатура — и слово русского языка, и (в то же время) «комплекс слов». Тем более важно выяснить взаимосвязи аббревиатур между собой, отношения их к другим слоям лексики. Думается также, что с позиции формально-смысловых отношений может быть проведен наиболее результативный анализ сложных явлений омонимии, полисемии и т. п. И самое главное — такой анализ позволит сделать важные выводы для области более обширной, чем категория сложносокращенных слов.

ШТЕФАН МУРГА (ЧССР)

СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКИХ И СЛОВАЦКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ *пять/pät' — тысяча/tisic*

В предыдущей публикации¹ кратко были охарактеризованы числительные *два, три, четыре* в русском и словацком языках. Остановимся на числительных *пять/pät' — тысяча/tisic*². Названия, входящие в состав первого десятка, в обоих языках очень близкие и похожие. Слова

шесть/šest' совпадают полностью как по произношению, так и по написанию. Словацкое *sedem*, по сравнению с русским *семь*, имеет расширенную основу, а у числительного *восемь* в словацком языке нет начального *v* — *osem*. В словах *пять*/päť', *девять*/devät' наблюдаются разные гласные *ä* (широкое *e*), хотя в произношении разница не так уж значительна. Слова *десять*/desat' отличаются мягким и твердым *c'/s*.

Больше отличий в образовании названий второго десятка. *Одиннадцать*/jedenást' — *девятнадцать*/devätnást' образованы от количественных числительных *один*/jeden — *девять*/devät' при помощи суффиксоида *-надцать* в русском и *-nást'* — в словацком языке, которые восходят к праславянскому па *desęte*. Если в русском языке первая часть слова *двенадцать* женского рода, то в словацком языке она мужского рода — *dvanást'*. При образовании *четырнадцать* выпал конечный гласный первого компонента «е» (четыре), а в словацком *štrnást'* — оба гласных (*štyri*). Остальные числительные второго десятка образованы одинаково. В словах *двадцать*/dvadsat', *тридцать*/tridsat' вторая часть в русском языке *-цать*, ей соответствует словацкое *-dsat'*. Так же образовано в словацком языке и *štyridsat'*. В русском языке для обозначения «40» есть отдельное слово *сорок*.

Числительные *пятьдесят*/päťdesiat — *восемьдесят*/osemdesiat образованы одинаковым способом, т. е. при помощи *пять*/päť' — *восемь*/osem и второй части *-десят* в русском и *-desiat* в словацком языке, например, *семьдесят* — *sedemdesiat*. В словацком языке так же образовано и *devät'desiat*, а в русском для обозначения «90» имеется особое слово *девяносто*.

Сто/sto в обоих языках совпадают полностью. Остальные названия сотен более разнообразные в русском, чем в словацком языке. В русском языке их вторая часть имеет формы *-сти* (200), *-ста* (300, 400), *-сот* (остальные), а в словацком все названия сотен имеют второй компонент *-sto*. Таким образом, названиям русских сотен соответствуют словацкие: *dvesto*, *tristo*, *pät'sto* и т. д.

Из слов *тысяча*, *миллион*, *миллиард* слово *миллион*/milión в обоих языках мужского рода, а другие отличаются по роду: *тысяча* (ж. р.), — *tisíc* (м. р.), *миллиард* (м. р.) — *miliarda* (ж. р.).

В русском языке составные числительные состоят из отдельных слов и при их образовании соблюдается строгий порядок следования от названий высших к названиям низшим, т. е. слева направо: тысячи, сотни, десятки, единицы. Словацкие составные числительные, состоящие только из десятков и единиц, образуются двояким способом. В первом случае сначала стоят десятки, а после них единицы: *dvadsat'jeden*, *tridsat'päť'* и т. п. Числительные, образованные таким способом, более употребительны. Во втором случае в составных числительных десятки и единицы расположены в обратном порядке, т. е. сначала стоят единицы, а после них десятки, присоединяемые союзом *a*: *jedenadvadsat'*, *pät'atridsat'* и т. п. Числительные такого рода употребляются реже. Интересно, что по нормам русского правописания составные числительные пишутся только раздельно, а в словацком языке они пишутся вместе или же отделяются тысячи и сотни, особенно в обозначении больших чисел. В летосчислении в словацком языке обычно употребляются количественные, реже порядковые числительные.

В словацком языке, в отличие от русского, в котором сочетаются с числительными пять и выше существительные всех родов, в прямых падежах существует также особая лично-мужская форма (например: *dva ja*, *traja*, *štyria*, *piati*, *desiati*, *pät'desiati*), с которой могут сочетаться названия лиц мужского рода: *piati vojaci*.

Склонение русских и словацких числительных *пять*/päť' и выше имеет ряд специфических особенностей. В рамках первой сотни в русском языке можно выделить четыре группы: склонение 5—20 и 30, 40, 90, 100, 50—80, 21—29 и т. д. В словацком языке по образцу *pät'* склоняются числительные от *pät'* до *devät'desiatdevät'*, кроме тех, которые оканчи-

ваются на -jeden: И. päť, piati; Р. piatich; Д. piatim; В. päť, piatich; Т. piatimi; П. piatich.

Особую группу составляют числительные, образованные со словом -jeden: dvadsaťjeden, päťdesiatjeden и т. д., которые вообще не склоняются, а склоняется только название считаемого предмета, который в прямых падежах имеет форму родительного падежа множественного числа: dvadsaťjeden pionierov, miest. Другая форма этих числительных или не склоняется, или склоняется как päť. Например: jedenadvadsiatim pionierom.

При склонении päť наблюдается качественная альтернатива коренного гласного ä в основной форме с ia в остальных падежах. Такая же альтернатива e/ie, o/ô, ä/ia возникает и при склонении других числительных, изменяемых по образцу päť. Например: sedem — siedmi, desať — desiaty и т. д.

Числительные dvadsaťdva, dvadsaťpäť не склоняются: dvadsaťpäť pracovníkom и т. д. или же склоняются обе части: dvadsiatich piatich pracovníkov, miest. При склонении названий русских десятков *пятьдесят* — *восемьдесят* склоняются обе составные части, в словацком же все слово изменяется как одно целое: päťdesiat, päťdesiatich, päťdesiatim.

Русские *сто*, *сорок*, *девятьсто* имеют две падежные формы (*сто-ста* и т. п.). В словацком языке *sto*, если стоит самостоятельно, или не склоняется, или же склоняется по образцу *mesto*. Если числительное *sto* (и в сложных словах) стоит при имени существительном, оно не склоняется: *sto, päťsto robotníkom*. В русских названиях сотен склоняются обе части, а в словацком языке *dvesto* — *deväťsto* не склоняются.

Слово *тысяча* в русском языке изменяется по образцу существительного *туча*, в творительном падеже, кроме формы *тысячей* имеет также вариант *тысячью*. Словацкое *tisíc* если стоит самостоятельно, то склоняется по образцу *stroj* (м. р.), но если определяет существительное, то или не склоняется, или же, реже, склоняется как числительное *piati*, например, *tisícim ľudom*. Слово *миллион/milión* в русском и словацком языках мужского рода и склоняется по образцу *завод/závod*.

Особенности структуры склонения и употребления числительных в русском и словацком языках выработались исторически в процессе становления числительных особой частью речи³. Эти особенности необходимо учитывать при обучении словаков русскому языку.

¹ См.: Мурга Ш. Числительные два, три, четыре в русском и словацком языках. В сб.: Тыпалогія славянскіх моў і ўзаемадзейне славянскіх літаратур.— Мінск, 1977.

² Morfológia slovenského jazyka.— Bratislava, 1966; Ondrus P. Číslovky v súčasnej spisovnej slovenčine.— Bratislava, 1969.

³ Супрун А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи.— Минск, 1969.

В. И. БУГЛАК

К ВОПРОСУ О ДЛИТЕЛЬНОСТИ НЕКОТОРЫХ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ

Исходя из предположения, что акустическая характеристика отдельного согласного и того же согласного в консонансе различна, основной задачей исследования явилось выявление модификаций длительности согласных в консонансе и консонанса в целом в зависимости от: 1) числа составляющих; 2) позиции консонанса во фразе (начальной, конечной). Далее предполагалось, что наличие изменений длительности в консонансе и его составляющих может повлиять на временные характеристики других участков высказывания. В связи с этим мы учитывали также длительность предшествующей гласной и частей фразы, находящихся в препозиции и постпозиции по отношению к консонансу.

Подбор экспериментального материала проводился с учетом ряда просодических факторов¹. Исследовались следующие консонансы: -п,

-nd, -ndl, -ndlz, -stl, -ndld, -nt, -ntl, -ntlz, -ns, -nsl, -nslz, -nslld, -η, -ηk, -ηkl, -p, -ηklz, -ηkld, -ηgl, -ηglz, -ηgld, -m, -mp, -mpl, -mplz, -mplld, -mbl, -mblz, -mblld, -k, -ks, -ksθ, -ksθs, -kst, -ksts, -ksl, -kslz, -s, -ksld, -st, -sylvz, -ps, -psl, -pslz. Ранее отобранные из произносительного словаря Д. Джозунза (под редакцией Г. Гимсона) слова, имеющие от одного до четырех указанных согласных в конечной позиции, т. е. структуры C_1 , C_1C_2 , $C_1C_2C_3$, $C_1C_2C_3C_4$, и составленные с ними фразы, предъявленные в случайном порядке, были начитаны в безэховой камере тремя дикторами-англичанами, носителями южноанглийского литературного произношения.

Следует привести несколько примеров: I. 1) A wren, a rent, a rental, rentals. 2) A bun, a bund, a bundle, bundles, bundled. II. A. 1) I see his wren. I see his rent. I see his rental. I see his rentals. 2) I see his bun. I see his bund. I see his bundle. I see his bundles. I see it's bundled.

Б. 1) The wren is good. The rent is good. The rental is good. The rentals are good. 2) The bun is good. The bund is good. The bundle is good. The bundles are good. It's bundled again.

Предварительно экспериментальный материал проверялся информантами с точки зрения соответствия языковой норме. Экспериментальный материал начитывался с интонацией законченного повествования. Главное (логическое) ударение локализовалось на гласном слова с анализируемым консонансом. Весь материал (702 высказывания) был подвергнут электроакустическому анализу на интонографе И-73.

После снятия интонограмм, их расшифровки и сегментации были вычислены следующие временные параметры (в абсолютных единицах-мсек): 1) общая длительность высказывания; 2) среднезвуковая длительность высказывания; 3) длительность консонанса; 4) длительность каждого согласного в консонансе; 5) длительность предшествующей гласной; 6) длительность предшествующей и следующей за консонансом частей фразы. Дальнейшая обработка данных проводилась в относительных единицах. Известно, что нормирование абсолютных значений необходимо для устранения влияния индивидуальных темповых различий, что делает корректным сопоставление исследуемых характеристик. За единицу нормирования была принята среднезвуковая длительность высказывания.

Анализ значений длительности консонансов и их составляющих, предшествующих гласных и частей фраз, находящихся в препозиции и постпозиции по отношению к консонансам (в абсолютных и относительных единицах), подтвердил гипотезу о закономерности изменений длительности указанных речевых отрезков в зависимости от позиции во фразе и количества согласных консонанса, а именно: 1) Длительность консонанса с увеличением числа составляющих увеличивается. (Здесь и далее имеются в виду изменения длительности в изолированно произнесенных тремя дикторами словами и фразами применительно к конечной и начальной позициям); 2) Длительность согласных C_1 , C_2 , C_3 при наращении консонанса уменьшается. Исключение составляет длительность плавного фрикативного [l] в качестве C_3 у второго диктора (жен.). Это обусловлено, по-видимому, наличием гласной вставки перед сонантом. Исследования Л. В. Златоустовой, Г. М. Богомазова и др.² показывают, что гласная вставка в положении между смычным шумным и плавным сонантом в консонансах ряда языков, в особенности перед другим согласным, играет особую роль при слогоделении и может рассматриваться как признак реализации побочной слоговости; 3) Длительность консонанса и согласных в начальной позиции меньше длительности тех же звуковых отрезков в словах и исходе фразы; 4) Длительность [z] в качестве C_4 больше длительности [d] в тех же условиях при одинаковых C_1 , C_2 , C_3 , что обусловлено собственной длительностью этих согласных; 5) Длительность предшествующей гласной уменьшается при наращении консонанса; 6) Длительность частей фраз, находящихся в препозиции по отношению к консонансу, колеблется от 55 до 36% (относительно дли-

тельности всего высказывания) при наращении консонанса и уменьшается с добавлением C_2 и C_3 . При увеличении консонанса до четырех согласных эта закономерность не прослеживается; 7) Длительность частей фраз, находящихся в постпозиции по отношению к консонансу, варьирует в пределах от 44 до 21% при увеличении числа составляющих консонанс и уменьшается с добавлением C_4 , чего не наблюдается при увеличении консонанса до двух и трех согласных.

Исследования временных характеристик сегментного состава слога и фонетического слова в потоке речи Л. А. Чистович и др., И. Лехисте, Р. К. Потаповой, А. А. Метлюк и Т. Баймаханова³ указывают на наличие значимой зависимости по длительности между всеми сегментами, составляющими слог либо фонетическое слово. При этом, чем сложнее структура, тем выше организация ее временных связей. Так, при определении временной корреляции на уровне гласных сегментов в рамках фразы Р. К. Потапова⁴ указывает, что «...мы имеем дело не с временной организацией низшего уровня, непосредственно связанной с эффектом коартикуляции, а с временной организацией, связанной в большей степени с реализацией гласных по определенной временной программе более сложного целого высказывания».

Логично предположить, что закономерное уменьшение длительности предшествующей консонансу части фразы при добавлении C_4 препятствует уменьшению таковой части высказывания, находящейся в постпозиции по отношению к консонансу, и наоборот, т. е. имеет место временная компенсация. Разумеется, для подтверждения данного явления требуется более широкий эксперимент.

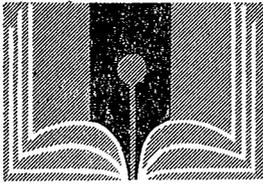
На основании проведенного экспериментально-фонетического исследования представляется возможным констатировать наличие значимых временных связей между исследуемыми сегментами. При наращении консонанса длительность последнего возрастает, а длительность согласных, составляющих консонанс, уменьшается. Увеличение числа составляющих консонанс влияет на длительность предшествующей гласной в сторону ее уменьшения. Наличие временной зависимости между вышеуказанными сегментами присуще таковым как в изолированно произнесенных словах, так и в тех же словах во фразах в начальной и конечной позициях, причем значения длительности одинаковых сегментов уменьшаются в следующей последовательности: слова — исход фразы — начало фразы.

¹ См.: Блохина Л. П., Потапова Р. К. Просодические характеристики речи.— М., 1970; Их же. Просодические факторы при подборе экспериментального материала в интонационных исследованиях.— В сб.: Экспериментальная фонетика.— Минск, 1971.

² См.: Златоустова Л. В. Фонетическая структура слова в потоке речи.— Казань, 1962; Богомазов Г. М. и др. О некоторых акустических свойствах несмысленных согласных в позиции перед другими согласными.— В сб.: Анализ и синтез как взаимообусловленные методы экспериментально-фонетических исследований речи.— Минск, 1972.

³ См.: Чистович Л. А. и др. Речь, артикуляция и восприятие.— М.—Л., 1965; I. Lehiste. Temporal Organisation of Spoken Language, сб. Form and Substance, Copenhagen, 1971; Потапова Р. К. Some Timing Characteristics of Spoken Russian. Speech Communication Seminar, Stockholm, vol. 2, 1974; Потапова Р. К. On the Nature of Temporal Dependence Between the Elements of the Utterance. Abstracts of Papers. 8th Intern. Congress of Phon. Scien., Leeds, 1975; Метлюк А. А., Баймаханов Т. О временной характеристике слогов английского языка.— В сб.: Романо-германская и славянская филология.— Минск, 1975.

⁴ Потапова Р. К. К типологии временной организации речи в германских языках.— Вопросы языкознания, 1977, № 1, с. 41.

А. М. ЛИТВИН

ЛИСТОВКИ ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ В БОРЬБЕ С ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ

В годы Великой Отечественной войны Коммунистическая партия в руководстве всенародным партизанским движением широко использовала богатый опыт партийного подполья дооктябрьского периода и, в частности, опыт издания и распространения листовок, прокламаций, воззваний. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о том, что «такой род литературы, как прокламации, ничем не заменим и всегда будет безусловно нужен»¹, Центральный Комитет КП(б)Б уже в первый день войны принял постановление, которым обязал печатать немедленно включиться в работу по разоблачению вероломных действий гитлеровской Германии и мобилизации советских людей на отпор врагу. Отделу пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б было поручено обеспечить издание листовок, плакатов и лозунгов, обращенных к населению Белоруссии и солдатам немецкой армии².

В 1941—1942 годах на оккупированной территории Белоруссии не было еще организовано систематическое издание подпольной литературы. В основном в этот период печатные издания в виде газет и листовок засылались во вражеский тыл различными путями через линию фронта. В июле—августе 1941 года были распространены десятки названий листовок и обращений к населению Белоруссии с призывом подниматься на борьбу против захватчиков.

С первых дней войны широкие размеры приняло издание листовок, обращенных к солдатам гитлеровской армии. 13 и 19 июля 1941 года были выпущены две листовки и обращения к немецким и австрийским солдатам, в которых говорилось об авантюрных замыслах гитлеровского командования, а также содержались призывы повернуть оружие против фашистов, переходить на сторону Красной Армии. Впоследствии подпольными партийными органами Белоруссии от имени партизан выпускались листовки-обращения к итальянцам, венграм, а также к полякам, югославам, чехам, словакам, голландцам, бельгийцам, французам и солдатам других национальностей, которые были насильно мобилизованы в гитлеровскую армию.

В 1942 году, исключая январь, ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ издано и переправлено в тыл врага 120 листовок общим тиражом 13 млн. 173 тыс. экземпляров на белорусском, русском и немецком языках³. По состоянию на июнь 1943 года отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б издано и отправлено в оккупированные районы Белоруссии 20199 тыс. экземпляров листовок, 2632 тыс. газет, 601 тыс. плакатов, 1495 тыс. брошюр, журналов и книг⁴. Большой популярностью в тылу врага пользовалась также издаваемая ГлавПУРККА газета-листочка под названием «Вести с Советской Родины». Всего за годы войны было выпущено 682 номера этой газеты-листочка, из них 94 номера тиражом более 18,5 млн. экземпляров на белорусском языке⁵.

Активное участие в издании и распространении листовок принимали комсомольские организации республики. За годы войны Центральным Комитетом ЛКСМБ издано для молодежи 63 листовки и 2 плаката тиражом более 3,5 млн. экземпляров⁶.

Формы распространения листовочной печати были чрезвычайно многооб-

разны. Для населения и партизан оккупированных районов эту печать доставляли в основном самолетами. Только с 26 марта по 23 апреля 1942 года авиацией в партизанские отряды Витебской области было доставлено около 1,5 млн. газет и листовок, а в течение 1942 года авиация Калининского фронта доставила партизанским отрядам Белоруссии свыше 35 млн. экземпляров листовок, изданных Главным политическим управлением Красной Армии ⁷. Кроме этого, листовки и газеты доставлялись группами и партизанскими отрядами, направленными в тыл врага, связными, райкомами КП(б)Б, через специально организованную сеть распространителей.

Несмотря на то, что газеты и листовки выпускались и забрасывались в тыл врага в огромном количестве, спрос на них не удовлетворялся. Нередко литература, предназначенная для отправки в тыл врага, залеживалась на складах. Кроме того, издаваемые в советском тылу листовки не могли достаточно оперативно реагировать на события, которые происходили на оккупированной территории. Для более полного снабжения населения советской печатью необходимо было создать сеть подпольной партийной печати на оккупированной территории. С этой задачей подпольные партийные органы справились с честью.

Уже с самых первых дней войны в оккупированных городах и селах БССР стали появляться машинописные и рукописные листовки. Появление этих листовок, написанных и распространяемых коммунистами, комсомольцами, беспартийными патриотами, вызывалось стремлением рассказать народу правду о положении на фронтах, раскрыть глаза на оккупационные мероприятия захватчиков, подкачать, предостеречь, а также вооружить конкретной программой действий.

Оккупанты, установив режим террора и насилия, в то же время развернули широкое идеологическое наступление, пропагандистскую обработку советских людей. Ежедневно по радио, в газетах, листовках, объявлениях распространялась клевета на Советскую власть, Коммунистическую партию, на Красную Армию. Оставшиеся в тылу врага коммунисты, комсомольцы, советские патриоты разоблачали лживую фашистскую пропаганду и с помощью листовок.

16 августа 1941 года секретарями Минского подпольного обкома партии В. И. Козловым и И. А. Бельским для информации в ЦК КП(б)Б был послан С. Н. Петрович. В архивах сохранилась его докладная записка. «Немцы в своих приказах и объявлениях пишут, что уже заняты Москва, Ленинград, Киев, а мы, имея у себя в отряде радиоприемник, сообщаем народу действительное положение на фронте». Далее С. Н. Петрович подчеркивал, что партизанами вывезены из Старобина две типографские машины и одна из них находится в отряде, имеются также шрифты и бумага. Отрядом выпускаются листовки к населению. «Выпустили тиражом 3000 экз. речь т. Сталина по радио от 3 июля с. г., и после этого три раза выпускали листовки агитационного характера, два раза размножали газету «За Советскую Белоруссию», которую уже сбрасывали с самолета» ⁸.

С первых дней войны листовки появились и в городах. В том числе и в тех, где не удалось оставить подпольные партийные органы. Так, в июле — августе в оккупированном Минске советские патриоты организовывали на местах нелегальные слушания московских радиопередач, прием, размножение от руки и на пишущих машинках сводок Совинформбюро. Одним из первых у себя дома, на улице Чернышевского, 11, установил радиоприемник и стал принимать сводки журналист В. С. Омелянюк. Он также организовал выпуск и распространение листовок ⁹. Прием передач московского радио и распространение листовок организовали также подпольщики Н. И. Зехов, Г. М. Семенов, К. Д. Григорьев, И. П. Казинец, В. К. Никифоров, В. И. Ничипорович.

На первом заседании допарткома 15 декабря 1941 года было принято решение: «Выпустить первую листовку 25 декабря с материалом — итоги войны за пять месяцев и обращение к матерям о сохранении детей — как молодого поколения Советской Белоруссии» ¹⁰.

Для более широкого выпуска листовок партийное подполье принимало меры к созданию тайных типографий. Благодаря усилиям городского партийного комитета в декабре 1941 года в подвале бывшего клуба Осоавиахима (ул. Островского, 7) была создана нелегальная типография, которой руководил коммунист М. Б. Чипчин. В этой типографии и был налажен выпуск листовок под названием «Вестник Родины». О размахе работы типографии свидетельствует сообщение немецкой полиции безопасности и СД из занятых восточных областей № 2 от 8 мая 1942 года: «Типография

постоянно выполняла также поручения партизанских групп, находившихся вне Минска. По известным до настоящего времени сведениям, партизанам было доставлено около 3 тысяч листовок»¹¹. Смастерив примитивный шапирограф, члены подпольной группы А. А. Маркевича в декабре 1941 года наладили регулярный выпуск листовок, а с января 1942 года — подпольной газеты «Патриот Родины». По свидетельству бывшего редактора газеты «Минский большевик» А. Д. Сакевича, газеты и листовки в Минске распространяли подпольные группы 79 промышленных предприятий и учреждений города.

Вскоре после оккупации Белоруссии рукописные листовки стали появляться в Гомеле, Могилеве, Бресте, Витебске, Борисове, Бобруйске и многих других городах. Осенью 1941 года в оккупированном Гомеле уже на следующий день после того, как гитлеровцы объявили о разгроме Красной Армии и захвате Москвы и Ленинграда, появились листовки, в которых говорилось об истинном положении на фронте. Комсомолец-подпольщик из Могилева Леонид Лорченко не только размножал от руки сводки Совинформбюро и листовки, но и умело распространял их: расклеивал на видных местах, на стенах лестничных клеток, опускал в почтовые ящики, раздавал прохожим. Только подпольные комсомольские организации и группы Витебска за период с октября 1942 года по июль 1943 года расклеили и распространили свыше трех с половиной тысяч экземпляров советских газет, листовок, сводок Совинформбюро¹².

Чтобы ослабить воздействие коммунистической пропаганды, фашисты прибегали к различным ухищрениям: набирали свои газеты под формат газет «Правда», «Савецкая Беларусь», выпускали свои листовки под видом наших и т. д., а выходящая в Витебске фашистская газета «Новый путь» периодически публиковала статьи под рубрикой «Большевистские листовки», объявляя их лживыми, и требовала под угрозой смерти сдавать найденные листовки властям. Однако никакие меры оккупантов не могли помешать появлению большевистской листковой печати. Для издания листовок в тылу врага использовалась любая бумага, которая была под руками. Листовки печатались, писались и переписывались от руки на оберточной, папирсной бумаге, обоях, а также на немецких документах, пропусках, картах. А при отсутствии бумаги использовался любой материал, который мог ее заменить. Так, в фондах ПА ИИП при ЦК КПБ хранится листовка брестского подпольного обкома партии, датированная июнем 1943 года и отпечатанная типографским способом на березовой коре.

Отличительной чертой листовок военных лет является их лаконичность, четкая политическая направленность, боевитость, конкретность, доходчивость языка, относительно малые затраты на выпуск, несложность издания и, особенно важно, распространения. Эти качества, присущие листковой печати, с первых дней войны учитывались Коммунистической партией и делали ее важным средством оперативного руководства массами, подъема их на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Не случайно почти во всех мемуарах о борьбе белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков говорится о том, как советские патриоты, принимая радиопередачи, писали, переписывали и передавали из рук в руки листовки. Повсеместно листовки скупил, но ярким языком фактов несли в массы слова партии. Нередко они являлись единственным печатным словом, единственной восточной большевистской правды. В условиях подполья, глубокого тыла противника листовки были той формой партийной печати, которая давала возможность быстро отзываться на животрепещущие проблемы дня. С помощью листовок партийные организации укрепляли связи с населением, вовлекая его в единый поток борьбы против оккупантов, указывали пути и способы помощи Красной Армии в разгроме врага. Призывы партии, ее советы и рекомендации, которые излагались в листковой печати, воспринимались населением и партизанами как приказ Родины, поэтому мы можем рассматривать листовки не только как средство пропаганды и агитации, но и как организатора трудящихся на борьбу против оккупантов. Обращая на это внимание политических работников, начальник Центрального штаба партизанского движения первый секретарь ЦК КП(б)В П. К. Пономаренко на заседании 16 сентября 1942 года отмечал, что нужно очень тщательно продумать содержание листовок, так как каждая фраза в них — это директива¹³.

В зависимости от времени и обстановки партий ставились различные конкретные политические и боевые задачи по борьбе с оккупантами, которые находили отражение в листовках. Нередко в листовках партизан и

подпольщиков публиковались приказы Верховного Главнокомандующего, выступления руководителей партии и правительства, обращения подпольных партийных органов и отдельных партизанских командиров. Так, в обращении правительства БССР и ЦК КП(б)Б к белорусскому народу от 29 сентября 1943 года с призывом мобилизовать все средства на помощь наступающей Красной Армии говорилось: «Необходимо слить могучие удары всенародного партизанского движения с могучими ударами Красной Армии, которая несет освобождение белорусам»¹⁴.

Листовки партизан и подпольщиков призывали население саботировать распоряжения оккупационных властей, не сдавать хлеб, собирать и скрывать запасы продовольствия. «Товарищи! Не сдавайте фашистам цветных металлов — меди, латуни, серебра, никеля, цинка, олова и других отходов, прячьте и уничтожайте их, как только можете. Тем самым вы не дадите возможности фашистам создавать вооружение для уничтожения ваших братьев и сестер»¹⁵, — призывала рукописная листовка белорусских партизан в апреле 1942 года. Подпольные партийные, комсомольские комитеты и командование партизанских формирований через листовки призывали население вступать в партизанские отряды, создавать новые. Из 63 листовок, изданных за годы войны ЦК ЛКСМБ, 16 были направлены на срыв всех проводимых оккупантами мероприятий, 32 — на вовлечение молодежи в партизанские отряды, остальные носили информационный характер. В них рассказывалось о жизни советского тыла, о борьбе Красной Армии на фронтах и т. д.¹⁶ Характерной особенностью листовок военного времени было непосредственное обращение к определенным группам населения: рабочим, колхозникам, молодежи, интеллигенции, женщинам.

Особенно важное значение имели листовки в оперативном предупреждении населения в связи с насильственным увозом молодежи в Германию. Листовки предупреждали и предостерегали молодежь от этого рокового шага, подсказывали, как быть. Летом 1943 года подпольные партийные органы в своих листовках призывали народ всячески препятствовать захвату оккупантами урожая. «Помните, что борьба за хлеб, — говорилось в листовке Слуцкого РК КП(б)Б, выпущенной в августе 1943, — это борьба за жизнь, за победу над врагом. Не дать фашистским захватчикам хлеба, мяса и других продуктов — это значит подорвать их экономические ресурсы, подорвать их силу. Это значит помочь Красной Армии, партизанам освободить нашу Родину от фашистской нечисти»¹⁷.

Анализ советских листовок, выходящих в тылу врага, показывает, что они оперативно откликались на самые актуальные вопросы жизни и борьбы народа на оккупированной территории республики, парализовывали действие фашистской пропаганды, разоблачали провокации врага, поднимали народ на борьбу с захватчиками.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 271.

² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1214, л. 3.

³ Там же, ф. 750, оп. 1, д. 9, л. 1—16.

⁴ Там же, ф. 4, оп. 33а, д. 524, л. 156.

⁵ См.: Партия во главе народной борьбы в тылу врага. 1941—1944.— М., 1976, с. 112.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 17, д. 5, л. 44.

⁷ См.: Марцелев С. В. Печать Советской Белоруссии.— М., 1967, с. 281.

⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 66, л. 20.

⁹ См.: Подвиги их бессмертны.— Минск, 1978, с. 54.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 1, л. 6.

¹¹ Подвиги их бессмертны, с. 56.

¹² См.: Пахомов Н. И., Дорофеенко Н. И. Витебское подполье. Изд. 2.— Минск, 1974, с. 107.

¹³ См.: Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944).— М., 1971, с. 166.

¹⁴ Зборнік лістовак усенароднай партызанскай барацьбы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.— Мінск, 1950, с. 88.

¹⁵ Там же, с. 465.

¹⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 17, д. 5, л. 44.

¹⁷ Там же, ф. 4, оп. 33а, д. 267, л. 531.

ПРОБЛЕМНЫЙ ОЧЕРК КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЖАНРА

Смелая постановка и глубокое исследование острых проблем современности всегда было присуще советской печати. XXV съезд и последующие постановления ЦК КПСС заостряют внимание на повышении действенности печати и других средств массовой информации и пропаганды: «Партийные организации призваны осуществлять повседневное, конкретное руководство прессой, добиваться повышения идейного уровня и действенности ее выступлений»¹.

Одним из путей повышения боевитости печати, усиления ее воздействия на общественную жизнь представляется ее проблемность. В настоящее время тенденция к углублению проблемного начала наблюдается во всех жанрах публицистики. Этот процесс нашел отражение, в частности, в новом определении публицистики, предложенном Н. Грибачевым на VI съезде писателей СССР: «Остропроблемное обращение к общественности, массам в целях убеждения, разъяснения, полемики, агитации и пропаганды»². Здесь проблемность выступает как коренное, определяющее качество публицистики в целом.

Современный очерк стал не только первооткрывателем, серьезным исследователем новых проблем, но и советчиком в их практическом решении. Его основой все чаще становятся узловые проблемы экономики, науки, культуры, общественных отношений и т. д.

Проблема в очерке представляет своего рода логическую модель объективной проблемной ситуации, отраженной в творческом сознании журналиста; она фиксирует суть противоречия в сжатой, обобщенной форме. Вот как формулируется проблема в очерке А. Злобина «Генеральный директор»: «Сколько книг можно было бы напечатать на бумаге из этого леса, который приходит на завод, а потом пропадает без следа»³. В формуле-предложении выражено противоречие между сложившейся на заводе практикой нерационального использования леса и возможной выгодной его реализацией. То, что приведенное высказывание — не просто момент авторских рассуждений, а постановка проблемы, подчеркнуто и предшествующим ему предложением: «Вот и досталась мне первая проблема...» Совсем иначе поставлена проблема в очерке В. Аграновского «Остановите Малахова». Она названа просто «проблема преступности». В этой фразе не зафиксировано противоречие, что, однако, не означает его отсутствия. Одно предельно общее определение охватывает целый комплекс противоречий. И раскрытие «проблемы преступности» идет по пути выявления ряда частных конфликтов. Так, например, В. Аграновский выявляет разрыв между Малаховыми и нормальными семьями, где отношения строятся на уважении и любви между подростком и его родными и т. д.⁴

Но в проблеме не только фиксируется противоречие. Сама ее постановка обязательно включает задачу разрешения и снятия проблемной ситуации. «Уже в понятие проблемы входит момент долженствования, который направляет весь процесс исследования»⁵. Поскольку проблема очерка фиксирует противоречие между желаемым, должным — с одной стороны, и действительным — с другой, то в самой ее постановке определена цель — достичь того, как должно быть. На это и направлен процесс исследования в проблемном очерке.

Именно «момент долженствования», который включает проблема, делает ее постановку неотделимой от активного действия. Поэтому проблема осознается как задача, побуждающая человека не только исследовать, но и искать ее практического решения. В связи с этим небезынтересно толкование проблемы, которое дается в психологии: «Проблема» возникает тогда, когда у живого существа есть какая-либо цель и оно «не знает», как эту цель достигнуть... Мышление должно наметить ведущее к цели действие прежде, чем это действие будет выполнено»⁶. В определении подчеркнута активизирующая роль проблемы. Отмечается также, что постановка проблемы тесно связана с выяснением путей и способов ее разрешения. Она предполагает решение вопроса: как, каким образом можно достичь цели.

Проблемный очерк отличается прежде всего тем, что в нем отражена «ситуация разрыва»⁷, противоречие между тем, что есть, и тем, что должно быть. В проблемном очерке существует два противоположных мнения, две точки отсчета, что является предпосылкой его полемической заострен-

ности при постановке, обсуждении, анализе проблемы, а также поиске путей и способов ее решения. Однако все эти связанные с проблемой действия, как правило, не происходят в рамках одного очерка. Единичное произведение смещено либо к постановке проблемы, исследованию ее причин, либо к рассмотрению противоположных точек зрения, возможных путей снятия противоречия. От того, на чем преимущественно сосредоточился публицист (а равно и от авторской манеры письма), зависит тип проблемного очерка — будет ли это близкий статье последовательный анализ корней противоречия и путей его устранения, или близкое художественной литературе столкновение характеров, отстаивающих противоположные точки зрения.

Примером первого может служить «Жигулевский образец» С. Богатко⁸. Очеркист видит проблему в том, что четкий и слаженный ритм работы Волжского автозавода часто висит на волоске из-за нечеткости, нестабильности работы заводов-поставщиков. В проблеме фиксируется ситуация «разрыва» между прогрессивной организацией производства и управления на ВАЗе и устаревшей — на ряде других заводов отрасли. Цель, которая заложена в поставленной проблеме, — ликвидировать «островное» положение ВАЗа, поднять другие предприятия отрасли до уровня «жигулевского образца». Это устранил противоречие, а значит и решит проблему. Но каков способ ее решения?

Отвечая на вопрос, как, каким образом достигнуть цели, автор исходит из того, что ВАЗ призван «служить университетом для отрасли», так как «то прогрессивное, что используется по частям на разных предприятиях страны», здесь «применено в комплексе». Внедрение вазовской системы на всех заводах автомобильной промышленности — вот путь, который предлагает очеркист для решения поставленной проблемы. Сам он принимает активное участие в распространении опыта ВАЗа. В очерке подробно описывается структура управления, работы функциональных служб, организация учебы, условия оплаты труда на Волжском автозаводе. Причем каждая грань вазовской системы описывается в сопоставлении с устаревшими, но все еще применяемыми на других заводах аналогами. Таким образом, проблема очерка конкретизируется в ряде более частных противоречий между новым, прогрессивным и старым. Анализ положительного опыта по контрасту с устаревшим, отжившим более убедительно доказывает преимущества первого и служит его быстрейшему распространению.

Так разворачивается очерк «Жигулевский образец». Он построен как открытое публицистическое исследование проблемы и путей ее решения, по стилю близок статье. Это «очерк одной публицистической мысли», в котором «личность самого пишущего становится единственным «героем»⁹. Исследование проблемы в отрыве от личности оправдано, по мнению Е. Богата и А. Рубнова, тем, что проблема касается, как правило, не одного, а многих людей, и по-настоящему раскрыть ее можно, опираясь на опыт не одного человека, а лишь на более объективный, коллективный опыт. Такой очерк требует от журналиста компетентности при рассмотрении проблемы, а также знания социологии, оставляя психологию тем традиционным видам очерка, в центре которых стоит человек. «Перевес социологии над литературой», «ставку на логическое убеждение читателя и подчинение этой цели всех средств интеллектуального и эмоционального воздействия» как отличительные черты проблемного очерка отмечает также М. Е. Тикоцкий¹⁰ и некоторые другие авторы. Данная характеристика совершенно справедлива, но, на наш взгляд, относится только к одному типу проблемных очерков и не исчерпывает всего их многообразия.

Обратимся к очерковой книге А. Борина «Житейская логика»¹¹. Проблема, общая для всех ее очерков, заключается в том, что «здравый смысл», устоявшееся житейское правило, оберегающее от напрасных ошибок в обыденной жизни, оказывается серьезным тормозом, когда им руководствуются в решении сложных задач науки и производства, выдвигаемых научно-технической революцией. В одном очерке следование правилам житейской логики оборачивается отходом от принципиальности во имя удобства и спокойствия, в другом — узостью, «профессиональной слепотой». Проблема раскрывается здесь не путем публицистического анализа статистических данных (как в очерке «Жигулевский образец» С. Богатко), а через конфликт персонажей. Такой очерк развивается под воздействием конфликта характеров, а не публицистически прямо выраженной мысли. Автор-публицист оставляет за собой лишь право на оценку, резюме. Этот тип проблемного очерка близок художественной литературе и, в частности,

драме, где столкновение характеров (драматический конфликт) движет действие.

Именно столкновение характеров позволяет с наибольшей объективностью и полнотой рассмотреть противоположные мнения по поводу того или иного вопроса. В свою очередь проблема является «пробным камнем» характера, той острой ситуацией, в которой ярко проявляются все качества личности. В отличие от очерка портретного, стремящегося запечатлеть своего героя в разнообразных жизненных ситуациях и в различные периоды жизни, проблемный очерк показывает человека в одном ракурсе — по отношению к проблеме.

Это мы наблюдаем в очерках А. Борина «Просим наказать презрением...», «Долг и чувство», а также «Польза», «Болото» и других. Интересна форма обрисовки характера и в проблемных очерках А. Злобина.

Раскрытие проблемы через драматический конфликт говорит о выраженном художественном начале названных очерков, тогда как очерки «одной публицистической мысли» демонстрируют преобладание публицистического компонента. При всем различии в способах подачи материала общим для обоих типов является наличие проблемы, фиксирующей противоречие между новым и старым, должным и действительным и заключающей задачу преодоления ситуации «разрыва».

Наличием проблемы обусловлены и структурные особенности очерка. Традиционно композицию очерка называют ассоциативной. Это значит, что в нем свободно сочетаются и живая сценка, и статистическая выкладка, и запомнившийся случай из жизни, и публицистическое наставление. А организуя началом, стержнем в ассоциативной композиции очерка является авторская мысль или идейное задание, которые определяют круг ассоциаций и их характер. Стержневая авторская идея может заключаться во всестороннем описании конкретной личности (портретный очерк), в описании впечатлений и размышлений, вызванных путешествием (путевой очерк). В проблемном же очерке единой задачей, а следовательно, и композиционным стержнем является исследование проблемы. И если в портретных или путевых очерках мы встречаемся с автором-рассказчиком или автором, углубляющимся в лирические раздумья, то проблемный очерк предполагает автора, обладающего аналитическим подходом к материалу. Аналитическая направленность, на наш взгляд, присуща обоим ранее рассмотренным типам проблемного очерка и, следовательно, означает не только тенденцию к преобладанию открыто публицистического авторского исследования. Аналитичность, пронизывающая любой проблемный очерк, проявляется прежде всего в том, что основным видом объединения отдельных сцен и деталей в нем становится не ассоциативная, а причинно-следственная связь.

Как следствие и причина соотносятся, прежде всего, проблема и соответствующее ей жизненное противоречие, «проблемная ситуация». Так, например, в одной из «современных сказок» А. Злобина «Сколько весит тонна?»¹² представлен парадоксальный, на первый взгляд, конфликт: инженер предложил проект, как уменьшить вес прокатного стана, и за это получил выговор от директора, как плохой патриот завода, ставящий «чужие» интересы выше кровных, заводских. Это противоречие является основой для постановки проблемы: необходимая государствену экономия металла невыгодна для завода (зафиксировано два полюса проблемной ситуации и их противоборство). Названная проблема — следствие обнаружившегося объективного противоречия. Выступая причиной по отношению к проблеме, ситуация «разрыва» сама является следствием каких-то причин. В рассматриваемом очерке инженер «Тяжмаша» (рассказчик, от имени которого все изложено) находит причину создавшихся обстоятельств в том, что план на его заводе дается в тоннах, и это заставляет бороться за вес, а не изделия. К ней инженер приходит, анализируя последовательный ряд тесно взаимосвязанных частных, поверхностных причин и постепенно подводя к главной, основной. Проблема как бы выстраивает все элементы повествования в причинно-следственную цепочку. Каждый из них соотнесен с проблемой, работает на ее раскрытие. Традиционные ассоциативные связи между элементами заменяются более тесными и детерминированными причинно-следственными связями внутри очерка.

Таким образом, если проблема становится стержнем очеркового произведения, она оказывает кардинальное влияние как на его содержание, так и на форму, образует новое единство содержания и формы — проблемный очерк, разновидность этого художественно-публицистического жанра.

Рассмотренные особенности проблемного очерка определяют и характер его воспитательного воздействия на читателя. Очерк, выявляющий диалектические противоречия жизни, заставляет и читателя углубиться в сущность «разрыва», формулирует на ее основе проблему, определяет ее социальную значимость, ее типичность или нетипичность для современной действительности. Важной в воспитательном плане чертой проблемного очерка представляется и его исследовательский пафос, обнажающий причинно-следственные отношения явлений. Предлагаемые автором аргументы вызывают поддержку или ответные, спорные аргументы. На соразмысленное, на спор и ориентируется проблемный очерк. Часто собеседник становится важным конструктивным элементом самого произведения, углубляя своими вопросами или возражениями исследование проблемы. Таковы, например, проблемные очерки А. Злобина из цикла «Современные сказки». Здесь собеседник присутствует отраженно, в монологе героя. И сам этот монолог возникает как бы в ответ на задаваемые вопросы. Проблемный очерк обращен к читателю деятельному, заинтересованному. Он практически вовлекает его в решение социально значимых проблем и этим способствует выработке активной жизненной позиции у каждого советского человека.

¹ Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976, с. 78.

² Литературная газета, 1976, 23 июня.

³ Знамя, 1978, № 1, с. 28.

⁴ См.: Комсомольская правда, 1974, 22—29 августа.

⁵ Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания.— М., 1973, с. 200.

⁶ Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления.— В сб.: Психология мышления.— М., 1965, с. 86.

⁷ Ученова В. В. Гносеологические проблемы публицистики.— М., 1971, с. 91.

⁸ Правда, 1977, 11, 12 декабря.

⁹ Богат Е., Рубинов А. Очерк об очерке.— В сб.: Газетные жанры.— М., 1976, с. 122, 123.

¹⁰ Цікоцкі М. Я. Стылістыка публіцыстычных жанраў.— Мінск, 1971, с. 127.

¹¹ Борин А. Житейская логика.— М., 1977.

¹² Литературная газета, 1975, 9 апреля.

В. В. ШАРПИЛО

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД ПЕЧАТИ К ОСВЕЩЕНИЮ СУЩНОСТИ И ФУНКЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Еще на заре Советской власти В. И. Ленин указывал, что только социализм «впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе»¹. И вот уже более чем шестидесятилетний опыт строительства нового общества, наше непрерывное восхождение по ступеням пятилеток к высотам современного прогресса убедительно подтверждают огромную роль социалистического соревнования в развитии экономики, формировании социальной активности, воспитании людей.

В оперативной пропаганде того нового, передового, что появляется в ходе соревнования, важную роль играет пресса, как один из мощных и влиятельных инструментов пропагандистского, агитационного и организационного воздействия на массы. Печать накопила немалый опыт освещения трудового соперничества. На научно-практической конференции в Вильнюсе справедливо отмечалось, что «пресса является своеобразными строительными лесами, с помощью которых партия поднимает соревнование на все новые и новые ступени»².

Творчество масс в десятой пятилетке приобретает все более комплексный характер, полнее проявляются и учитываются как количественные, так и качественные характеристики этого многогранного процесса. Все это требует и комплексного подхода печати к освещению проблем соревнования на страницах газет. В чем же он проявляется? Анализируя практику газет республики, в качестве первой важной черты отметим прежде всего учет печатной комплексного характера самого соревнования, в котором проявляется состязательность и соперничество, сотрудничество и взаимопомощь его участников. Во-вторых, отражение единства целей и направлений его функций (экономической, социальной, воспитательной), которые прочно

взаимодействуют друг с другом. «Чем полнее осуществляется экономическая роль соревнования, тем большее влияние оно оказывает на всю систему общественных отношений и развитие самого человека. В свою очередь, чем глубже воспитательное воздействие соревнования, тем значительнее его экономические и социальные результаты»³. В-третьих, систематическое изучение и всесторонний анализ журналистами многообразия современного процесса творчества масс. Стремление печати учитывать наличие благоприятных и неблагоприятных факторов, которые могут оказать существенное влияние на практику социалистического соревнования. В-четвертых, определение изданиями разного уровня, исходя из особенностей, главного, ключевого направления соревнования и освещение его присущими печати изобразительно-выразительными средствами. Реализация этих требований во многом зависит от координации деятельности газет соответствующими партийными комитетами. В-пятых, многообразие и последовательность воздействия печати на общественную практику соревнующихся специфическими средствами пропаганды, информации и публицистики; содействие реализации как количественных, так и качественных характеристик соревнования: от информирования участников газеты переходят к наиболее полному использованию своих организаторских функций. Наконец, общественный контроль редакций за эффективностью трудового соперничества, проверка функционирования всей системы социалистического соревнования, чтобы своевременно выявлять ее недостатки и вносить коррективы. Таким образом, комплексный подход печати к освещению социалистического соревнования характеризуется взаимодействием целого ряда тесно связанных элементов, обеспечивающих его целенаправленность, всесторонность и эффективность.

В. И. Ленин призывал превратить «прессу из органа сенсаций, из простого аппарата для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи — в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому»⁴. Осуществляя ленинское требование, печать стремится постоянно учитывать особенности столь сложной и многогранной темы. Определение соревнования как взаимоотношения людей в процессе труда, движущими силами которого являются состязание и сотрудничество⁵, имеет важное практическое значение для печати. Используя действенность печатного слова, можно дать простор для развития одной из сторон соревнования: либо соперничеству, либо отношениям взаимопомощи. И в том и в другом случае неизбежно снизится его эффективность.

До недавнего времени в периодической печати, как и в литературе по вопросам соревнования, упор делался на сотрудничество и взаимопомощь. На вторую же сторону — соперничество и состязательность — не обращалось достаточного внимания, а часто ее вообще игнорировали на том основании, что якобы соперничество, состязательность присущи лишь конкуренции. В последние годы эта точка зрения отвергнута и положение изменилось. Сущность социалистического соревнования раскрывается при анализе всех сторон и находит конкретное выражение в его функциях. Однако если сущность выражает основные постоянные связи, то функции направлены на решение конкретных задач в зависимости от этапа развития общества, являются детализированным отражением содержания.

Журналистам, пишущим на темы соревнования, очень важно постоянно учитывать эти особенности. Справедливо замечает В. Я. Романюк, что «когда мы рассматриваем в газетных публикациях социалистическое соревнование как рычаг построения коммунизма, как метод реализации преимуществ социалистического общества, то за основу берем не сущность, а функции»⁶. И суть здесь не в подмене понятий, которые сами по себе не могут оказать влияния на практику реализации функций соревнования в печати, а в том, чтобы полнее использовать многообразие возможностей прессы в осуществлении комплексного подхода к их освещению. Наиболее полно отражают содержание соревнования экономическая, социальная и воспитательная функции. Разумеется, каждая из них имеет самостоятельное значение; отличны и методы, с помощью которых печать содействует их эффективной реализации.

В последние годы утвердился взгляд на соревнование как экономическую категорию. Это положение получило отражение и на страницах республиканских газет. Сосредоточивая внимание организаторов соревнования на развитии и внедрении в жизнь начинаний передовиков, анализируя причины отставания отдельных трудовых коллективов, газеты «Звезда» и «Со-

ветская Белоруссия», «Заря» (Брест) и «Минская праўда», многие районные и многотиражные газеты осуществляют активный общественный контроль за ходом выполнения планов и социалистических обязательств, активно воздействуют на улучшение положения дел и тем самым раскрывают прежде всего экономическую функцию соревнования.

В большинстве случаев реализация экономического аспекта ведется квалифицированно, содержательно и принципиально. На тематических полосах регулярно публикуются сводки о ходе соревнования с обстоятельными комментариями специалистов, а в ряде случаев и отчеты руководителей отстающих коллективов. Газеты помогают партийным организациям закрепить и развить массовый политический и трудовой подъем, достигнутый в первые годы десятой пятилетки, многое делают для того, чтобы соединить живое творчество масс с главными направлениями экономической политики партии.

Таким образом, печать республики дает участникам соревнования четкое представление о рубежах и задачах, которые предстоит решать, раскрывает экономическое обоснование социалистических обязательств, всемерно развивает движение за разработку и выполнение личных и коллективных планов повышения производительности труда и качества работы, способствует превращению науки в непосредственную производительную силу. Успешное выполнение промышленностью намеченных рубежей — главный показатель эффективности реализации в печати экономической функции соревнования.

Успехи в развитии экономики непосредственно влияют на решение социальных проблем. Реализация в полной мере экономического аспекта соревнования объективно предполагает необходимость повышения квалификации соревнующихся, роста общего уровня их образования и культуры. Социальная функция соревнования направлена на повышение общественно-политической активности масс и прежде всего на расширение их участия в управлении производством, делами общества. «...Именно советская организация, — писал В. И. Ленин, — переходя от формального демократизма буржуазной республики к действительному участию трудящихся в управлении, впервые ставит широко соревнование»⁷.

В ряде материалов под рубриками «Человек. Коллектив. Общество» («Советская Белоруссия»), «Соревнование — дело творческое» («Звезда»), «Человек трудом славен» («Віцебскі рабочы»), «Партийное руководство соревнованием» («Минская праўда») газеты рассказывают о формировании социалистических нравственных принципов, высокой сознательности, чувства ответственности. Особое внимание журналисты обращают на то, как в процессе трудового соперничества человек осознает неразрывную связь личных интересов с общественными, учится принципиальности, умению ценить рабочую минуту, непримиримости к недостаткам. Все это, с одной стороны, способствует росту производства, с другой — всестороннему развитию активности личности.

Публикуя материалы о работе постоянно действующих производственных совещаний, общественных конструкторских бюро, постов качества и других общественных формирований, многотиражные газеты Минска («Трактор», «Интеграл», «Рабочее слово» и другие) прослеживают, как трудящиеся на практике осуществляют право управлять производством. При этом журналисты стремятся «докопаться» до мотивов, движущих человеком, поскольку именно они зачастую определяют социальную сущность поступка.

Сложность реализации социальной функции состоит в том, что она не имеет конкретных критериев оценки. Да и журналисты не всегда глубоко вникают в сущность процессов, происходящих в трудовых коллективах, не всегда осмысливают и анализируют социальные явления. Задача печати не только освещать, как человек варит сталь, вытачивает детали, возводит дома, но и как в трудовом процессе он строит себя, свои отношения с товарищами, формирует гражданские позиции, воспитывает в себе качества убежденного борца за коммунистические идеалы. Соревнование в условиях социализма выполняет и воспитательную функцию, которая неотделима от трудовой и социальной деятельности людей.

Используя различные формы подачи материалов, журналистское мастерство, газеты прослеживают, как воспитательная функция соревнования способствует росту сознательности его участников, формированию высоких идейных и моральных качеств. В ряде опубликованных материалов рас-

крывается умение тружеников подчинить личные интересы коллективным и общенародным, органично соединить состязание и соперничество, сотрудничество и взаимопомощь, без которых неммыслимо соревнование. Широко освещаются в республиканской печати проблемы утверждения в коллективах здорового морально-психологического климата, практика наставничества, соревнование Белоруссии и Литвы.

Однако можно назвать немало изданий, публикаций, в которых авторы не всегда должное внимание уделяют воспитательной функции и тем самым сужают реальные возможности соревнования. Журналистам важно помнить и учитывать в повседневной практике, что воспитательный аспект соревнования проявляется не только в труде, но и в сфере культуры и быта.

Рассмотренные функции социалистического соревнования проявляются не изолированно друг от друга. В реальной практике они находятся в неразрывном единстве. Комплексный подход печати к их реализации предусматривает взаимодействие тесно связанных между собой пропагандистских, агитационных и организационных методов, обеспечивающих целенаправленность, всесторонность и эффективность этой работы. Широта и масштабность экономических, социальных и воспитательных задач, которые предстоит решить в годы десятой пятилетки, требуют усиления влияния печати на различные сферы коммунистического строительства.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 190.

² Коллективный организатор соревнования.— М., 1976, с. 4.

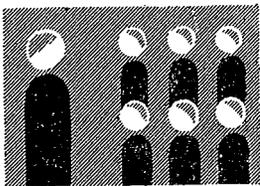
³ Иванов Е. Развитой социализм и соревнование.— Правда, 1976, 9 октября.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 149.

⁵ Смольков В. Г. Социалистическое соревнование в условиях развитого социализма.— М., 1974, с. 53.

⁶ Романюк В. Я. Функции социалистического соревнования и печать.— Вестник Московского государственного университета. Серия «Журналистика», 1978, № 6, с. 3.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 190.

Педагогіка, психологія

В. П. МЕЩЕРЯКОВ

БЕЛОРУССКИЕ КНИГОПЕЧАТНИКИ XVII ВЕКА

Белорусское книгопечатание в конце XVI—начале XVII веков развивалось в основном в западной Белоруссии и Литве (Вильно, Евье, Несвиж, Заблудов, Лоска, Тяпино). Однако восточные части Белоруссии испытывали не меньшую потребность в книгах и типографиях. Католическая реакция и колонизация, особенно после Брестской унии (1596), препятствовали возникновению и развитию книгопечатания в Белоруссии. Поэтому были случаи, когда белорусские книгопечатники выезжали в другие края, например, на Украину, где и организовывали типографское дело (Спиридон Соболев, Гринь Иванович).

Спиридон Соболев — один из крупнейших белорусских книгопечатников. Точные даты его жизни неизвестны. Родился он на Могилевщине. Однако в Могилеве не было условий для его издательской деятельности, и он вынужден был начинать книгопечатание в Киеве, где ему покровительствовал митрополит Яков Борецкий. С 1628 по 1630 год С. Соболев выпустил в Киеве «Лимонарь, сиречь цветник» (два издания), «Минею общую», «Октоих» (два издания), «Апостол» (два издания).

В 1630 году С. Соболев при поддержке могилевского магната Б. Статкевича и по приглашению игумена Йела Труцевича приезжает в Кутейнский монастырь близ Орши, где и создает типографию. Здесь он издает «Псалтырь», который назывался «Брашно духовное», «Букварь», «Молитвы повседневные» (1631) и «Часослов» (1632). Особое значение из всех этих книг имеет «Букварь», полное название которого такое: «Букварь сиречь начало учения детям начинающим чтению извыкати». С. Соболев впервые употребил слово «Букварь». Образцом для его «Букваря» была «Азбука» И. Федорова. Как и все азбуки того времени, «Букварь» начинался и заканчивался молитвой. Кроме грамматики, в нем даются молитвы и отдельные выдержки и положения из «Библии». Впервые при образовании трехбуквенных слогов С. Соболев в «Букваре» подбирает самостоятельные слова: **рай, май, мне, кто, что**. Это облегчало запоминание их учащимися. А до С. Соболева в азбуках употребляли такие бессмысленные сочетания трех букв: **бра, гра, дра**. Точно неизвестно, где работал С. Соболев в 1633—34 годах, то ли в Буйничках, то ли в Кутейно. (Буйнички, как и Кутейно, входили в состав имений магната Б. Статкевича и имели типографии — В. М.). Однако за эти годы С. Соболев переиздал «Лимонарь», «Апостол» и «Октоих» с выходными данными Киева. В 1635 году он издает в Буйничках «Псалтырь». После этого С. Соболев переезжает в Могилев, где выпускает новое, усовершенствованное издание «Букваря». В Могилеве в 1637 году он издает «Псалтырь» и «Тестамент царя Василия».

В издательской и просветительской деятельности С. Соболев пытался заручиться поддержкой русского царя. Так, в апреле 1639 года он подал челобитную царю о разрешении завести в Москве типографию и школу для обучения русских юношей «словолитному делу» и иностранным языкам.

Однако С. Соболеву было отказано в разрешении приехать в Москву: «Государь указал: того могилевца Спиридона Соболева из Вязьми отпустить назад в Литву, а к Москве ево отпущать не велел, чтоб в ево ученье и в книгах смуты не было, да и для того, что он служил киевскому митрополиту»

Петру Могиле, а Петр Могила от православные христианские веры отстал и приступил к римской вере, и от него б, Спиридона, какая ересь не объявилась»¹.

С. Соболев был одним из крупнейших книгопечатников своего времени и высокообразованным человеком. Всего он напечатал 19 книг религиозного и светского содержания (некоторые из них издавались 2—3 раза — В. М.), в том числе несколько учебников². Таким образом, Спиридона Соболева можно с полным основанием назвать продолжателем просветительной и издательской деятельности Ф. Скорины и И. Федорова.

На середину XVII века приходится деятельность белорусского книгопечатника, игумена Кутейнского монастыря, Иела Труцевича. О его жизни, просветительной и издательской деятельности нам известно немного. Однако даже те сведения, которыми мы располагаем, дают право называть его видным просветителем и книгоиздателем, человеком большой культуры и ума. В 1630 году в Кутейнский монастырь по приглашению И. Труцевича прибыл С. Соболев. Бесспорно, кутейнская типография — плод их совместной деятельности. Как известно, в 1631 году С. Соболев издал здесь «Псалтырь» («Брашно духовное»). В 1639 году «Брашно духовное» было переиздано с предисловием И. Труцевича. После отъезда из Кутейно С. Соболева типография при монастыре не только не прекратила деятельности, а значительно активизировала ее. Неутомимый И. Труцевич подобрал грамотных, знающих типографское дело монахов. В типографии обновили шрифт и орнамент, которые отличались от тех, которыми пользовался С. Соболев. Всего в этой типографии было напечатано около 30 названий книг, в том числе «Дидаскалия» С. Косова, «Лексикон Памвы Берынды», «Житие Варлаама и Иоасафа», «Шестиднев», «Октоих», «Трефологон или Цветослав», «Диоптра или Зерцало»³. Многие из этих книг издавались невиданно большими для того времени тиражами — 300—500 экземпляров. Таким образом, кутейнская типография под руководством И. Труцевича в середине XVII века стала одной из крупнейших в Белоруссии. В 1654 году, во время русско-польской войны, кутейнская типография была переведена в русский Иверский монастырь. Известно, что И. Труцевич активно поддерживал братства, вместе с ними проводил большую культурно-просветительную работу среди населения, боролся с католицизмом и полонизацией.

Сохранилось мало сведений о деятельности белорусского печатника из Заблудова Гриня Ивановича. Он, будучи учеником, помогал И. Федорову в 1570 году печатать в заблудовской типографии «Псалтырь с Часословцем». И. Федоров взял Гриня Ивановича с собой во Львов, как способного и подающего надежды ученика. И это тем более примечательно, что И. Федоров был очень строгим и требовательным человеком. Гриня Иванович еще в Заблудове он выучил мастерству гравюры по дереву. А во Львове за свой счет отдал его учиться печатному искусству у известного мастера Лаврентия Филипповича, с которым был в дружеских отношениях⁴.

Став настоящим мастером книгопечатания, в последние годы жизни И. Федорова и, видимо, с согласия последнего Гриня Иванович по приглашению Мамониной переезжает в Вильно. Это в какой-то мере подтверждает и договор, заключенный И. Федоровым с Гринем Ивановичем 28 февраля 1583 года. В нем отмечалось, что Гриня Иванович без согласия И. Федорова не может открывать типографии и отливать шрифты. Договором было обусловлено, что Гриня потом возвратится к И. Федорову, и тогда последний разрешит ему создать свою типографию⁵.

Братья Мамоничи после разрыва с П. Мстиславцем долго не могли наладить работу типографии. И поэтому они и пригласили к себе в Вильно Гриня Ивановича. В 1582—1583 годах типография возобновила работу⁶. В 1585 году в типографии Мамониной издается «Сборник», посвященный литовскому канцлеру Воловичу. В издании «Сборника», бесспорно, принимал участие и Гриня Иванович, ибо книга напечатана отлитым им шрифтом. О дальнейшей жизни и деятельности книгопечатника Гриня Ивановича нам ничего неизвестно.

Белорусские книгопечатники (среди них много безымянных) активно содействовали развитию культуры, науки и просвещения, утверждению национального самосознания народа.

¹ Русско-белорусские связи.— Минск, 1963, с. 160.

² Зернова А. С. Белорусский печатник Спиридон Соболев.— Книга. Исследования и материалы. Сб. X.— М., 1965, с. 145.

³ См.: 400 лет русского книгопечатания.— М., 1964, с. 109.

⁴ См.: Ботвинник М. Лаврентий Зизаний.— Минск, 1973, с. 114—115.

⁵ Там же, с. 115—116.

⁶ 450 год беларускага кнігадрукавання.— Мінск, 1968, с. 161.

И. И. НОВИЦКИЙ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КУБА

Республика Куба унаследовала от сметенного революцией диктаторского проамериканского режима Батисты высокий уровень неграмотности населения. Чтобы охватить всех детей школьного возраста и значительную часть взрослого населения школьным образованием, стране нужно было иметь большую армию педагогических кадров, которыми она в первые послереволюционные годы не располагала. Для решения этой сложной проблемы Революционное правительство вынуждено было изъять из сферы материального производства тысячи наиболее образованных, преданных делу революции кадров, которые после краткосрочных педагогических курсов направлялись работать народными учителями во все уголки страны. «Тем самым, — заявил Ф. Кастро, — мы смогли выполнить в области народного образования нашу первую задачу, состоявшую в том, чтобы не оставить без учителя ни одного нашего ребенка»¹.

Закономерно, что в первые послереволюционные годы количественный рост национальной системы народного образования в значительной степени опережал ее качественное совершенствование. А народному хозяйству страны, развивающемуся в условиях научно-технической революции, требовалось все больше рабочих, инженерно-технических кадров высокой квалификации, способных хорошо разбираться в сложнейших процессах мировой и отечественной технологии, в огромном потоке научно-технической и социально-политической информации.

Необходимость совершенствования структуры и содержания учебно-воспитательного процесса, всех звеньев национальной системы народного образования Кубы обуславливалась также и общей тенденцией выравнивания уровней развития стран социалистического содружества на основе все возрастающей общности их интересов в политической, экономической и культурной жизни. В области народного образования эта тенденция выражается не только в высокой научно-технической подготовке молодого поколения в соответствии со все возрастающими требованиями социально-экономического развития этих стран, но и в его коммунистическом воспитании на основе общих для всех стран социалистического содружества принципов марксистско-ленинской педагогики.

Поэтому Республика Куба вполне закономерно при изучении возможных путей перестройки своей национальной системы народного образования широко использовала опыт совершенствования систем народного образования в социалистических странах и прежде всего в Советском Союзе.

В апреле 1972 года Ф. Кастро в речи на закрытии II съезда Союза молодых коммунистов дал обстоятельный анализ состояния системы народного образования страны. «Революционный опыт, который является для нас большой школой, — заявил он, — настоятельно указывает нам на необходимость революционизировать до основания саму систему народного образования... Мы считаем, что страна в настоящее время располагает всеми необходимыми материальными средствами и педагогическими кадрами, чтобы провести в жизнь революцию в области образования»².

На основании указаний Первого секретаря Компартии Кубы, Председателя Революционного правительства Ф. Кастро и рекомендаций состоявшегося в апреле 1971 года I-го Национального конгресса по образованию и культуре министерство образования в январе 1973 года создало специальную группу научного прогнозирования развития системы народного образования, для руководства которой были приглашены опытные советские педагоги и работники системы просвещения³.

Основной задачей группы было всестороннее изучение и анализ таких сторон народного образования, как содержание учебно-воспитательного процесса в общеобразовательной школе, ее структура, качество знаний учащихся, учебно-материальная база школ, подготовка педагогических кадров, а также действующее законодательство о школе и соответствие всех этих сторон деятельности общеобразовательной школы требованиям социально-экономического развития страны.

Анализ деятельности общеобразовательных школ показал, что многие стороны традиционной системы просвещения не отвечают в полной мере требованиям современного развития социально-экономической жизни страны, что содержание и методы обучения в значительной степени отстают от развития педагогической науки в целом. В разработанных группой предложениях и рекомендациях предлагались конкретные, практические меры совершенствования всей национальной системы просвещения. В конце 1974 года эти рекомендации были одобрены правительством и стали основным директивным документом по практическому проведению в жизнь плана совершенствования национальной системы народного образования.

Планом было предусмотрено немедленное введение в стране обязательного девятилетнего образования с последующим переходом к обязательному двенадцатилетнему. На один год (двенадцать классов вместо тринадцати) был сокращен срок обучения в средней общеобразовательной политехнической трудовой школе. Весь курс обучения в общеобразовательной школе был рассчитан на изучение 22 учебных предметов вместо 17 учебных предметов по старым программам. Количество учебных часов полного курса общеобразовательной школы, несмотря на сокращение продолжительности обучения на один год, увеличилось на 12440 против 11020 часов по старым программам для городских и 11588 часов для сельских общеобразовательных средних школ.

Структурно общеобразовательная школа была подразделена на шестилетнюю начальную школу (I—VI кл.), трехлетнюю базовую общеобразовательную среднюю школу (VII—IX кл.) и трехлетнюю общеобразовательную среднюю школу предвуниверситетской подготовки (X—XII кл.), дающую полное среднее образование. Кроме того, для детей в возрасте от 5 до 6 лет был установлен один год дошкольной подготовки при начальных школах страны.

Установление обязательного девятилетнего образования повлекло за собой значительные изменения в учебных программах начальной школы. Единым учебным планом для всех начальных школ страны была установлена продолжительность учебного года в 40 недель, распределенных равномерно на четыре учебные четверти, между которыми одна неделя отводится на школьные каникулы. Начальное образование, в свою очередь, подразделяется на два цикла. В первом цикле весь учебно-воспитательный процесс осуществляется одним учителем, работающим с одной и той же учебной группой с I-го по IV-ый классы. Основная задача первого цикла состоит в том, чтобы заложить у учеников основы прочных знаний по родному языку и математике, развивать у них необходимые навыки и умения самостоятельного умственного и физического труда, прививать любовь к учебе, воспитывать у них высокие нравственные качества, готовить их к эффективному усвоению учебного материала второго цикла⁴.

Второй цикл, учитывая специфические условия Кубы, структурно относится к начальной школе, однако по своему содержанию и организации учебного процесса этот цикл соответствует уровню средней общеобразовательной школы. Так, например, изучение учебных предметов, таких как история, обществоведение, география, литература, иностранный язык и биология, введенных во втором цикле начальной школы, заканчивается только на последующих ступенях общеобразовательной средней школы. При этом преподавание учебных предметов, как и в звене средней школы, ведется учителями-предметниками с V-го по VI-й классы.

Для средних общеобразовательных сельских школ, для школ-интернатов, расположенных в сельской местности, называемых на Кубе «школы в поле», и для школ по призванию единым учебным планом установлена сокращенная продолжительность учебного года, разделенного равномерно на два учебных семестра по 20 недель каждый, между которыми одна неделя отводится на школьные каникулы. Ежедневно с понедельника по пятницу проводится по пять, а по субботам — по три урока продолжительностью 45 минут каждый с малыми переменами по пять минут и одной большой переменной в 20 минут. До перехода на новую структуру и новые программы в кубинских школах продолжительность урока была равна астрономическому часу.

В городских общеобразовательных средних школах, как базовых (VII—IX кл.), так и предвуниверситетской подготовки (X—XII кл.) продолжительность учебного года установлена в 34 недели, разделенных на два учебных семестра соответственно по 18 и 16 недель. Кроме того, эти школы выезжают на сельскохозяйственные работы продолжительностью до 7 недель.

Учебным планом, единым для всех школ, введен целый ряд новых учебных предметов. Для учащихся четвертых, девярых и двенадцатых классов введен новый учебный предмет «Обществоведение», который подразделяется на три составные части: «Политическая жизнь моей Родины» для IV класса, «Основы политических знаний» для IX класса и «Основы марксизма-ленинизма» для XII класса. Кроме того, введены такие предметы, как «Пение и музыка» (I—IV кл.), «Пластическое искусство» (I—IV кл.), «Основы современного производства» (X—XII кл.), «Военная подготовка» (IX—XII кл.), «Астрономия» (XII кл.) и «Факультативные занятия» (X—XII кл.). Изучение химии по новым программам вводится с VIII класса. Изучение иностранного языка по новым программам введено с пятого, в то время как по старым программам его изучение начиналось с девятого класса. «Изучение астрономии, — говорится в директивном документе по совершенствованию системы просвещения, — вводится по причине ее большого значения для материалистического понимания мира. Ее изучение начинается в выпускном двенадцатом классе с тем, чтобы этот предмет был лучше понят учениками на основе имеющихся у них знаний по философии, математике и физике»⁵. В документе указывается также на необходимость сохранения без существенных изменений прежних учебных программ по математике, которые во всех общеобразовательных школах доказали на практике свою высокую эффективность.

Для освоения новых учебных программ министерство образования установило переходный период с 1975 по 1981 год, который подразделяется на шесть этапов. На первом этапе, в 1975—76 учебном году, осуществлен полностью переход на новые учебные программы в первом классе и внесены частичные изменения в действовавшие учебные программы по зоологии в седьмом и по математике в десятом классах. Для облегчения перехода на новые учебные программы почти во всех классах общеобразовательной школы временно вводились подготовительные переходные программы. В 1976—77 учебном году введены новые учебные программы по всем учебным предметам во втором и пятом классах и новые программы по химии в восьмом и девятом классах. В 1977—78 учебном году осуществлен полностью переход на новые учебные программы в третьем, шестом и одиннадцатом классах, в 1978—79 учебном году завершен переход на новые программы четвертых, седьмых и одиннадцатых классов. В 1979—80 учебному году завершается переход на новые программы восьмых и двенадцатых классов. В 1980—81 учебном году после перехода девярых классов на новые учебные программы завершится шестилетний период поэтапного совершенствования системы просвещения Республики Куба.

Установление обязательного девятилетнего образования, переход на новые учебные программы и перестройка структуры общеобразовательной школы требовали соответствующих изменений и пересмотра учебных планов и программ профессионально-технического и среднего специального образования. С этой целью министерством образования, после изучения рекомендаций группы научного прогнозирования народного образования, в июле 1975 года было принято решение об одновременном переходе общеобразовательных профтехучилищ и средних специальных учебных заведений страны на единые учебные программы. Это позволило учащимся профессионально-технических и средних специальных учебных заведений, кроме специальной подготовки, получать и общее среднее образование. Значительные изменения вносятся также и в учебные планы и программы высших учебных заведений страны, готовящих учителей для средних общеобразовательных школ.

Поэтапная перестройка всех звеньев национальной системы народного образования на основе качественно нового содержания учебного процесса, в котором «преподавание марксизма-ленинизма является главной наукой, определяющей развитие всех наук»⁶, требует не только большого творческого труда многих ученых и педагогов, но и огромных материальных средств, затрачиваемых на десятки миллионов новых учебников и учебных пособий. Так, например, только за один 1978 год издано более 19 млн. учебников, значительная часть которых была напечатана в Советском Союзе.

Совершенствование системы народного образования в Республике Куба было обусловлено настоятельной необходимостью приведения ее в соответствие с требованиями социально-экономического развития страны. Повсеместное осуществление обязательного девятилетнего образования и совершенствование общего, профессионально-технического, среднего специаль-

ного и высшего образования направлено на формирование у молодого поколения коммунистического мировоззрения, подготовку его в интеллектуальном, физическом, моральном и профессиональном отношении, чтобы не только удовлетворить потребности страны в квалифицированных специалистах, но и воспитать нового человека, строителя коммунистического общества.

¹ La Educación en Revolución.— La Habana, 1973, p. 35.

² Bohemia, 1976, Junio, p. 30—31.

³ См.: Educación, 1975, N. 16, p. 25.

⁴ См.: Suplemento de «Educación», 1975, N. 16, p. 13.

⁵ Documentos directivos para el perfeccionamiento del sistema nacional de educación.— La Habana, 1975, p. 17—24.

⁶ 1 съезд Коммунистической партии Кубы.— М., 1976, с. 351.

О. О. ГРАЧЕВА, В. А. КОРЯУШКИНА

О ВЫРАБОТКЕ НАВЫКОВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ У УЧАЩИХСЯ IV—V КЛАССОВ (К обсуждению новой программы по литературе для средней школы)

Необходимость повысить научно-теоретический уровень и воспитательное воздействие литературы обусловила появление нового проекта типовой программы по литературе для средней школы¹. Несомненным достоинством его является то, что в нем четко намечены межпредметные связи литературы с предметами гуманитарного цикла, определены виды письменных работ, а также умения и навыки для каждого года обучения. Последнее положение представляется нам особенно ценным. Конкретный перечень умений и навыков, система их формирования помогут учителю правильно построить календарные и поурочные планы. Особенно важно, что формирование умений в проекте программы связано с усвоением конкретных знаний при изучении литературного произведения. Исключением из общего правила является лишь приобретение навыков выразительного чтения. Именно об этом и пойдет речь в данной статье.

Владение выразительным чтением является одним из ярких показателей уровня эстетической подготовленности. Это учитывают составители программы, приводя перечень художественных текстов для заучивания наизусть. Значительно большее, чем раньше, число литературных произведений и отрывков из них звучит на уроках в самых различных вариантах: в чтении учителя и учащихся, в грамзаписи, с экрана. Практически на всех уроках литературы применяется выразительное чтение.

Почему же большинство учащихся, даже тех, кто избрал своей специальностью филологию, на вступительных экзаменах по литературе плохо, равнодушно читает стихи, не говоря уже о прозаических отрывках, в том числе и таких поэтических, как «Русь-тройка» Н. В. Гоголя или описание старого дуба в эпопее Л. Н. Толстого?

Аналогичное явление обнаруживаем мы и на прослушиваниях поступающих в детский театральный коллектив Дворца культуры Белсофпрофа. От поступающих требуется в первую очередь четкое осмысленное чтение. Подбор текстов и их исполнение дают представление о литературном и эстетическом развитии учащихся. Как правило, у поступающих в детский коллектив (а это в большинстве случаев наиболее начитанные ученики) уровень эстетической избирательности оказывается низким. Так, примерно 75% учащихся IV—V классов читают программный материал. Хотя старшеклассники подходят к выбору своего репертуара более осмысленно, однако задание исполнить что-нибудь внепрограммное для большинства оказывается непосильным.

Надо отметить, что ребята VII—X классов стараются подбирать стихи с драматическим, эффектным сюжетом, с трагическим финалом. Однако они не обладают ни житейским, ни эмоциональным опытом, чтобы сжиться с материалом, сделать его «своим». Отсутствие верной интонации они пытаются заменить мелодраматизмом и поэтому читают с пафосом, рыданиями, взвизгивая себя и слушателей. Чаще всего они декламируют стихотворения Э. Асадова, отрывки из III главы поэмы М. Алигер «Зоя», начало поэмы Э. Вагрицкого «Смерть пионерки», стихотворение Ю. Друниной «Седые во-

лосы». Вопрос, почему выбрано именно это произведение, вызывает недоумение: «Нравится!»

Кроме ложной аффектации, как одного из показателей низкой культуры выразительного чтения, следует отметить непонимание чтецами идеи произведения и отсутствие у них логики чтения: даже в программных, изучаемых в школе произведениях, логические ударения и особенно логические паузы расставлены неточно, непродуманно. Наиболее распространенной ошибкой является резкое понижение интонации и пауза, характерные для конца предложения, которые читающие делают в конце каждой стихотворной строки (как бы ставят точку в этом месте). Например, отрывок из «Мцыри» М. Ю. Лермонтова читают так:

↓
Он страшно бледен был и худ ||
↓
И слаб, || как будто долгий труд, ||
Болезнь иль голод испытал. ||

Кроме монотонности и невыразительности, подобное интонирование ведет иногда к смысловым нелепостям. Такова, например, ставшая хрестоматийной ошибка: строки о зиме из VII главы романа «Евгений Онегин» читают, не замечая точки с запятой:

↓
Пришла, рассыпалась; клоками ||
Повисла на суках дубов...

Все поступающие, кроме тех, кто уже занимался в самодеятельности, читают «безадресно» — так, как привыкли читать на уроке в школе, т. е. не задумываясь, кому и для чего они читают.

Распространенность подобных ошибок свидетельствует о том, что учителя-словесники либо не обращают достаточного внимания на выработку навыков выразительного чтения, либо не в состоянии привить их ученикам. Все это позволяет говорить о существенных пробелах в обучении навыкам выразительного чтения на уроках чтения в начальной школе и литературы в IV—VI классах.

В учебно-методической литературе вопросам приобретения навыков выразительного чтения отводится большое место. Однако эту литературу чаще всего словесник не использует. Объясняется это несколькими причинами. Главная — отсутствие в программе четкой системы выработки навыков и умений выразительного чтения. Эта работа включается в раздел «Развитие речи и работа над навыками выразительного чтения при обучении русскому языку», который является составной частью программы по русскому языку. Основное внимание уделяется в нем развитию речи; что касается выразительного чтения, то ему отводится всего два абзаца. Связь с литературой отмечается только одной фразой: «Однако эти навыки формируются не только на уроках русского языка, но и на других уроках, прежде всего — литературы»².

Более конкретные указания мы находим в разделах, посвященных изучению отдельных тем по русскому языку: «выразительное чтение предложений с междометиями», «выразительное чтение предложений с модальными частицами» и т. д. Подобных рекомендаций явно недостаточно. К тому же учитель не может ожидать, когда по программе VII класса ученики получают представление о логическом ударении, потому что надобность в нем возникает на первом же уроке в IV классе.

Думается, что установка программы на выработку навыков выразительного чтения в процессе изучения русского языка односторонняя. Можно с уверенностью утверждать, что в первую очередь ребята учатся правильно читать и понимать художественный текст на уроках литературы.

Основы выразительного чтения закладываются в начальной школе. В IV классе необходимо систематизировать приобретенные навыки и значительно расширить их. Однако отсутствие специальных указаний в программе приводит к тому, что значительная часть учителей считает эту работу необязательной.

Сейчас, конечно, положение изменилось к лучшему. Школа получила прекрасное пособие — фонохрестоматию, что позволило существенно улучшить эстетическое воспитание учащихся. Но основную работу, как и раньше, проводит сам учитель. Содержательность чтения определяется умением читающего найти глубокую и важную мысль произведения или отрывка и желанием донести ее до слушателя. Одной из первых задач, стоящих перед

словесником в плане обучения выразительному чтению, является нацеленность ребят на поиск главной авторской мысли (или эмоции), стремление донести ее до слушателей (а не до учителя, как это еще часто бывает). Активность позиции исполнителя, обусловленная пафосом произведения, должна стать основным критерием выразительности чтения. Только в этом случае мы сможем считать выразительное чтение одним из элементов коммунистического воспитания.

Овладению техникой чтения должны помочь специальные упражнения, которые можно подразделить на три вида: работа над логикой чтения, его эмоциональностью, развитие слуха и чувства ритма. Приведем несколько упражнений, разработанных и успешно применяемых в детском театральном коллективе Дворца культуры Белсовпрофа. Подобные упражнения могут применяться и в школе.

На занятиях в театральных студиях при выработке четкой дикции обычно используются скороговорки. Можно такое задание усложнить: кроме четкого произношения руководитель требует найти варианты определенной смысловой направленности текста. Получается интересный диалог. Первый учащийся предлагает скороговорку: «Все бобры добры до своих бобряток» (с подтекстом — какие милые и хорошие звери бобры). «Все **бобры** (а не другие звери) добры до своих бобряток?» — интересуется другой. Третий добивается: **все** ли бобры добры? Четвертый: только ли до **своих** бобряток или и до чужих тоже? Эти смысловые варианты предложения ребята должны видеть и уметь выделять уже в 4 классе.

На занятиях по выразительному чтению с детьми мы проводили такую работу: «Представьте, что текст произведения — это авторский комментарий к отдельным кадрам фильма. Давайте придумаем этот фильм». Работа начинается с выбора жанра — документальный, художественный, кинокомедия, мультфильм. Таким образом находим нужную тональность чтения. Затем идет подробное описание каждого кадра. На протяжении всей работы над произведением мы неоднократно возвращаемся к придуманной учениками «киноленте видения», уточняем ее. Например, готовя первую главу поэмы Р. Рождественского «Посвящение», в которой описывается запуск первого космического корабля с человеком на борту, мы попросили придумать документальный фильм, снятый на космодроме. В ходе работы над стихами уточнялась раскадровка «фильма», крупные, средние и общие планы, монтаж. Была придумана и музыка, что помогло найти нужный ритм.

Развитию слуха и чувства ритма у детей способствует незаслуженно забытое ныне коллективное чтение. Такие программные произведения, как «Бородино», «Полтавский бой» и другие стихотворения с четким ритмом успешно могут изучаться с применением этого приема. Не обойтись учителю и без знания таких основных обозначений, как паузы, логическое ударение, противопоставление, значков, обозначающих мелодику чтения, понятия о речевой партитуре. Однако дело не свинется с места до тех пор, пока в школьную программу вместо общего положения не будет включена конкретная система выработки навыков выразительного чтения.

Как же решается этот вопрос в новом проекте программы? В перечне основных требований к знаниям и умениям учащихся IV классов указывается, что они должны уметь «правильно и бегло читать изученные произведения» (с. 48), пятиклассники — «правильно, бегло читать вслух незнакомые тексты; выразительно читать произведения, выученные наизусть, а также отдельные части, главы изученных произведений» (с. 50). Уже из этих положений следует, что составители программы осознают всю сложность и длительность процесса образования навыка, так как относят время его окончательного формирования к концу VII класса. Однако отсутствие указаний, неопределенность требований, сформулированных в самом общем виде, отрицательно скажутся на процессе обучения. Нам представляется важным, чтобы в программе так же четко, как умение отличать монолог от диалога, интерьер от пейзажа, находить примеры сравнений, эпитетов, аллегории и т. д., в связи с изучением отдельных произведений были сформулированы понятия логического ударения, смыслового центра небольшого произведения, места логических пауз и их длительности, а также ритмики и мелодики чтения. Только конкретная система выработки навыков поможет учителю правильно и последовательно организовать работу по обучению детей выразительному чтению.

¹ См.: Литература в школе, 1978, № 6; 1979, № 1.

² Программы восьмилетней и средней школы на 1978/79 учебный год. — Минск, 1978, с. 10.

Крытыка і бібліяграфія

Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 1. Пад рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, «Навука і тэхніка», 1979, 512 с.

Ад беларускіх дыялектных слоўнікаў, выдадзеных у пасляваенны перыяд, гэты слоўнік адрозніваецца шэрагам характэрных асаблівасцей. Па-першае, ён фіксуе беларускую народную лексіку не асобных раёнаў ці вобласці, а вялікага дыялектнага рэгіёна, уключаючага заходнія арэалы паўночна-усходніх, паўднёва-заходніх, сярэднебеларускіх і часткова заходнепалескіх гаворак. Па-другое, у ім разам з лексікай гаворак беларускай мовы на тэрыторыі Савецкай Беларусі ўпершыню змешчана і лексіка суседніх пагранічных тэрыторый Літвы, Латвіі і Польшчы.

Увесь фактычны матэрыял для гэтага дыялектнага слоўніка сабраны экспедыцыйным шляхам на працягу 1954-1978 гадоў у працэсе збірання матэрыялаў для Агульнаславянскага лінгвістычнага атласа і пазней — Лексічнага атласа беларускіх народных гаворак. У зборы фактычнага матэрыялу на тэрыторыі Літоўскай і Латвійскай Рэспублік сумесна з навуковымі супрацоўнікамі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Акадэміі навук БССР удзельнічалі літоўскія і латышскія мовазнаўцы, а фактычны матэрыял на тэрыторыі Польскай Народнай Рэспублікі сабраны навуковымі супрацоўнікамі Інстытута славянзнаўства Польскай Акадэміі навук і кафедры беларускай мовы Варшаўскага ўніверсітэта. Усяго абследавана 155 населеных пунктаў: 100 на тэрыторыі Беларускай ССР (у 56 раёнах), 23 на тэрыторыі Латвійскай ССР (у трох раёнах), 18 на тэрыторыі Літоўскай ССР (у шасці раёнах) і 14 на тэрыторыі Польскай Народнай Рэспублікі (у двух ваяводствах — Беластоцкім і Сувалкаўскім).

«Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» будзе пяцітомным. Першы том, падрыхтаваны супрацоўнікамі сектара дыялек-

талогіі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Акадэміі навук БССР з удзелам літоўскіх і польскіх мовазнаўцаў, змяшчае звыш сямі тысяч слоў. Гэта пераважна словы, уласцівыя толькі пэўным гаворкам. Ад агульнабеларускіх слоў яны адрозніваюцца або ўсёй невытворнай асновай (*акамёлак* — дзяркач, *атвой* — вір, *банкач* — авадзень, *бац* — пацук, *вандола* — каляіна, *вярлюжок* — зашчпка, *гайла* — балбатун, *ганоза* — заедзь), або службовымі марфемамі (*адлячыць* — выльчыць, *абмежак* — узмежак, *вазак* — возчык, *выгалак* — прагалаіна, *галодня* — галадоўка, *гарбузенне* — гарбузнік), або асобнымі гукамі нерэгулярнага праяўлення (*апохнуць* — апухнуць, *алувак* — аловак, *азяць* — узяць, *бісанош* — басанож, *вегаць* — вехаць, *гручка* — бручка), або націскам (*астрбвак* — астравок, *баязно* — боязна, *валас* — волас, *ганта* — гонта, *гвалтбм* — гвалтам), або граматычным родам (*акопа* — акоп, *аблох* — аблога, *асата* — асот), або лексічным значэннем (*абгялледзец* — астыць, *аісаць* — падрабязна расказаць што-небудзь, *вата* — рыбалоўная снаць, *воўк* — памылка, дапушчаная пры ўвадзенні асновы красён у ніт, *галасы* — скрынка з бюлетэнямі для галасавання, *гарэлка* — адтуліна ў рыбалоўнай снаці буча, *гума* — гумавы абутак). Многа ёсць таксама слоў, якія ў агульнанароднай беларускай мове не маюць лексічных адпаведнікаў: *асволак* — падоўжная бэлька ў будынку, *балтак* — доўгі шост, якім заганяюць рыбу ў сетку, *ваднік* — пятагон, які кіруе пльготам, *гулды* — палеглыя і стантанія жывёлаі ці птушкіма пасевы збожжа і інш. Праўда, паралельна з такімі спецыфічна дыялектнымі словамі пададзены і некаторыя агульнабеларускія словы тыпу *армія*, *атлікі*, *атынуцца*, *аўчына*, *брыгадзір*, *бягом*, *бясконца*, *вучыцца*, *вадро*, *галіна*, *ганчар*, *гармата*, *грошы*. Уключэнне іх у дыялектны слоўнік нічым не апраўдана.

Фанетычныя і марфалагічныя варыянты адназначных слоў даюцца ў адным слоўніковым артыкуле з найбольш блізкім да літаратурнай формы або най-

больш пашыраным у гаворках варыянтам на першым месцы, напрыклад: *абедзві, абідзвя, абедзмія, абодзве, абедві, абідввы; борць, борця, бордзь, барць, барця; вэлом, вэлін, вэлян, вэлянт; гіжэць, гвіжэць, гніжэць, гніжджэць*. Кожны з гэтых варыянтаў прыводзіцца ў рэстры і на сваім афавітным месцы, але без тлумачэння з адсылкай да артыкула, дзе ён ужо вытлумачаны і праілюстраваны прыкладамі звязнага тэксту.

Усе загалюныя словы фіксуюцца сродкамі літаратурнага алфавіта з перадачай самых характэрных асаблівасцей мясцовага вымаўлення і абзначэннем націску. Яны забяспечваюцца граматычнымі і стылістычнымі паметамі. З граматычных памет прыняты такія: указанне на род, лік, зборнасць і часам склон для назоўнікаў, на ступень параўнання для прыметнікаў, на трыванне і некаторыя граматычныя формы для дзеясловаў, на часціну мовы для іншых слоў. Стылістычныя паметы вызначаюць характар экспрэсіўна-эмацыянальнай афарбоўкі слова (абразлівае, асуджальнае, вульгарнае, грубае, жартаўлівае, зневажальнае, іранічнае, лаянкавае, пагардлівае і інш.), а таксама прыналежнасць яго да пэўнай лексіка-тэматычнай групы (абрадавае, анатамічнае, астранамічнае, батанічнае, ветэрынарнае, ганчарная справа, заалагічнае, кравецкая справа, кулінарнае, паляўнічае, плытніцкае і інш.).

Разам са словамі актыўнага ўжытку ў слоўніку даюцца і такія, якія абзначваюць рэаліі мінулых эпох і цяпер ужо рэдка калі выкарыстоўваюцца, напрыклад: *верачень* — мера даўжыні поля, роўная ста метрам; *голубціе* — гульня, разлічаная на выйгрыш як на вялкідзень. Усе яны суправаджаюцца стылістычнай паметай «устарэлае».

Асобныя артыкулы прысвечаны словам з фразеалагічна звязанымі значэннямі: *бандары* у выразе «бандары біць» — гультаяваць, *бзыкалкі* ў выразе «у бзыкалкі пабегчы» — уцякаць ад мух, *боркі* ў выразе «за боркі братісе» — брацца за грудкі, моцна сварыцца, *гомель* у выразе «даць у гомель» — стукнуць кулаком у плечы і інш.

Значэнні слоў раскрываюцца пры дапамозе літаратурных адпаведнікаў: *аджымы* — макуха, *бардзэй, бардзей* — хутчэй, *валаваць* — утрамбоўваць, *гайна* — бярог. Пры адсутнасці ў літаратурнай мове адпаведнікаў значэнне дыялектнага слова тлумачыцца апісальна: *атлоі* — украіны возера, зарослыя дзірваном, *ведравік* — драўляная бочка, якая змяшчае адно вядро вадкасці, *галька* — сподняя жаночая спадніца ці доўгая кашуля без рукавоў.

Кожнае са значэнняў слова ілюструецца некалькімі ўдала падобранымі прыкладамі звязнага тэксту з розных гаворак з указаннем населенага пункта і раёна, а пасля ілюстрацыйных прыкладаў прыводзяцца фразеалагізмы, прыказкі, прымаўкі, загадкі і іншыя ўстойлівыя звароты з гэтым словам у сваім складзе. Да слоў, якія картаграфаваліся ў «Дыялекталагічным атласе беларускай мовы», у канцы слоўнікавага артыкула

даецца скарачаная назва ДАБМ з указаннем нумара карты, што дапаможа чытачу пры неабходнасці вызначыць дакладную тэрыторыю бытавання гэтага слова ў беларускіх гаворках.

Беларускія гаворкі маюць многа лексічных запазычанняў з іншых моў: рускай, польскай, літоўскай, латышкай, цюркскіх. Некаторыя запазычаныя словы функцыяніруюць у беларускіх гаворках з іншымі фанетычнымі воблікамі і нават з іншымі значэннямі. Так, літоўскае слова *ap̄aralas*, абазначаючае «верхагодка», ў пагранічных з літоўскай мовай беларускіх гаворках у форме *анпанал* вядома са значэннем «адліга»; у польскай мове слова *wyjątek* мае значэнні «выключэнне, выпіска, урываек», а ў некаторых пагранічных беларускіх гаворках *выёнтак* замацавалася са значэннем «выпадак». Пры запазычаных словах у канцы слоўнікавых артыкулаў прыводзяцца адпаведныя паралелі з мовы-крыніцы з указаннем іх семантыкі.

Укладальнікі слоўніка вялікую ўвагу ўдзялілі размежаванню фактаў лексічнай палісеміі і аманіміі, якія ў дадзеных гаворках прадстаўлены даволі шырока. Так, выяўлена шаснаццаць значэнняў слова *бонда*, зафіксавана дзевяць слоў-аманімаў *банка*.

Як можна меркаваць ужо па першаму тому, «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» будзе каштоўным укладам у беларускую дыялектную лексікаграфію. Сабраныя ў ім багатыя фактычныя матэрыялы выкарыстаюць вучоныя пры распрацоўцы многіх актуальных пытанняў не толькі беларускай, але і іншых славянскіх моў.

І. К. Германовіч

Б. А. Плотников. *Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений*. Минск, «Вышэйшая школа», 1979, 136 с.

Рецензируемая книга представляет собой результат интересного и очень трудоемкого исследования и вместе с тем пособие по лексикологическим спецкурсам. Автор ставит перед собой задачу определить структуру выбранных для исследования лексических подсистем посредством установления характера семантических отношений между рассматриваемыми словами, основанных на анализе лексической сочетаемости данных слов в тексте и их парадигматических связей в словарях. Рассматривается также задача интерпретации таких семантических свойств, как полисемия и терминологичность, путем анализа круга сочетаемости данных слов в текстах разного жанра. И наконец, определяется разница между семантическими свойствами одних и тех же слов в текстах разных авторов.

Материалом исследования послужили группы существительных со значением интеллекта (мысль, идея, понятие, мнение, ум, разум, сознание, мышление), прилагательных, обозначающих размер и время (малый, небольшой, мелкий,

большой, огромный, громадный, крупный; древний, новый, молодой, старый, старинный), многозначных существительных (солнце, земля, луна, звезда, небо, рука, нога, глаз, сердце) и существительных — имен, лиц (человек, врач, девушка, Клим и т. п.).

В исследовании используется вариант методики дистрибутивно-статистического анализа, целью которой является описание синтагматического аспекта лексических значений рассматриваемых слов на основании подсчета всех лексических единиц, соединенных с исследуемыми словами прямой грамматической связью.

Извлеченные из текстов образцы словоупотребления классифицируются по типам словосочетаний, рассматриваемым как «своеобразные структурные ячейки, в которые укладываются различные семантические признаки». Общее значение группы рассматриваемых слов в синтагматическом плане языка складывается из отдельных семантических признаков, а все признаки каждого члена группы определяются частотностью сочетающихся с ним словоупотреблений. Близость значений анализируемых слов по всем признакам оценивается через коэффициент парной корреляции, величина которого позволяет определить меру семантической связи между словами, реализованной в их лексической сочетаемости, определить пары синтагмо-синонимов и синтагмо-антонимов, определить семантический объем лексем в синтагматическом плане и построить фрагменты лексических подсистем, в которых находится рассматриваемые слова.

Анализ словарных статей тех же слов в филологических словарях русского языка позволяет определить семантический объем слов в парадигматическом плане, размер семантической связи между ними, пары парадигмо-синонимов и парадигмо-антонимов и построить фрагменты структуры лексических подсистем в парадигматическом плане языка. Введение автором терминов «синтагмо-синоним» и «парадигмо-синоним» представляется оправданным и необходимым для различия двух типов синонимов: синонимов, семантическая близость которых проявляется через схожесть их сочетаемости в синтагматическом плане языка, и синонимов со схожими семантическими свойствами в парадигматическом плане языка.

Автор рассматривает также некоторые особенности полисемического и терминологического употребления многозначных слов и определяет формальные критерии полисемии в парадигматическом и синтагматическом планах языка. Сравнивая данные синтагматических и парадигматических свойств существительных, автор приходит к выводу о необходимости исследования лексических подсистем с учетом как синтагматических, так и парадигматических связей между словами, поскольку совокупность этих связей образует структуры лексических подсистем. Семантические свойства, проявляемые словами в синтагматических и парадигматических связях с дру-

гими словами, не дублируют, а дополняют друг друга. Такое установление корреляции между синтагматическими и парадигматическими характеристиками членов подсистем имеет важное теоретическое значение, поскольку способствует более глубокому и разностороннему описанию лексической системы. Интересным представляется описание авторских значений имен лиц посредством качественного и количественного анализов их лексической сочетаемости в произведениях нескольких писателей.

Описание значений слов в книге Б. А. Плотникова строится на прочном эмпирическом основании, позволяющем получать надежные и достоверные результаты. Исследование отличается логичностью изложения, четкостью выводов. Таблицы, матрицы и схемы тесно увязаны с текстом и последовательно отражают основные мысли, результаты и выводы исследования. Положительным моментом является и то, что при анализе сочетаемости автор учитывает доли частот словоупотреблений каждой лексической группы, а не конкретную частотность. Б. А. Плотников ставит и решает важные проблемы теории системных отношений в лексике. Его наблюдения являются вкладом в разработку таких вопросов лексикологии, как синонимия, полисемия и коррелятивность в лексике.

Положительно оценивая книгу, укажем также на отдельные недочеты. Не совсем объективным и последовательным кажется логико-интуитивный путь выделения лексических групп, с которыми сочетаются анализируемые слова (с. 26—28). Недостаточно обоснован критерий установления порогов синонимии при определении синтагмо- и парадигмо-синонимов (с. 38, 49).

Однако решение автором задач прикладного плана, в частности, его опыт составления словарных статей для словаря синонимов может быть использован в лексикографической практике. Полезен и опыт обработки конкретного лексического материала точными статистическими методами. Новая книга Б. А. Плотникова — хорошее пособие филологам, интересующимся современными методами изучения лексической семантики.

А. В. Посох

Т. І. Панько. Від терміна до системи. (Становлення марксистсько-ленінської політекономічної термінології у східнослов'янських мовах). Львів, «Вища школа», 1979, 148 с.

Манаграфія Т. І. Панько присвячена проблемі становлення системи палітэканамічнай тэрміналогіі (ПЭТ) усходнеславянскіх моў. Паколькі сучасная сістэма ПЭТ грунтуецца на сістэме марксісцка-ленінскіх палітэканамічных паняццяў, сфармуляваных у працах Маркса, Энгельса, Леніна, і выражае яе, цалкам апраўдана, што асноўны матэрыял для даследавання ўзяты з «Капіта-

ла» К. Маркса, твораў У. І. Леніна. У аснове даследавання — украінскі моўны матэрыял, які ў працэсе вывучэння параўноўваецца з адпаведным матэрыялам нямецкай, рускай і беларускай моў. Непасрэднаму аналізу папярэднічае сціслая характарыстыка палітэканамічнай тэрміналогіі як сістэмы, сутнасць і развіццё якой раскрываюцца на аснове вучэння класікаў марксізма-ленінізма і ў святле сучаснай тэорыі тэрміна.

Вывучэнне гісторыі палітэканамічнай тэрміналогіі Т. І. Панько пачынае з перыяду яе станаўлення (канец XIX — пачатак XX ст.). Аналізуючы тэрміны тагачаснай украінскай перыёдыкі, першых перакладаў твораў марксісцкай літаратуры і арыгінальных прац С. Падаліскага, І. Франка, Л. Украінкі, О. Тарлецакага, В. Наўроцкага, І. Заневіча і інш., Т. І. Панько выяўляе і раскрывае ўплыў вучэння К. Маркса на сэнсавую структуру шматлікіх тэрмінаў, шырокую дублетнасць, гласарый (як адну з характэрных адзнак функцыянавання тэрмінаў), ролю рускай мовы ў развіцці украінскай тэрміналогіі, тлумачыць, чым усё гэта было абумоўлена, паказвае, як у пачатку XX стагоддзя паступова акрэсліваліся аднакі сістэмнасці, што праяўлялася найперш у плане структуры і зместу тэрмінаў.

Дэталёва прааналізаваўшы складаныя і састаўныя тэрміны ў працы К. Маркса «Капітал» і яе перакладах на рускую, украінскую і беларускую мовы, аўтар сцвярджае, што гэтыя тэрміны ва ўсходнеславянскіх мовах створаны ў асноўным у выніку структурнага калькавання адпаведных нямецкіх тэрмінаў першакрыніцы (с. 49). Пры гэтым падкрэсліваецца, што створаны яны па адвольных мадэлях і што працэс калькавання ў украінскай і беларускай мовах адбываўся пры абсалютнай арыентацыі на рускія калькі (с. 56). Аднак неабходна звярнуць увагу на тое, што ўсе складаныя і састаўныя тэрміны ў беларускім перакладзе (маюцца на ўвазе толькі калькі) з'яўляюцца калькамі адпаведных рускіх калек, бо пераклад «Капітала» на беларускую мову ўпершыню быў ажыццёўлены ў 1952—1953 гадах з рускага выдання, а не з нямецкага.

У кнізе Т. І. Панько пераканаўча раскрыта выключнае значэнне для развіцця украінскай тэрміналогіі перакладаў твораў У. І. Леніна, што праявілася не толькі ў актывізацыі украінскіх спосабаў тэрмінаўтварэння, выразным сэнсавым нападзенні тэрмінаў, замацаванні ў складзе украінскай сацыяльна-эканамічнай лексікі рускіх слоў і іншамоўных тэрмінаў, пашырэнні форм дэспрыметнікаў на *-ий* як аднаго з прадуктыўных спосабаў выражэння спецыяльных семантычных адценняў, але і ў нейтралізацыі спроб нацыянальна-пурыстычнага характару адмежаваць украінскую тэрміналогію ад рускай. Як і ў папярэднім раздзеле, паказаны гісторыя і лёс шматлікіх тэрмінаў у сістэме украінскай ПЭТ з улікам складаных і часам супярэчлівых унутрымоўных і знешніх фактараў яе

развіцця. Аналагічныя працэсы былі характэрны і для беларускай палітэканамічнай тэрміналогіі, таму пры даследаванні гісторыі станаўлення ПЭТ усходнеславянскіх моў цікава было б прасачыць характар і ступень іх праяўлення ў беларускай мове.

Самы вялікі раздзел манаграфіі прысвечаны вывучэнню словаўтваральнай будовы ўсходнеславянскіх палітэканамічных тэрмінаў. Даследаванне грунтуецца на вывучэнні будовы тэрмінаў украінскай мовы, на аснове чаго выяўляюцца агульныя заканамернасці ўсёй сістэмы ПЭТ усходнеславянскіх моў. Надзвычай важна, што пры вывучэнні словаўтварэння ўлічваюцца сістэмныя сувязі ў плане зместу і выражэння тэрмінаў і ў іх адносінах да адпаведнай сістэмы паняццяў. Усё ж нельга цалкам пагадзіцца з аўтарам, што складаныя і састаўныя тэрміны з'яўляюцца сродкам выражэння складаных эканамічных паняццяў (с. 114, 127 і інш.). Па-першае, не зусім зразумела, што маецца на ўвазе, калі гаворыцца пра складаныя эканамічныя паняцці; па-другое, складаныя і састаўныя тэрміны могуць быць выразнікамі не толькі складаных, больш агульных паняццяў, але і больш канкрэтных (дарэчы, гэта сцвярджаецца ў самой працы пры аналізе тэрмінаў *род-госп, трудодень, додатковий капітал, надлишкова вартість* і інш.). Нам здаецца, нельга падкрэсліваць толькі намінацыйную функцыю лексікалізаваных спалучэнняў (с. 126) і катэгарычна сцвярджаць, што ўсе тэрміны-словазлучэнні — «семантычны члянімыя выразы намінацыйнага характару» (с. 134). Тэрміны-словазлучэнні выконваюць адначасова функцыю намінацыі і дэфініцыі, а ў плане зместу ў межах той ці іншай тэрміналагічнай сістэмы могуць быць члянімымі і нечлянімымі, паколькі ступень семантычнай злітнасці залежыць ад характару семантыкі і асаблівасцей функцыянавання слоў-кампанентаў, якія ўваходзяць у склад словазлучэнняў (дарэчы, у залежнасці ад гэтага вылучаюцца розныя тыпы тэрмінаў: с. 61, 129).

Увогуле пры асвятленні праблемы фарміравання сістэмы ПЭТ усходнеславянскіх моў Т. І. Панько ставіць і вырашае на багатым фактычным матэрыяле такія пытанні, як межы тэрміна, спецыфіка яго значэння, тэрміналагічнае спалучэнне, узаемадзеянне тэрмінаў і агульнаўжывальных слоў, нарматыўнасць тэрміна, яго адпаведнасць нормам літаратурнай мовы ў плане зместу і выражэння, лінгвістычныя прынцыпы адбору тэрмінаў, крыніцы, шляхі і спосабы іх утварэння, тыпалогія тэрміналагічнай сістэмы, прынцыпы яе пабудовы, і на гэтай аснове раскрывае асаблівасці станаўлення марксісцка-ленінскай палітэканамічнай тэрміналогіі ў мове ўсходніх славян. Адзначаны недахопы, магчыма спрэчныя і дыскусійныя, не зніжаюць высокай навуковай вартасці рэзюмэмай манаграфіі. Яна з поспехам будзе выкарыстана даследчыкамі тэрміналагічнай лексікі розных галін ведаў.

В. П. Красней

Памяці таварыша

ГАННА МАРТЫНАЎНА БАЗЫЛЕНКА

16 студзеня 1980 года памерла Ганна Мартынаўна Базыленка, вядомы беларускі мовазнавец, высокакваліфікаваны педагог, шчыры працаўнік на ніве роднай культуры.

Г. М. Базыленка нарадзілася 4 красавіка 1908 года ў вёсцы Арахі былога Аршанскага павета Магілёўскай губерні ў малазямельнай слянянскай сям'і.

Лепшую вучаніцу і найбольш ініцыятыўную камсамолку сельсавет паслаў на падрыхтоўчыя курсы Аршанскага рабфака. Скончыўшы іх, у 1924 годзе Ганна Мартынаўна становіцца студэнткай Аршанскага педагагічнага тэхнікума, неўзабаве пераведзенага ў Віцебск. Маладая студэнтка, меўшая схільнасць да літаратуры, была прынята ў члены Віцебскай філіі Усебеларускага літаратурнага аб'яднання «Маладняк». Яна пачынае актыўна ўдзельнічаць у літаратурных вечарах і дыспутах, піша вершы, аповяданні і п'есы, некаторыя з іх публікуе пад сваім прозвішчам і пад псеўданімам Ганна Арахоўская ў зборніках Віцебскай маладнякоўскай філіі «Пачатак» (1926) і «Світанне» (1927), а таксама ў мясцовым

перыядычным друку. На пачынаючую пісьменніцу звярнуў увагу Якуб Колас. Менавіта ён, калі Ганна Мартынаўна скончыла Віцебскі педагагічны тэхнікум, параіў кіраўніцтву «Маладняка» рэкамендаваць здольную выпускніцу на вучобу ў Беларуска-дзяржаўны ўніверсітэт, дзе сам тады выкладаў методыку беларускай мовы.

З 1927 па 1931 год Ганна Мартынаўна — студэнтка літаратурна-лінгвістычнага аддзялення гэтай вышэйшай навучальнай установы.

Скончыўшы ўніверсітэт, Г. М. Базыленка працавала выкладчыцай беларускай мовы спачатку ў Слуцкім, затым у Мінскім педагагічных тэхнікумах, а з 1933 па 1939 год — навуковым работнікам Інстытута мовы і літаратуры Акадэміі навук БССР. Яна прымала ўдзел у стварэнні двух лексікаграфічных даведнікаў — «Руска-беларускага слоўніка» (1937) і «Практычнага беларуска-рускага слоўніка». Апошняму слоўніку не пашчасціла быць выдадзеным: падрыхтаваны да друку рукапіс яго загінуў у час Вялікай Айчыннай вайны. З даваенных навуковых даследаванняў Ганны Мартынаўны заслугоўвае ўвагі артыкул «Мова ранняй творчасці Якуба Коласа», апублікаваны ў зборніку «Пісьменнік і мова» (1934).

На працягу 1939—1941 вучэбных гадоў Г. М. Базыленка выкладала рускую мову ў Рэспубліканскім тэатральным вучылішчы. Калі пачалася Вялікая Айчыная вайна, эвакуіравалася на усход.

Адразу ж пасля вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў Ганна Мартынаўна вяртаецца ў Мінск і пачынае педагагічную дзейнасць у Беларуска-дзяржаўным універсітэце. На пасадзе старшага выкладчыка, а з 1953 года — дацэнта кафедры рускай мовы і агульнага мовазнаўства яна працавала да выхаду на пенсію ў 1970 годзе. Чатыры гады (1949—1953) была адначасова намеснікам дэкана філалагічнага факультэта. У 1952 годзе абараніла кандыдацкую дысертацыю на тэму «Устойлівыя словазлучэнні ў мове Якуба Коласа».

Па пытаннях моўнага майстэрства свайго любімага пісьменніка і тэорыі беларускай фразеалогіі Ганна Мартынаўна апублікавала рад цікавых даследаванняў:

«Вобразы і кампазіцыя паэмы «Адплата» Якуба Коласа» (1946), «Роля Якуба Коласа ў развіцці беларускай літаратурнай мовы» (1952), «Да пытання аб фразеалагічных адзінках у беларускай мове», «Роля асноўнага слоўнікавага фонду ва ўтварэнні і развіцці ўстойлівых фразеалагічных словазлучэнняў у беларускай мове» (1954), «Параўнальныя словазлучэнні ў сучаснай беларускай літаратурнай мове. Па матэрыялах творчасці Я. Коласа» (1957), «Намінатыўныя сказы ў творах Я. Коласа» (1963), «Фразеалагічныя словазлучэнні таўталагічнага характару» (1970).

Некалькі каштоўных даследаванняў Г. М. Базыленка прысвяціла граматычнаму ладу беларускай мовы, з якіх найбольш грунтоўным з'яўляецца манаграфія «Пабочныя і ўстаўныя словы, словазлучэнні і сказы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове» (1964).

Ганна Мартынаўна—сааўтар падручніка для філалагічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Марфалогія» (1957) і фундаментальнай калектыўнай манаграфіі «Граматыка беларускай мовы, т. I. Марфалогія» (1962), выдадзенай Акадэміяй навук БССР. Для першай працы яна напісала раздзелы «Прыназоўнік», «Злучнік», «Часціцы» і «Выклічнік», а для другой—раздзелы «Прыназоўнік», «Часціцы» і «Выклічнік».

Сорак гадоў свайго жыцця аддала Г. М. Базыленка падрыхтоўцы педагагічных кадраў і развіццю беларускага мовазнаўства. Яна была ўзнагароджана медалём «За доблесную працу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941—1945 гг.», Граматай Вярхоўнага Савета БССР, некалькімі граматамі рэктарата ўніверсітэта, тройчы (1950, 1953, 1955 гады) выбіралася дэпутатам Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных. Светлую памяць аб Ганне Мартынаўне Базыленка яе былыя калегі па працы, знаёмыя і шматлікія вучні захаваюць у сваіх сэрцах назаўсёды.

І. К. Германовіч

ЗМЕСТ

ДА 110-ГОДДЗЯ 3 ДНЯ НАРАДЖЭННЯ У. І. ЛЕНІНА

Па ленінскаму шляху	3
<i>Булацкі Г. В., Булацкі В. Г. В. И. Ленин</i> — редактор	5
<i>Злобина В. К.</i> Письма-отзывы в литературно-критическом наследии В. И. Ле- нина	9
<i>Садовский А. С.</i> Влияние В. И. Ленина на формирование идейно-политиче- ских взглядов П. Н. Лепешинского	11

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Шалемава А. А.</i> Пушкінскія традыцыі ў паэзіі М. Багдановіча	14
<i>Кошкарэва С. В.</i> А. С. Хомяков о роли и месте поэзии в жизни	17
<i>Кириллова Т. Д.</i> Творческая личность в романе С. Мозга «Луна и грош» <i>Леонова Е. А.</i> К вопросу о жанровом своеобразии романа «Еврейский авто- мобиль» Франца Фюмана	19 23

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Бурак Л. І.</i> Сінтаксічныя асаблівасці складанага сказа	27
<i>Ровдо И. С.</i> Типы различий в лексико-семантических системах русского и бе- лорусского языков и межъязыковая омонимия	31
<i>Прохорова С. М.</i> Характеристика отдельных синтаксических полей в гово- рах Смоленщины	35
<i>Чумак Л. Н.</i> Синтаксические формы, эквивалентные прямому объекту (на материале глагольных словосочетаний)	37
<i>Полонская Л. И.</i> К психолингвистическому анализу сигматического аспекта плана содержания слова	42
<i>Каховская Л. Ф.</i> Формально-смысловые отношения в процессе аббревиации	45
<i>Мурга Штефан.</i> Сопоставление русских и словацких числительных	49
<i>Буглак В. И.</i> К вопросу о длительности некоторых сочетаний согласных	51

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Литвин А. М.</i> Листовки партизан и подпольщиков в борьбе с фашистскими окупантами	54
<i>Ефимова Н. В.</i> Проблемный очерк как разновидность жанра	58
<i>Шарпило В. В.</i> Комплексный подход печати к освещению сущности и функ- ций социалистического соревнования	61

ПЕДАГОГІКА І ПСІХАЛОГІЯ

<i>Мецержаков В. П.</i> Белорусские книгопечатники XVII века	65
<i>Новицкий И. И.</i> Совершенствование системы народного образования в Рес- публике Куба	67
<i>Грачева О. О., Коряушкина В. А.</i> О выработке навыков выразительного чте- ния у учащихся IV—V классов (К обсуждению новой программы по литера- туре для средней школы)	70

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

<i>Германовіч І. К.</i> Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 1. Пад рэд. Ю. Ф. Мацкевіч	73
<i>Посох А. В. Б. А. Плотников.</i> Дистрибутивно-статистический анализ лекси- ческих значений	74
<i>Красней В. П. Т. І. Панько.</i> Від тэрміна до сістэмы. (Становлення марксі- сцка-ленінскай політэканамічнай тэрміналогіі у східнослов'янскіх мовах)	75
<u>Ганна Мартынаўна Базыленка</u>	77

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. ЛЕНИНА
Серия IV, № 1, 1980

Издательство Белорусского государственного
университета им. В. И. Ленина.
Минск, Парковая магистраль, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск-80. Университетский городок,
юридический факультет, к. 62, тел. 22-87-54.

На русском и белорусском языках

Редактор *А. А. Сычой*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *Л. Г. Мядзведзева*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 31.01.80. Падпісана да друку 26.03.80. АТ 13555.
Фармат 70×108¹/₁₆. Высокі друк. Ум.-друк. арк. 7,0. Ул.-выд арк. 8,05.
Тыраж 1170 экз. Зак. 1051.

Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна
Мінск, Паркавая магістраль, 11. Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва
ЦК КП Беларусі. Мінск, Ленінскі пр., 79.